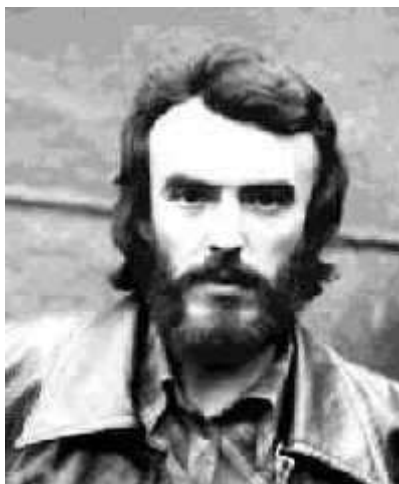

МЕТАФИЗИКА НЕБЫТИЯ

Владимир Лапенков

Вспоминая воспоминания

Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые
Тютчев

Лапенков Владимир Борисович, г.р. 1951 – Ленинград, ученик Д. Я. Дара, работал трубочистом и кочегаром, примыкал к движению хиппи и рок-культуры в период их создания, входил в Клуб-81 и круг Малой Садовой, печатался (иногда как Игорь Непруха и Владимир Константиади) в самиздате 80-х гг. («Часы», «Обводный канал», «Метродор»), а также – «Эхо» (Париж).

Писал прозу с 1969 до 1987 года, в дальнейшем увлекся культурологическими изысканиями. См. – «Самиздат Ленинграда». М.: НЛО, 2003; «Литераторы Санкт-Петербурга». XX век –2011; 2015 гг. и в Интернете.

Теперь вот «нелегкая» занесла в Новый Русский Журнал, где тоже вряд ли удастся найти что-то путное (включая редактора).

Может быть эти воспоминания точнее было бы назвать

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ И ВТОРАЯ (или третья) ЛИТЕРАТУРА

**Наконец-то «ясное как солнце сообщение НЕчитающей публике
о подлинных началах натуральной субъективной философии»**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**ВОСПОМИНАНИЯ СУМАСБРОДНОЙ
НО
ВСЕ ЖЕ ПРЕКРАСНОЙ ЮНОСТИ**

**Товарищество писателей в Петербурге
Секция критики и литературоведения
Союз писателей России**

Лапенков Владимир Борисович, 1951 г.р. (Ленинград).

В 70-80-е гг. участник ЛИТО Голос юности и Клуба-81.

Писал авангардистскую прозу (сам / тамиздат – ж. и сайты – «Часы», «Обводный канал», «Крещатик», «Магазинник», «Родник» (Рига), «Эхо» (Париж), «У Голубой Лагуны» (<http://kkk-bluelagoon.ru/>). Последующие интересы – история, культурология, философия, литературная критика, мемуаристика. Ж. «Звезда», «Нева», «Квадрига Аполлона», «Русский журнал», сб. «Коллекция: петербургская проза (ленинградский период) 1970-е». СПб, 2002; кн. «История нетрадиционной ориентации», Яуза–Эксмо. М., 2006; «Пара меморий». СПб, 2011; «Буквоборцы». СПб, 2015. В Сети – главы из книг «Война историй» и «Введение в мифо-семантику». Об авторе см. Литературный Санкт-Петербург. XX век: энциклопедический словарь» (СПб., 2011 - в 2 т.; СПб., 2015 - в 3 т.)

Для общего ~~развития~~ знания рекомендую также:

<http://kkk-bluelagoon.ru/>

<https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/>

<http://quadriga.name/>

Лица Петербургской поэзии: 1950-90-е гг. Автобиографии.
Авторское чтение: Мат-лы к энц. / сост. Ю. Валиева. СПб., 2011.

Литературный Санкт-Петербург. XX век: энциклопедический словарь» (СПб., 2011 - в 2 т.; СПб., 2015 - в 3 т.)

Сумерки Сайгона. 2-е изд. Сост. Ю.Валиева. СПб., 2019.

История ленинградской неподцензурной литературы: 1950-1980-е гг. Сб. статей. СПб., 2000.

Герои ленинградской культуры. 1950-е -1980-е. Сост. Л.Скобкина. СПб., 2005.

Иванов Б.И. История Клуба-81. СПб., 2015.

АННОТАЦИЯ:

Кто не читал сочинений Владимира Лапекова, тот еще не знаком со второй культурой – а разница между первой и второй культурами, как полагает бесшабашный (или безбашенный) Редактор, пости та же, как разница между женой и любовницей.

Которая из них жена, а которая любовница, пусть каждый читатель решает сам.

Читатель, прошедший мимо предлагаемых текстов, обречен и прошлую жизнь и настоящую прожить во сне, а в будущей не только не воскреснуть, но и не проснуться...

В. Чернышев

Данная публикация – это всего лишь пробный оттиск, автор внесет все, какие ему захочется, изменения, а может быть, заменит и сам текст.

Сам я не знааюк ни первой ни второй культуры, в первую меня не впустили, даже до порога не дошел, не открыли даже калитку – хотя несколько наиболее знаительных книг в русской литературе своим воскресением обязаны именно мне, например «Россия и Европа» Данилевского, Раззилювская летопись, сочинения Дионисия Ареопагита..

Во второй я и сам чувствоал себя чужим (как и в большей части первой), чужаком ощущали меня и ее деятели, с иными из которых я был даже в дружеских отношениях. (Но все же был чужим).

Поэтому пусть автор на меня не обижается, я всё, что он мне прикажет, исправлю, добавлю, укорочу – но с чего-то надо начать? Пусть мы хоть огордим место, на котором появится нужная автору Мемория.ь

Владимир Лапенков

дек. 2012 - янв. 2022

Вспоминая воспоминания

(и рассуждая рассуждения)

мультиверсный унитекст(почти что *проза* – о личном и публичном, о разном прочем и ином)

Сказал себе сам: память по мере сил, пока не помер. Очередная меморoidalная шишка вылезла: измерят, взвесят и отвесят, в смысле – воздадут, мерою за химеру... Что-то в «Пара-меморий» мой совсем не попало, что-то ---- пунктиром, о чем-то постеснялся сказать, что-то, м. б., не перепутал, *каннетишина*, но и не так, слишком по-своему описал (кто-то тогда же, наверное, увидел ту сцену в иной конфигурации, при ином освещении). И это естественно.ⁱ

А первый мой мем – «Негативы», или «Записки из-за угла» (подзаголовок, случайно совпавший с названием маргинальной пописушки А. Битова), и именно с этой рукописи надо мои мемученья отсчитывать. История с ней получилась абсолютно дурацкая, вполне в духе того времени. Некто из персонажей (Юра Гальперин), тогда уже эмигрант (и уже лауреат премии им. Владимира Даля),ⁱⁱ нашел возможность навестить «альма матер» (1982 г.) и сделал попытку переправить мою рукопись на Запад. Для этого он отдал ее небезызвестной русофилке Сюзанне Масси, но та, попав в Москве в заварушку (вроде бы – в драчку с ментами), испугалась возможных последствий и скинула свой потайной багаж на хранение Г. Сапгиру. (Позже я сам об этом услышал от Генриха, когда тот посетил поэта Витю Кривулина, у которого, кстати, ранее затерялся и пропал второй, и последний, экземпляр моей рукописи). Теперь, в принципе, *всему этому цена дерьмо*, как говаривал незабвенный *трактирщик Паливец*, но вспомнить приятно.

Совершенно неожиданно эта история получила продолжение. Уже в 2011-м году я встретил Юру Гальперина, приехавшего в Питер на презентацию своей новой книги. Оказывается, после того случая, жена Юры, славистка Тереза, на следующий «сезон» (1983 г.) посетила Сапгира и, забрав у него ряд рукописей, включая мою, привезла их в Ленинград. Но поскольку за Терезой велась неприкрытая слежка, она раздала все бумаги своим студентам и вскоре они счастливо оказались в Берне, а мои «Негативы» – в Париже у Владимира Максимова. Максимов вознамерился их напечатать в одном из ближайших номеров «Континента», но попросил, по понятной тогдашней причине, взять «добро» на публикацию от автора. И что же? Некий «доброжелатель» *запретил от моего имени* оную акцию... Похоже, что история никак не желает прекратить течение своё. Кто же был этим «доброжелателем»,

имевшим, в отличие от меня, такие хорошие связи с «забугорьем»? Неужто – *Витюня*?.. Абыдна, да?.. Нет, не хочется так думать (по идее, здесь должен быть «ивановборисиваныч»).ⁱⁱⁱ Хотя... Хотя, жисть в реалето позакovyристее наших представлений о ней. Но нет худа без добра, а добра без доброхота... Опубликуй тогда Максимов мою рукопись, не пришлось ли бы автору испробовать аменазинчика в казенной палате намбэ сикс?.. Нам бы нам бы нам бы всем на дно... Но – нам не дано предугадать-ать-ать как наше слово отзовется...

А теперь – такая «интерлюдочка»:

Худпроза писалась мною с конца 60-х до 86-го года; точнее, это была *около-, вокруг- и металитература*. Ну и в последние 25-30 *правильных* лет – работы культурологического и мемуарного характера. Попадание в андеграунд было неизбежным. Начиная с того, что был изгнан из школы и являлся, по факту, первым ленинградским хиппи; отсюда – дурные компании, ночные сейшны, хич-хайк по СеСеРу... М.б., еще не всё было бы потеряно, но с юнейших лет попал в руки Давида Дара, и тот, вместо того, чтобы направить отрока на путь истинный, напротив, еще более поощрял в антисоциальных и антитрадиционистских взглядах. (Он лечил подобное подобным, вернув самооценку, показывая ценность статуса вне статусов). Поэтому и писал я (под псевдонимом Непруха) только иронические и пародийные, в современной терминологии – пост-модернистские опусы. Соответственно и приятели были авангардисты, алкоголики и антисоветчики.

Впрочем, даже если бы Дар и попытался бы привить мне что-нибудь благолепно приличное, вряд ли бы это превозмогло тяжелую

Иван и Алекпер с братом

наследственность и отсутствие должного воспитания. Все же оба деда моих получили по «маслине» в затылок не в роли безвинных овечек режима, рукоплескавших стройкам и тройкам, а в борьбе обрели несчастье свое (эсер Иван в 37-м, а басмач Алекпер аж в 26-м; осина не родит апельсина). Так что тогдашнее концептуальное свое «отрицалово» я не из одних только книжек вычерпал. Но с годами, присмирив и обломав рога на дискурсивных полях, уже сам с отчужденно-исследовательским интересом обращаюсь к тому периоду на правах читателя и поминателя...

Уж не знаю, дедовские гены ли, минуя родителей, так проявились, аль что иное, но сызмальства испытывал страх и ненависть к буржуазному (совейскому тож) ордну-распорядку.^{iv} Весь мир насилия – учителя и начальники, паханы и вожатые, смотрящие и рулевые, все иерархии вертикалей... Только бегство в миры параллельные, в виртуальный апгрейд, в андеграунд, в мифический град на обетованной земле, где хипшуют свободные личности, где все одной крови, чингачгуки и геки финны, диланы и ленноны...^v

К *Литературе*, как таковой, я всегда относился слегка иронично и снисходительно. И всерьез считал себя писателем только в том нежном возрасте, когда писал романы про индейцев. Истинным кумиром была *Культура* в самом широком и многоглавом смысле. Здесь, конечно же, и литература (художественная) застолбила себе местечко по рангу, но основной простор занимали конкуренты и смежники. Мифология и история, фольклор и философия, эстетика и лингвистика, религия и наука, документалистика и востоковеденье, наконец, спорт и музыка со всеми подотделами и фигурантами, от Джета Ли до Майкла Джордана, и от Майлса Девиса и Дейва Брубeka до Андреа Бочелли и Чечилии Бартоли. Куда там соревноваться с ними в мастерстве бедным пиитам и романоидам!

Нет, конечно, кто ж спорит – Гёте и Гоголь, Белый и Музиль (или, если хотите – переводческий гений, Соломон Апт), старик Дар, Гран-Борис и Вася Филиппов... Есть чем утишить читательский зуд. Но... всё же – идиостиль, волонтаризм, вкусовщина... Много полезительней (а для знатока интересней и стилистически изощренней) – словари Даля, Фасмера, Бенвениста, Вальде-Покорного, Плущер-Сарно... Алексей Федорович Лосев в эстетской истоме своего многотомья, «Архив русской революции» Гессена, индийские мифы, китайские трактаты и прочая эпохалка, от мира Илиады Эллады до Мирча Элиаде, наконец – госпел, хард-боп и арт-рок, бельканто и скет вокализы...

В лирическом стихке или сюжетном романе-новелле я всегда чувствовал некую недостачу валидности, культурную инволюцию, пубертатность рецепции, дефективную фикцию фюзиса. Короче – пролонгированную финитность инфанта. В век мультитудного

эгоцентризма наблюдается явная импотенция эмпатии. А без (бес) любопытства, и любовного интереса, нет и заглядывания за горизонты и жанры. На этих *бесах* взвешивается креатив. То бишь – определенно продлённая детскость как раз и придаёт креативное качество зрелости, а без оной зрелость *незрела* в своем жанрово зашоренном самодовольстве...

Взгляд ребёнка лет пяти: улица, зима... грузовичок катится по дороге... Такая вкусная картинка! Просто съел бы. Одна колея от протекторов, чуть припорошенная по краям, чего стоит!.. Донёс до дома аппетит и на кровати свою игрушечную машинку стал возить по белому покрывалу. Очень старался...

Художник (в классическом смысле) в первую очередь наверное тот, кто сохранит это чувство, остроту восприятия, на целую жизнь. А я по приходе домой безуспешно пытался восстановить ощущение посредством подручных материалов... но не сумел. И разочаровался. Так сказать, отпраздновал антипруста. В ответ проклянулся Вовлапенков, любитель сухой мозгодрочки, влажных аллюзий и систематизации интенциональных миров.

Да, некоторое резонерство (даже не представляю, от кого эти гены) мне было присуще почти что с рождения. Помню, мне дали лизнуть, «в профилактических целях», вина и водки, после чего я всякий раз в праздник выходил к обеденному столу, по-хозяйски оглядывал его и, лениво пожеывая подаренную конфету, говорил собравшимся взрослым: «И как вы только можете пить эту гадкую водку!? Неужели вам не противно?.. Фу! Ведь *вино-то гораздо вкуснее!*». (Через полвека я дождался от внучки: она долго смотрела на меня, курившего папиросу, и, сморщив нос, сочувственно спросила – «Что? Противно, да?»^{vi}).

Нет, ну не то, чтоб уж совсем чопорно-вычурно и без топорного порно! «С малых лет счастья нет»: первая страсть, любовь и кровь с молоком до самого до гроба, случилась задолго до школы, когда мы снимали дачу в Новинках. Печальная история с приснопамятной ласковой

Розочкой: я рос, крепляшася духом, на вкусном ее молочке, которое – вдруг (по причине преклонного возраста) – она перестала давать, и хозяева решили Розу резать. И порешили. Весь в слезах-и-соплях, я рвался в сарайчик, откуда слышалось жалкое бляенье, и мать едва смогла меня удержать. «Подождите, – кричал я с надрывом, – она еще выздоровеет, она отдохнет и поправится...». Куда там! Циничные дядьки не только сделали свое кровавое дело, но позже, накормив меня ее мясом,

ехидно смеялись («Что? *Вкусная Розочка?*»)... В тот год, овладев букварем, я и решил стать писателем.^{vii} А к коровьему молоку (после козочки) привык я не сразу: слишком долго оно мне казалось вонючим и грубым, пахло животным сараем как вся наша жизнь...

А подумать – так покажешься сам себе Кашеем Бессмертным... Это ведь надо ж – я помню, не поверите, *колёсный пароход!* Мне было годика эдак четыре, и я плыл на оном по «матушке» с матушкой, то бишь по реке Ра к Ярославлю, в область древней Арсании русов, мери и веси. И страшно ревела сирена, и старухи-мешочницы молча глядели сухими гляделками, похоже вполне способные меня съесть, ну в крайнем случае – обсосать беззубыми дёснами... Сказка ли, или намёк на вещи ценности и телесные скрепы? В Арсании слезам чужеземцев не верят; не даст соврать Ибн Фадлан. А кстати, об устах глаголистых младенцев: где-то через пару годков, уже под Москвою, точнее, под Клином, довелось мне посетить провинциально-поселковое гестапо со святой инквизицией, в просторечьи – медпункт. Там выяснилось, что у дошколёнка, меня, давно уже во рту не «молочники», а постоянные зубы, успевшие глубоко познакомиться с кариесом. А теперь (гуманитариев и слабонервных прошу удалиться) представьте картинку: одна тётенька держит меня, а другая – сверло бор-машины... Нет, трудно начать, слов не хватает в писательском несессере... Дело даже не в том, что тогда, в глубинном СеСеСеРе, не знали науки «обезболивания», а в том, что машина не знала науки электричества и работала на *приводном ремне*. Широком, шершавом, скрипучем... И геройская тётя для вращения сверла *крутила педальку ногой*. (Не в зуб ногой, но зуб за зубом...). Однако Клин Клином, а Большая Арсания славна контрастом: в те дни столица светила от зубастых фестивальных улыбок «парней всей земли» и фертильных девичьих взглядов...

М-да... то, что многие и вовсе не знали, я уже начал подзабывать. Годы-годки, ходы-ходики... Как-то спросил я одного, проходившего мимо, маэстро, не знаком ли он с Володею Эрлем, на что тот радостно ответил: ну конечно! А как же! Лет десять, не меньше!..

А мы вот с Эрлюшей *лет сорок* уже как не здороваемся...^{viii}

Сновидения тоже хороший пласт подпочвы. Но и здесь мне не везло: до самых пожилых-пожухлых лет мучал – в разных вариантах – один и тот же сон. Опаздываю в школу, пропускаю уроки, экзамен... Бегу. Не от, а к... Тщетно. Такая, дружище, планида. Впрочем, махонькое открытие совершить удалось: заметил, что часто вспоминаются во сне отрывки старых сновидений. Т.е. не уходят никуда. Стало быть, где-то в мозгу зарыта эзотерическая фильмотека...

Что мы знаем о себе? И что значит я? Тело живет своей тайной жизнью, крайне мало зависимой от желаний нашего *эго*. Собственно,

само *это* это верхушка пирамиды, одинокий всадник в бескрайней темной степи нашего тела и большей части мозга, инопланетянин. Ситуация сходна и с положением ноосферы Земли, жалкого крошечного островка посреди бесконечной вселенной. А новое знание лишь умножает скорбь незнания. Раньше было проще. Давид Дар, самобытный философ-самоучка, в своих произведениях активно ратовал за высшую ценность телесности как таковой, объясняя возникновение философии, и т.н. мудрости, старческой сублимацией-компенсацией. Разумеется, он имел в виду *здоровую* телесность в пору ее расцвета и юности, и не столько даже как индивидуальный факт, сколько в качестве некой *Идеи*. Тем самым он в какой-то мере подрывал собственную идейную ненависть к идеологии в целом, считая, что именно от последней все беды истории и вся пролитая кровь. Но тут есть своя правда: хорошее против плохого, слово против слова, философия жизни и природы (шпенглеровской Культуры или даосской естественности) против железной диктатуры цивилизации. Другое дело, что «нет правды на земле» и в каждой избушке свои погремушки...

Вообще-то годы отрочества-тинейджерства были, пожалуй, самыми тяжелыми в жизни: бычок-тестостерон бодал организм и корёжил характер, притом, что невежество в области медицины, психологии и социальности было (и не у меня одного) запредельным. Скажете, у всех тестостерон?.. Согласен, но основной контингент моих сверстников всё же как-то удачливее адаптировался и занимал свои ниши, а социопата, безуспешно тянувшего себя за волосы из душного фрейдистского болота в сторону ревизионистской маркузеанской утопии, изломало заметнее и надольше. Псевдоним «Непруха» не случаен отнюдь^{ix}...

Правда, скучать было некогда: болезни-страхи-комплексы, мордо-битья и страсти-мордасти, любознательство и бумагомарание, свальные кайфы и общественный остракизм. Так и *нпруха* Непрухи вполне очевидна: ведь сгнать мог не однажды, в том числе и в экзотических формах; просто чудом не выдал ангел-хранитель. Урка с пером, мент с браслетом, соратник со шприцем, дтп и несчастные случаи, попадалово в Грозном (нет, ну какой из меня раб-работник в горном ауле?!..). Да даже в самом раннем детстве... Помню, как «на минутку» мать оставила меня, пухло-щекоего пацаненка, у входа в магазин. Подбежал жуткий дядька с безумным взглядом из-под огромных бровей и сказал, что малым детям нельзя здесь стоять, поэтому он забирает меня с собой. Я, естественно, заревел во весь голос и страшила как-то незаметненько растворился в толпе. Потом, уже дома, бабка выдала невестке полную охалку горячих физдюлей: «Да это ж людоед был блокадный, я таких навидалась!». (Думаю, дядька скорее всего был просто городским сумасшедшим... однако, кто его знает...). Кстати, *идея аборта* в свое время тоже серьезно рассматривалась и была отвергнута не сразу и с преимуществом в один голос...

Всего не перечислишь: казарма, тюремная шконка, больничная койка в психушке маячили в шаговой доступности (многие ровесники-друзьбаны сошли с дистанции, пройдя через это), один из «хич-хайк'ов» завершился в Эстонии клиникой (ноги на нервяке отказались ходить), а уж личного идиотизма хватало на двоих. Помню, как с приятелем юности, после бутылки вина (тогда говорили: «фаустпатрона») неясного происхождения, раскачивались на перилах балкона 9-го этажа, и, держась за бельевую веревку, горланили песни... Уж небо было по колено, казалось, ты неуязвим и бессмертен, и запросто можешь летать...^x

Обо всем не напишешь, да обо всем и не хочется. Какие-то моменты, сексуального либо чересчур экзистенциального характера, будут подобны нудному описанию операции аппендицита, где ты уже не действующее лицо, а заводная кукла в экспериментальном театре. О некоторых, чреватых суицидальными поворотами, случаях и вспоминать не хочу – до сих пор вздрагиваю, если приснятся. А где повезло, так уж повезло: все равно, что сорвать банк в рулетку. Иначе не дожил бы до написания сегодняшних строк.

О чем это я? Ах да, о писательстве. Писатели – в большинстве талантливым своим – дабы показать безумность мира, активно используют гротеск, гиперболу, шарж и прочие силовые приёмы. Но ведь Реальность нам давно и хорошо известна. Не будет ли лучше описать ее, родимую, буквально? Протокольным языком? Так, например, поступил в своей концептуалистской прозе Аркадий Бартов.^{xi} «А ведь это тонкое издевательство!» – могла бы здесь воскликнуть какая-нибудь утончённая дэвушка (или полная лэди). Но, может быть, это, скорее, утончённая (и уточнённая) жалость к миру? Как бы со стороны демиурга, психотерапевта и волонтера в хосписе? А то и смирение?..

Реальность, конечно, меняется, и не всегда в лучшую сторону. Того же Бартова (одинокого в питерских краях постмодерниста) типологически можно сравнить с такой уникальной фигурой как Энди Конрад (А.М. Кондратов). Но – по антитезе, как доброго доктора со злым следователем. Что вовсе не свидетельствует об их личных характерах. Поменялся характер *эпохи*. Кондратов жестко бодался с эпохой Модерна, оптимистично мясистой, по-гагарински ехавшей в зияние светлого будущего («Здравствуй, ад!»). Бартов познал (и предвосхитил) тавтологичное время без стержня, хрупко-хлюпкое времечко Постмодерна с его вечной хрумкой ретро-утех. Сын медиков и математик по первой профессии, он категоризировал социальную и заговаривал природную жуть. Отсюда и милосердие к своим картонно-скелетным героям, к литературному жанру как таковому, коим автор пытался хоть немного смягчить и укутать итоговый неизбежный вердикт...

Большой писатель – в разной степени проявления каждого момента – это стиль (язык), универсализм (жанровая многостаночность), идея (концепт), личность (с неизбежными «тараканами») и судьба. Можно добавить и такой тёмный термин, как *глубина*. (Однако его не трудно понять, если «размазать» по всем предыдущим упомянутым свойствам).

Последние *большие* (у нас) – Платонов и Пастернак. Бродскому немного недостаёт масштабного универсализма, мифологизма и «тараканов», вроде «пастырства» (он тем самым не «больше, чем поэт», хотя как раз в поэзии он наибольший универсалист своего времени; м.б., наряду с Высоцким). Сан Саич пытался «толстовствовать», но чистой «художки» слегка не хватило (да и «тараканы» не такие роскошные). Не Толстой, а толстунчик.

Авторам 19-го и начала 20-го веков повезло еще в том, что их было сравнительно мало. И у каждого своя делянка. К концу 20-го всё еще можно было различить индивидуальные патенты на потенцию. По эволюционно-спортивной шкале: малограмотный, успешно грамотный, и *параграмотный* (т.е. автор вышедший за околицу штампов и флажки культурных парадигм). Но вскоре, благодаря тотальным медиа, стало уже слишком много *переграмотных* и преловких талантов, да и просто имитаторов («пост-» и «после-прустов»). И делёж перешел на тусовочно-рыночные рельсы.

Конечно, и ранее большие авторы что-то там не могли поделить, хоть лично, как Тургенев с Толстым, хоть стилистически, как Достоевский, «преодолевавший» Белинского внутри себя и Гоголя вовне, но это не идет ни в какое сравнение с нынешним состоянием. Кстати, в своих романах Папа Дост легко преодолел «гогольянство» (начиная уже с полемичных «Бедных людей»; ср. мнение Михаила Бахтина и «страх влияния» у Харольда Блума), менее свободен он от учителя в своих новеллах, и вновь творчески близок в эссеистике и дневниках.

Об учительстве говоря, как не вспомнить Давида Дара!? Мы все, считавшие себя его учениками, дожили до лысин и седины, но и до сих хотели бы ему показывать свои кунштюки, креативные высеры и выкрутасы. Зная меж тем, что сам он не уставал учиться у молодых. Чему? Ну это понятно всякому диалектически мыслящему вампиру олеговичу: непосредственному ощущению мира. Радоваться *дару восприятия*, незамысленному Большой Культурой. Привет Ролану Барту с его «радостью текста» и прочей «дерриде». А здесь – «*всё есть секс*». Вот тут мы никудышные ученики, и потому же – не учителя.

Миф русской литературы, от Пушкина до Пелевина, это моменты экзистенциального и художественного экстрима. (Пушкин – еще *предмиф*, мифом он становится после своей гибели). На Западе экстрим был больше игровой (за исключением, наверное, Антонена Арто), у нас

же длился до самого конца эпохи питерского андеграунда. Пелевин – уже *пост*мифологическая эпоха, когда миф стал гламуром, игрой и товаром.

Полноценный мифологизм русской культуры порождён пулей Дантеса. Пушкин *до* и *после* смерти это совсем разные фактуры: да, «большой оригинал», яркая и юркая фигура, ловелас и бузотёр, салонный литератор, ВИП... но и только. Зато потом – общенациональный поэт, универсал, эпоха, «наше всё», создатель нового языка, ставший не только главным героем академического буквоедства, но и – что важнее – персонажем литературных пародий и анекдотов.

...За ним и Лермонтов спесивый
О буре демона просил,
В горах нашел пленер красивый
И пуле вымолвил «мерси»...

А по заветам (→ Советам) Карла-Фридриха и примкнувшего к нём Института, государство должно возвеличить своего друга-врага до титана или демона, чтоб, так сказать, не похерилась игра равновеликих космических сил: тут Булгаков и Троцкий, Пастернак и Бродский, Сахаров и Солженицын, чью благую-облыжную весть, не читав, осудили текущие вселенские массы...

Миф полноценный есть не что иное как **значимость**. Менее значимые авторы обычно и наименее мифологичны (сравним Пушкина и Баратынского, Лермонтова и Полежаева, Байрона и Колриджа). Хотя, конечно, безумие и самоубийство Гаршина или пьянство Аполлона Григорьева не сделало их фигурами глобального масштаба. Миф многогранен и семантически неисчерпаем, его трудно произвести намеренно. Он возникает или *не* возникает, исчезает или множится также внезапно и необъяснимо как степной ураган.

Миф и Реальность соотносятся друг с другом как две разнонаправленных пирамиды: Миф качественно наполнен Реальностью от 0 до 100%, и наоборот – Реальность наполнена Мифом от 100% до 0. Сочетание может быть любым. Это первое приближение; на более глубоком уровне обнаруживается внутренняя разнокачественность (градации, нюансировка) как реалий, так и мифологичности в их логическом и эстетическом понимании.

Серьезное искусство играет для СМИ роль фольклорного базиса (набор приемов и мемов, мотивов и образов). Также как история это материал не только для новой мифологии, но и для современной философии менеджмента (типа «Сталин/Гитлер/бин Ладен, как эффективный менеджер»).

Традиционная культура это «Музей», это классики (былые новаторы), эпигоны и «кормящиеся»; хотя существуют современные *мастера*-эпигоны, которые настолько чувствуют себя *дома* в «Музее», что нередко

вполне достойны – по формальному мастерству – своих кумиров (Акунин-Чхартишвили, Быков-Зильбертруд, Ротиков-Пирютко). Современная культура находится еще в проблемном ценностном поле: у нее есть в каждой области свои новаторы, ценители и эпигоны, причем среди последних могут быть такие мастера-организаторы и рефлексанты, что и они достойны стоять рядом с новаторами (на примере выходцев из питерского андеграунда – КККузьминский, Борис Иванович Иванов, Борис Останин; «евгении невских берегов»)...

Самозванные интеллектуалы, эстетические хулиганы и отпетые словоломы. Сторожа, но не дворники, кочегары, но не плотники, в основном – газооператоры, и не токмо в профессионально-социальном аспекте, но и в спиритуальном тож... Ежели оперативно просмотреть этот термин на свет, то самые разные аллюзии повылезают, в том числе – *врачевание*, или *механика Духа*, или, на худой конец, *посредничество* с оным (как в классном госпеле «Operator»). Конечно, всё конечно, хотя пока и не кончено, но – по чесноку: узка товарная ниша, узок базарный круг этих буквоборцев и литерболистов, страшно далеки они от продакшн! Продукт не востребован, да особо и не распробован, но вкус – *спецыфиссский!*.. Как я писал уже где-то когда-то: Жизнь наша тяжела и крива, / а водка дорога и противна, / но зато какова / архитектоника нарратива!..

На поминках (в галерее «Борей») по Борису Ивановичу Дышленко мне вспомнился следующий эпизод. Как-то в «нулевые» годы направился я в ДК Крупской по книжкам пошарить... Глядь, на подходе, под раскидистой «неклюквой», стоит Б.И.Д. и предлагает прохожим незадорого свою книгу «На цыпочках». Ну я тут же сориентировался помочь ему в этом богоугодном деле. Рядом остановилась пара моднявых фраерков усредненного возраста. Оказалось – немцы, но вполне недурно ботающие на нашенском родном. Интересуются: кто-что-почем. Что им сказать, одновременно не слишком соврав? «Это наш русский Кафка», – говорю, не стесняясь. И тут фрицы меня удивили, даже,

считай, ошарашили. «А ведь это *очень* плохая реклама!», – сказал мне, чуть шурясь, один из фрицев, с усиками а la Григорий Замза. Я не сразу нашелся, но, недолго подумав, и вспомнив старый-добрый лозунг, «мы рождены, чтоб Кафку сделать былью», выдал, почти не краснея: «Да-а, ваш Кафка, канешна... не спорю, тут без вопросов... Мрак, морок и заморочки Модерна. Но вот *наши*... Это дело иное!».

Купились. Купили. Однако буржуинские пруссаки заявили мне тут же, что ежели книга им не понравится, то вернут ее и потребуют деньги обратно... И вот теперь не пойму, какая ж из этого следует мораль, кроме известной сентенции, «что русскому здорово, то немцу смерть»?.. Может та, что не всегда нравится портрет портретируемым, и неча на писачу пенять, коли рылом не вышел?.. А может, это как раз *мы* отстали от новейшей крылатой ракеты Прогресса, и всё по-старому копошимся, тянемся *на цыпочках*, выставляясь мелкими бесами-таракашками из-за мрачной пазухи Достоевского?..^{xiii}

Когда-то (в далекую застылую пору) в нашей среде ходило популярное выражение – «*быть, а не казаться!*», *казавшееся* весьма адекватной формулой построения бытия. Потому даже меня, маргинала, немного коробило мнение Гены Трифонова, что главное в жизни это как раз *казаться*, т.е. демонстрировать желаемое и невозможное, а не плыть по размеренному навеки течению скушного совкового быта. Тут, как и всегда, дьявол вопроса в деталях: где кончается миф (иногда не начавшись), а где просто хвастовство и вранье? Где Уайлд или Маркузе,^{xiv} а где Паниковский и Хлестаков?.. Иногда пошлость ужимок, речей и поступков Геннадия приводила меня в бешенство, но «*вырезать*» это все из цельной, страстями скрепленной, личности не представлялось возможным. Ножниц таких еще не придумали.

Помню, как Трифонов читал в «Голосе Юности» стихотворный цикл «Письма Офелии к Гамлету», где героиня была его подразумеваемым альтер эго. И там вроде бы, по сюжету, девушка попросила принца дать ей стакан яду. В общем, на фоне трагической безответной любви как-то нарисовалась эта малозначимая бытовая деталька. Емельянову, тогдашнему руководителю даровского Лито (в ДК «Трудовые резервы» на улице Софьи Перовской), по традиции необходимо было высказать нечто критически-умное перед алчущей духовности аудиторией. «А стаканов-то в то время еще не было, – заметил он вдумчиво. – Были – кубки». «А может быть, это был стакан металлический, из серебра?» – подкинул автору спасательный круг кто-то из прогрессивной рабочей молодежи. Однако Геннадий не нуждался в подачках. Надо было видеть снисходительно-гуманитарное выражение его лица и ощутить баритональный бархат голоса мудрого дедушки к надерзившим внучатам! «Нет-нет, это именно *стеклянный* стакан. Когда мы с Верой Фёдоровной путешествовали по Англии, нам показали *его* в

доме-музее Шекспира». Возникла немая «ревизорская» сцена и народ молча выпал в астрал. Хотя мне тогда жутко хотелось вернуть – «Не гранёный ли, мухинский?», но я только внутренне проаплодировал. Поэт действительно достоин был восхищения: мультилауреатка и в самом деле посетила Британию, а Геннадия (не так давно сменившему Довлатова в чтецах у Пановой) *до поры* такой вояж мог только сниться. Но в данный момент он, конечно же, верил себе безоглядно и никакие детекторы лжи ничего здесь не смогли бы поделать!..

Раз уж вспомнился Емельянов, то как тут еще не позлословить?^{xv} У меня, помимо истории с драчкой на д.р. Дара (см. Парамеморий), сохранилась старая детская обида на то, что он, не довольствуясь изгнанием меня из Лито, настоял и на моем исключении из библиотеки ДК, чему даже друзья его поразились. В те годы *библиотека* была едва ль не единственной нитью, связывавшей человека с культурой, т.е. это был храм-ашрам «в шаговой доступности». Еще подростком довелось мне видеть в «Голосе Юности» как некий поэт рассказал, что, обосновавшись наконец в Ленинграде, хочет теперь записаться в библиотеку. «И давно ты приехал?» – с недоброй иронией в интонации спросил Дар. «Да уж с месяц наверное...». «Как? Ты уже целый месяц в городе и до сих пор не записался *в библиотеку*!?!». И все «голосята», кто с искренним осуждением, кто с насмешкой, повернулись в сторону незадачливого поэта...

А библиотека в ДК была изумительна в первую очередь тем, что там никогда не толпился народ, а я, благодаря доброте ее заведующей, перед началом летних школьных каникул приходил с большим чемоданом и набивал его доверху всем доступным литературным дефицитом, затариваясь сразу на три месяца. Так что нетрудно себе представить, чего лишил меня новый руководитель Лито.

«Но ведь ты же бесконечно подтачивал его авторитет в глазах коллектива! – отвечал мне Дар на мои жалобы. – Никто и нигде тебе такого бы не позволил. Это я терплю твой мерзкий характер!». (Ага, Емеля тоже наябедничал!). «Но *из библиотеки*... За что, Давид Якльч!?!». «Нет, из библиотеки... ну да... как-то так, конечно... наверное...».^{xvi} Тут он сильно закашлялся, пожаловался на астму и перевел разговор на другое.

Нет, конечно, наглости мне было не занимать, не зря же меня исключили из советской школы за полгода до выпускных экзаменов,^{xvii} и Дар не раз при всех восклицал: «Ну за что я только люблю этого негодяя!?!».

В «Голосе» не было формального официального членства, поэтому я, несмотря на изгнание, время от времени посещал «Голос» в качестве «гостя под прикрытием» в паре с кем-то из бывлых «мэтров», с Холоденко или Трифиновым.^{xviii} Негодяйского мерзавца ценили не только за

поведенческую, и младую литературную, наглость, но и за определенную честность и верность, идеям и людям. Последнее мне давалось легко, поскольку не меньше чем книгами я интересовался яркими личностями; тянуло меня ко всему «нелинейному». Не случайно именно меня Дед просил проследить, чтобы Холоденко *не окончательно* спился, «из литературных побуждений»,^{xix} а Геннадий не наложил на себя руки по случаю очередной своей несчастной любви.^{xx} Мне действительно было не все равно, да и просто любопытно – примерять на себя чужие страсти. В частности, по сходной причине я по сих пор воюю за память тех, кого знал, и среди первых, за самого Дара, перед которым столько людей некогда пресмыкалось, чтобы после его смерти вытереть об него ноги.

Все-таки невозможно отрицать тот факт, что «Голос Юности», через который прошел весь литературный Питер, еще при жизни Дара превратился в застойно-усохшую клаку-клоаку *емеленых* полудаунов. Но поскольку я, хоть и «мерзкий», но справедливый, скажу и другое. Уже в 90-е, после смерти и родоначальника и «ключик-чайничка», Лида Гладкая (первая из жён и последняя из подруг Глеба Горбовского) сказала мне про Емельянова: «Ты его не знаешь по-настоящему. Он – философ. Он придумал *русскую* пятеричную систему жизни, не хуже буддийской!».

М-да-а, тут что ни слово, то Гегелю пуля в лоб. Чего не знаю, того не знаю. А вдруг?... Ёрничать-то, пока живы, легко, да Бодхидхарма не велит. Но ведь это когда еще нирвана всех уравниает!?. А с другой стороны, почему бы, нежась на заслуженной совписовской даче под сенью родных осин, под чаёк-коньячок, и не возомнить себя патриархом-сансэем и духовным апельсином (в смысле – чаньским герцогом мандарином)? Почему б и не попробовать на зуб мудрости «железную флейту», «глиняный пулемет», из говна пулю?..

Нет, конечно, не сразу заглох и закончился «Голос»: какое-то время румянец смертельно больному еще придавали посещения «бывших», вроде Олега Охупкина, на фоне вечно молчащих Васи Филиппова (у которого еще впереди были стихи, премия Белого, монастырь

и дурдом) и Лизы Максименко (с немецким концлагерем в прошлом и домом для престарелых в будущем). Но когда основной *костяк* составили Витя Иванов/Петя Тарасов/Саша Давыдов/Леша Любегин, то это был уже *окончательный гроб*, почти не смердящий и бесшумно канувший в Лету,

в то время как вся живая жизнь давно уже переместилась в Клуб-81 и квартиры редакторов самиздатских журналов...

Дар, разочаровавшись в собственном детище, на короткое время организовал еще одно Лито, при заводе ЛОМО, где за несколько месяцев (до неминуемого закрытия) успели выступить многие авторы с произведениями, которые по цензурным соображениям никак не могли быть опубликованы в тогдашней печати. Островок свободы продержался на плаву всего несколько месяцев 75-76 гг. не столько по причине маломал заржавевшей репрессивной машины, сколько из-за самоуверенности ее в собственной незыблемости. Тем более, что Питер это не Москва-ква, где диссида ногой открывала дверь в Спасо-Хауз, а так – мышки и мошки для дежурной наружки.

Я, по случаю прибавления в семействе, бывал там редко, помню лишь чтения (перед леволиберальной публикой) А. Лисняка, Ю. Гальперина, Г. Трифонова, Сосноры (с поэмой «Алкоголиада») и критика Владимира Соловьева (не теперешне-гэвэшного «вечернего мудозвона», но тож макабрически-монструозного г-на, в последующие годы автора скандальных биографий, от Довлатова и Бродского до Андропова и Трампа). Я там читал отрывки из «Рамана», поначалу в атмосфере полного недоумения публики, но последняя гротесковая глава, о

«Гоголе», сорвала овацию, после чего вышедший во втором отделении Кушнер решил предварить свое чтение оправдательной цитатой из классики: *мол, пускай мой стакан невелик, но я пью из своего стакана!*.. Потом, в туалете дома культуры, прозаик Олег Базунов (брат писателя Виктора Конечного, позже закончивший жизнь классическим для наших пенат *выходом* через окно) с укоризной сказал мне: «У вас такие умные глаза, зачем же вы *так*? Ведь из-за таких *радикалов*, как вы, нас, *нормальных* писателей, и давят в Совдепии!..».

«Всех, всех надо успеть показать, – беспокоился Дед, – пока лавочку не прикрыли!». Возможно, последней каплей стало выступление Гены Трифонова, на которое Костя Кузьминский притащил американского атташе по культуре. «Ну теперь точно пенделей надают!» – пригорюнился Дар. Через энное время его

вызвали в *Контору* и предложили перестать наконец мутить воду заповедного края и навечно покинуть охраняемую территорию...

Отвечая на невысказанный, но напрашивающийся, вопрос, «что за *кипеш* вокруг этого смешного старичка», всё ж напомним о гениальности его как читателя^{xxi} (с нереальной «чуйкой» и оригинальным виденьем мира), о бесстрашии в роли защитника, и о том, что через него мы, выросшие без корней, были на расстоянии «одного рукопожатия» от *великих* нашей культуры, от Циолковского до Пастернака. Конечно, Белого и Хлебникова, Набокова и Мандельштама мы ставили в литературных святцах много выше, но, как говорится, «в разведку» я с Белым и Мандельштамом точно бы не пошел, а с Даром – не задумываясь. Все-таки этот маленький смешной человечек не только самостоятельно исколесил весь Союз на мотоцикле, но и некогда был командиром разведроты на смертельном Невском пятачке.^{xxii} И для меня он наилучший пример свободной личности в несвободной стране...^{xxiii}

Ну, не все было так уж сладко линейно-лилейно: случались и *стласти-молдасти* как у *Секспила*. Меня Дед не однажды выгонял взашей из компании за мало деццкое хамство. Так и я на него обижался смертельно: за пренебрежительное отношение к девице, в которую временно был влюблен, и за плаксивый нейтралитет в возникшем (на его ДР) моем конфликте с «Емелей» и хлопчиками. В последнем случае мы с Риммойотреагировали тем, что не пригласили ДД на свою свадьбу, и отношения возобновились только после его по-шутовски покаянного письма к нам. Да Дед вообще был скандален по всем советским ранжирам чрезмерно: крамольные статьи в тамиздате, протестные письма и речи в Союзе писателей в защиту Бродского и Солженицына.^{xxiv} А в начале 70-х гебуха сорвала его официальное выступление в Доме писателей, где он должен был прочесть главы из своей книги о битлах. Уже и пригласительные билеты распечатали, и богема уж вся подтянулась по адресу, но... «око недремано» бдило. Жаль, что книга так и осталась до конца ненаписанной, я ведь там тоже чуток поучаствовал, отбирая и таская док-материалы от Коли Васина (коллекционера) к Дару и обратно.

Сегодня стало модным свергать вчерашних кумиров. В частности, это касается Довлатова, Бродского, Солженицына и др. Вот и Ася Пекуровская, первая жена Довлатова, «поправляет» фактологию в произведениях Сережи («Когда случилось петь С.Д. и мне». СПб.: 2001) и правит психологию «непредсказуемого» Оси. Многословный барочно-снобистский стиль постнабоковского интеллектуализма дамского розлива. Это вам не Лидия Корнеевна об Анне Андревне! Буквально через страницу идут повторы излюбленных выражений типа «сознание и под»,

«наш (его) круг, квадрат и параллелипипед», и надеваемые писателем разного рода «камзолы». Не знаю, насколько справедливы срывания масок и «камзолов» с тех, кого она близко знала, но характеры ее дальних знакомых (знакомых лично мне – Соснора, Горбовский, Давид Дар) представляются весьма неполными, а потому и не верными.

Что до места Бродского на лит-олимпе, то здесь, на мой взгляд, все довольно просто. Талант и биография его неразрывны с историческим временем: родился он несколько раньше – сгинул бы в лагерях, как «японский шпион», позже – стал бы лауреатом не «нобелевки», а премии имени Андрея Белого (рубль, яблоко и бутылка водки). Тем не менее, Бродский смело может претендовать на место первого поэта и классика литературы второй половины XX-го века. И не в последнюю очередь, благодаря своему универсализму: он и лирик и трагик, ироник и сатирик, бард, метафизик, аристократ, хулиган... как говорится, – «наше всё». Хотя в каждой отдельной области, в любом жанре были поэты, не уступавшие, и даже заметно превосходившие его по каждому из параметров. Высоцкий – шлягерно-«бардовой», Соснора – зауменно-метафоричней, Уфлянд – игриво-ироничней, Бобышев – классически метафизичней, Аронзон – по-буддистски умудрённей и т.д. Но Бродский – пример золотой середины, и в литературе и в жизни, он понятнее массам и не стыден для снобов. Поэтому разоблачать и копаться в его грязных «камзолах» столь же бесперспективно, как и сбрасывать с номенклатурного «парохода» Есенина, Ахматову, Маяковского.

Вернемся к Пекуровской. Вот известная история с Даром, как он, якобы, «наводнил» Ленинград письмами с требованием *набить морду* Довлатову. Она приводит цитату из письма Довлатова Игорю Ефимову: мол, пришел «богатырь Холоденко» и сказал, что Дар просил набить ему, Довлатову, морду; правда, не сказал за что. Тут на юмор автора наложились «испорченный телефон» пересказов и полное отсутствие юмора у Пекуровской.

«Наводнить Ленинград письмами» Дар, конечно, никак не мог: всего лишь 5-7 писем в Россию за несколько месяцев, включая послания к родственникам. Как выяснилось из последующей его переписки с Довлатовым (см. рассказ С.Д. «Последний чудак»), «Я обиделся за Володю Губина, Юру Шигашова, Холоденко, Алексеева и других весьма талантливых, на мой взгляд, писателей, которые в отличие от вас не обладают могучей, исполинской фигурой, атомной энергией, вашей армяно-еврейской жизнеспособностью. Подтрунивать можно над победителями – Львом Толстым, Владимиром Набоковым, Андреем Битовым, Сергеем Довлатовым, но подтрунивать над спившимися, припадочными, несчастными, всеми оплеванными, честными, мужественными ЖЕРТВАМИ литературы, на мой взгляд, непорядочно... За это следует бить морду. Любому...».

Что ж, справедливо.^{xxv} А как иначе? Но сарафанное радио работает по-своему, всегда одинаково, раздувая ненужную пену, и в России и в эмиграции. Сам Довлатов это понял вполне, заключив свой рассказ такими словами: «И вот он умер. Вздорный и нелепый, добрый и заносчивый, умный и прекрасный человек. Может быть, последний российский чудак».^{xxvi}

Кстати, «богатырь Холоденко» звучит весьма саркастично; Голиаф Довлатов и плюгавенький Холоденко (не говоря уже о Давиде), вот так битва титанов!.. Без сомнения, «битва» тогда же и состоялась, вероятней всего закончившись победой Валерия, поскольку уж в *питейном* сражении Холоденко действительно был богатырь, а не «Ксанф», и мог «выпить море» (пока печень не капитулировала). Но Ася плюгавых не замечала по жизни и поэтому иронию довлатовского письма не могла оценить.^{xxvii}

А по поводу питейного веселия скажу лишь, что веселья м.б. было не то, чтоб «залейся», но зато уж *литературности* в нем – хоть отбавляй! Соснора и Холоденко, Шигашов и Кузьминский, да и все мы воспитывались на книжном примере безмерно *бухающих классиков-эмтров*. *Не пить, или даже – пить, но немного*, со всеми «не в ногу», стра-а-шный был моветон. Ну, а далее уже каждому по способностям, со спецификой личного био.

Соснора, ККК, Шигашов, Холоденко

Соснора... тот быстро успел допиться до клинической смерти и потери слуха. Наш общий приятель, врач-от-бога, Рома Арон, его с того света вытаскивал (но вытащил, и хватило, в общем, надолго). Горбовского Глебушку, еще пацанёнка, вполне реальные немцы-эсэсовцы, в оккупации, приучили пить русскую водку. С перерывами (на «совпис-официоз») *глушил* аж до 85-ти (продажную – но здоровенную – девку-генетику, ведь, не пропьёшь!); правда, под конец пиит-сериала, больше нажимал уже не на «сучок», а на сушнячок и пивасик. Холоденко ухитрился прожить целых 20 лет в обнимку с циррозом, с ежедневным приёмом доступной тогда «палёнки» и «тормозухи» (т.е. и здесь

«богатырь» и уникальный пример для науки). Эрлюша вовремя перешел на «подножный корм» и долго дразнил *косую*. Гран-Борис (Кудряков) в 90-е «посадил» себе почки фальсификатом (и тогда чуть не помер, неделю отлеживаясь в подвале с бомжами, поскольку не хотел расстраивать матушку). Но сдался все-таки рановато...

Какая-то *особая* литература тут у нас вытанцовывалась, не слишком гламурно-классическая. Хотя карта ложилась по-разному: и американский амбуланс не спас захлебнувшегося рвотой исполина-Довлатова. Полагаю, что *идеальными* выпивохами, т.е. блюдущими меру (не в ущерб компанейству и кайфу), были тогда Кадя Бартов, Володя Беспалько, Андрей Арьев и Дар. Довлатов писал о Даре («Мы начинали в эпоху застоя»): «...у него дома всегда стоял коньяк для тех, кому необходимо было в этот день опохмелиться. Когда я спрашивал Дара, что помогает ему в преклонном возрасте сохранять такую неистовую энергию, он, пыхтя изогнутой трубкой, отвечал: «Коньяк и табак»...

Я не видел (за исключением единственного случая) Дара *пьяным* (в классическом смысле), хотя употребляли (не обязательно «зло») при каждой встрече. Водку Дед не пил никогда, только марочный портвейн и коньяк; помню еще, как он варил, для нас с Риммой, грог. (Бедный, несчастный Валерик, он-то пил приличные напитки лишь в гостях...). Да, не все дожили до *культурного* выпивона, но, с другой стороны, какой бы бля-бледной была бы родная словесность, когда б в жанре горячительного вместо отеческой «бормотухи» мы употребляли бы blended whisky со льдом...

Стремительна струя времён. И пьянительна память. А ныне – в рыночном ралли – *литера* уже давно не рулит...

Ну что ещё можно сказать о художении как таковом? Таковое загадочно всё ж по сих пор в ранжирах своих. *Хто* художен в хорошистом смысле и *што* должно художным считаться на гамбург-, а не чизбургерных, калькуляторах-счётах?.. Многотиражные массолиты сразу оставим за скобками (хотя это как раз наилегчайшее решение вопроса). Но и узкоэстетский, университетский подход к долгожданному естеству универсум-консенсуса отнюдь не приводит. Даже и договоримся мы с вами, что Пушкин (Бродский, Шекспир, Вася Пупкин) «наше всё», но всё равно понимаем и ценим по-разному и за разное ж.^{xxviii} Да сегодня и судьи-то кто, как не басмановы грозные? Нынешний сетевой хомячок и футбольный фанат сам себе культурный судия и дикий адвокат. Он помнит, конечно, что Гамлет заколол brutального тельца Полония, за что и получил в ответку... Хотя нет, это Гертруда выпила предназначенный ему отравленный чаёк. Это вам не 4-х-процентный «Туборг», а 100-процентный гроб! В общем, полный жмур и склейка ластов на литературной сцене.

Да что молодежь? Она хотя бы не строит из себя фельдфебелей от литературы, а ныне, когда в мире всё так смутно постмодерно, слишком многие погоны примеряют, особо те, кто и в душе себе фельдфебель. Во всяком случае – отличник-медалист, или, на худой корень – бывший хорошист, вроде Хомя Брута. Короче, образованы от пуза, открывают дома ВУЗы, ну и глаза, в смысле – веки, на истину в вышней (и вечной) инстанции. Сие неизлечимо. Вот, чтоб не ходить далеко: к примеру, получаю я по «мылу» бесконечные опупеи магазинно-журнального свойства от господина Миши Блехмана, закордонного мультуртрегера. Хорошо там устроились ребята. Цитирую: «Дорогие друзья! С радостью сообщаю, что литературный журнал Remote Sky только что был официально зарегистрирован в Канаде как периодическое издание. Журнал получил регистрационные номера ISSN для бумажной и электронной версий. В ближайшее время я разошлю всем вам полный вариант 1 выпуска в виде файла PDF. 7 мая проведу первую из серии презентаций журнала на собрании Монреальского отделения Канадской писательской ассоциации». И о себе, любимом: «Михаил Блехман – писатель, живущий в Канаде, развивающий в своем творчестве традиции русской прозы и Владимира Набокова. Стоимость в «Санкт-Петербургском Доме книги» – 310 руб. «Непрошедшее время» (на русском языке). СПб.: Изд-во «Город», 2012 - 336 стр.; илл., твердый переплет. Мои рассказы и повести написаны в стиле, который я называю «Субъективным реализмом». Мои учителя в литературе - Хорхе-Луис Борхес и Хулио Кортасар, хотя я надеюсь, что мне удалось сделать один или два шага вперед. Моя проза - о любви и о времени. Она метафорична, иносказательна и, надеюсь, интересна - по крайней мере для тех, кто ищет в литературе не столько способ развлечься, сколько пищу для размышлений. В моей прозе больше вопросов, чем ответов, вся она - попытка ответить на вечные вопросы, на которые вряд ли можно найти ответ... Моя проза - о жизни. И, как и в жизни, в ней много печали и много смеха. В моей прозе - воспоминания, в ней - попытка покаяться в том, чего не успел тогда, в прошедшем, а точнее сказать - в непрошедшем времени. Ведь разве может время - пройти? Разве прошлое - не навсегда с нами? И разве наши фантазии не менее реальные, чем реальность?».

Вы спросите: какие ж тут «погоны»? Разве уж погонные метры (мэтры)?.. С радостью отвечаю: объективно реальные «погоны» как раз и не обманут, с ними всё понятно. И графоманы, а ля Лебядкин, давно уж на почте гаврилами не служат. А здесь – добротноту откультуренный дженерик, отточенно учительский фальшак. Поперёд батьков – Хорхе с Хулио – в русское пекло прёт. И остальных попасть в переплет подначивает. А с другой стороны, я бы и не стал о том говорить, но грешным делом люблю в свободные минутки над вымыслом сквозь смех слезами обливаться. Одни ариософы чего стоят! Фоменки-прокопенки на

мулдашевых сидят и петуховых кандыбают... А тут – о непрошедшей жизни на дальних небесах... Не дубовицким же единым Набокова «развивать»-околачивать...^{xxix}

Да нет, конечно же, и на себя, кумой к суме, порой пора оборотиться. Что грунто-то хомковое и нам не чуждо. Куда ж без экзистушной фрейдовщины, без душевной компенсэйшн-сублимэйшн, понимаешь?.. Особо, если детство было не совсем таким как у «котика» Марселя иль иного инфанта культурной Пальмиры? Тут тоже широка тропа антропа, разнообразен фарт фортуны. На одном полюсе – порханье натуральных стерхов и размахай ядрёной булавой, на другом – виртуальный Эскуриал Поприщина. А у меня – согласно златой срединке старгрека Стагирита – махание серотониновыми крылышками. Как Зигмунд прописал. Что тоже вполне приятная нега для эго, которое избежало серьезного академического воспитания. А как не почувствовать себя виртуальным царьком на бумажных полях (или, что то же – «хером-с-горы»), когда можешь позволить себе подобные фразы... Не ручаюсь за точность цитирования, беру лишь общие схемы из писанной в компьютерный стол штудии «Введение в мифосемантику» (1990-2014) типа: «Ролану Барту казалось, будто...»; «Единственно в чем я здесь могу согласиться с Леви-Стросом, так это...»; «Делёз не заметил, однако, что...», ну и далее в том же от мороженном квазипрофессорском духе. Конечно, товарищи ученые (доценты с кандидатами) меня и с лупой не найдут, поскольку академик даже не начинал, а из школы вылетел еще до окончания срока. Что ж до небогравных (и прочих заговоров самоучек), то они тоже, сидя в общекультурном поле под кустиком, туговато со мной контактируют, понеже те, кто хоть чем-то интересуется, то в первую очередь собственным интеллектуальным помётом, а те, кто совсем не те, то те и вовсе не в теме, а в неслыханной-невиданной божественно вечной простоте. Так что даже поругаться не с кем и не о чем.

В этом нетрудно заметить и чисто спортивный, спартако-олимпийский, азарт: не соврал бляха-блехман. Шаг в перёд и два под зад. Некогда, в былинно-самиздатское время, подарил Кирилл Бутырин Андрею Битову номер журнала «Обводный канал», в коем посреди своей повести я устроил малое травести: обыграл известный велимировский «Зверинец». А немного озимых спустя, в эпоху культурного либер-танго, нахожу в газете «Литератор» уже битовский экзерсис на заданную тему. И, признаюсь честно, технически более виртуозный. Поначалу мне даже обидно стало и захотелось оставить за собой кончальное слово, но после подумалось, задней, закругляющей мыслью: а хрена ли бесконечно переметафоривать метаметафоры?!. Существующие девать некуда. Тем более, что интерес мой сместился уже от существования к сущности, к первичным основам «вторичных моделирующих систем», как по-топоровному изящно тогда выражались элитарные тартусчане. Ну и в

результате многолетнего эпического буквоборчества намотался неразгрызаемый узел «Мифосемантики». Дал его я на пробу С. Стратановскому: тот по-первости начал резво, но во второй части завяз, даром что нацбиблы старспец и выкормыш Проппа/Максимова. До третьей части теперь, скорей всего, не доберется. Но я не в обиде. Вот, что значит отрываться по полной от хуликтива! Я, по правде говоря, и сам-то далеко не всегда понимаю с первого захода, что там у меня понаписано; слишком уж автор давил да подавливал, собака киническая, на ёмкость информативно-смыслового абзаца. Всё ёмче, и ёмче, и ёмче... А ведь лет сорок подряд, при каждой пиитической встрече, укорял меня мой любимый прозаик (и мой же литературный герой), Вова Алексеев^{xxx}: «Уж больно шибко ты, братан, умный стал; будь проще и читатель к тебе сразу потянется...». (Поэзия должна быть глуповата, проза – плуговата, а философия – немножко хлиповата!..). Эх, ну что тут ответишь? И сам с малых лет знаю не хуже других, что вредно курить, пить, дурить, к врачам не ходить и т.п. Стало быть – карма такая, гореумная...

Ну вот опять: сам себя не пожалеешь... Лучше бы страну пожалел. Да я ж жалею: тоже ведь компенсуха, как последняя скрепа, это первый симптом одиночества, обиженки и безлюбья...

Красиво ходить интеллигенция (покуда Анка из максима не жажнула). Но нет в нее веры у народа: одна сердючка. И хоть в этом немного прав тот, у кого *не много* прав. Да я и сам о сём давно уже талдычу. Вот как-то что-то-нечто выписалось у меня на эту тему, типа сказочного недержания (злобogneвным кипятком).

СКАФКА ПРО КАСЯПУ.

Жила-была Касяпа (в смысле – КСП, а не Масяня, но не путать с **chesstным** Каспаровым, а ближе к Окуджаве. Но не аглицкий Club и не клюшка).

Лёжа на ложе, пела-пила, жила да пожевала, но это не имеет самостоятельного значения, потому что.

А раньше звалась она не Касяпа, а просто ХуЭта («Художественная Элита»), частично вошедшая ВСРаКу («Всероссийский Союз Работников Культуры»)^{xxxi}.

А еще ранее Ильич намбэр ван, по случаю усыхания серого тонаина прикинувшийся тельцом овна, назвал ее на «г».

Но вспомнив, какой она была еще *ранее*, времён чадаевских и покоренья мрака, Касяпа тряхнула своей кудрявой куздрой и восстала с опостылого дивана.

Loveзонги: «Полковника никто не пуссит», «Путкин и Поткин – две антиподки», «Рабы – белы, а рабайтеры – наглы». «У Быкова слишком много букафф. Умри, Димон, лучше не отмочишь!». «Простата Пруста

нам милее депутата и лучше воровства». «Беспутны поиски траченного столичной молью времени в отражениях вещного третьего Reich'a» (не путать с брегетом и часовыми поясами). «Друг-Медведий, не говори спасибо!»

Масса, согласно Росстату, всегда на всё согласна, а нас-то, гвардейцев радикала и блогеров благого West'a, вновь пропиндосили и бросили.

Но мы не про ПРО, а про Касяпу.

Не тусите и не тусимы будете (не путать с прошлою и с будущей Цусимой).

Будущее высоко, прошлое далеко (и перепишут легко), и царь ненастоящий, зато бессмертный как кашей номер цвай. А голем голимый, с чинушно-полицайским грызлом, сверлит ректальные дурки своими пустыми зырками.

Ну и к мелкопоместным делам: канацкий (когда-то харьково-незалежный) вежливый муж Миша на букву «Бля», прикинувшись своим хото, схрумкал чужой хомячковый сайт со всеми литературными потрошками. Сим победиши (не путать с Хамом).

А в издательстве «Голубые тусы от фрау Мюллер» много ели-пили-пылили, но мало выпилили (не путать с гестапо-штирлицем и миклухо-лагуной).

Штрафной сон (слегка батален и *смершон*): посечен и распилен крысакраль в газтрубе; а белого мишку водят по Красной плясать, он бьёт себя лапой по лобному месту, и ревьёт рэп-продуктором Омамакеров: «Сико дам, како дам Америке бой!». А забуревший мазохер Мишико рвьётся на север отмстить неразумным захарам...

Кусай-не кусай, а кусать Касяпе хочца. [Иначе пургативно пропесочат и мединно вылечат]. Так ли – эдак ли, а расслабицца придёцца. Не цацек ради, а токмо.

И Касяпа еще долго чахла над голдом (не путать с искаротиотским серебром одноглазого Силвера). Но это – слёзы (не путать со счастьем в одной стране).

...Наверное с чуйством гумора у меня не всё так шоколадно. Грустен я изначально, хотя чужое остроумие не чуждо: люблю-бля *ля-ля* и лелею. Изредка, коль психволна соритмична, то и самого начинает распирать в том же духе. Давеча (вставляйте мартобря) на квартирнике у Уриэля-Островитянина (Юры Касьяника), шлепнув по рюмахе с господином-куратором питерских бомжей, Соколовым, нас с последним вдруг попёрло-с неожиданным словесно-ветренным пинг-понгом. Не вовремя и непростительно, однако. Короче, испохабили концерт – обидели маэстру. (Сильней всего ведь хочется смеяться, когда знаешь, что нельзя). Нет, ну подонки, ясно. А ведь Касьяник-Уриэль реально гений: Моцарт, Малер и Марсалис в одном *фласоне*, плюс-бонус мультиинструменталист и

импровизатор импрофоний и фононных неофоний!.. А матерьял был в тот день вхрень охрененный: музыкальная ипостась («тропос») всех(!) 64-х гексаграмм Книги Перемен, сопровождаемая игрунными авторскими стихами... Ну полный и-цзин! Я и сам тогда же поделился личным мистическим опытом по «щущкому»^{xxxii} гаданью в далекие брежне-прежние года (см. Парамеморий).^{xxxiii} А не удержался всё же на духовной высотке! Случалось подобное лишь в школярские времена, когда училка выгоняла с урока за – недождавшиеся перемены – спонтанные хихики-выхрюки охламонов-шибкоумников. Да уж, что стар, что суперстар – одна млядь!..^{xxxiv}

А гумора (как и характеры) бывают разные. Вот попалось в Сети (если не пелевинское, то народное): «Как-то раз восьмого марта Бодрийар Соссюр у Барта». Оц-тоц-первертоц! Жесть, жесточе не скажешь. Ну и у меня враз полилось: «Дерриду с ранья до слёз отгваттарил Жиль Делёз». А можно и помягче, на 6+: «У Негри не было чернил – он Хардта грубо очернил»..^{xxxv}

Ну, а ежели поближе к текущим гущей массам, и без излишней жидкомасонской образованщины!?! Легко! Как любили повторять (опять же не закусывая) Ульянов и Вильям: из всех искусств *жизнь* есть самый интересный цирк в кино. Гамлет мордой в Оливье, XX-й век (воли не видать!) на пере у Фокса, покойники с косами (итог гонконгского кунгфу), и тишина... В 3D-формате одного актера... Да ладно, но, будь я сам биорежиссером, ой как многое (если не всё) перемонтировал бы и переозвучил! Каждый кадр это выбор. А мозги-то еще необлупленные! Вот разве два сюжета оставил бы в первозданном виде: приход к Дару в школьные годы, и свиданье с Риммой, будущей супругой. В тот день, приняв, наконец, твердое решение остепениться, я с букетиком подошел к дверям коммунальной квартиры на Фонтанке, где жила семья моего приятеля-писателя Валеры Холоденко. Дверь открыли две цветули-красотули на выданьи – Римуля и Динка-студентка (последняя, между прочим, дочь героя Советского Союза). Синхронно заняли проход в будущее. «А вы к кому?». Я прекрасно понимал, что у меня меньше секунды на размышления. За секунду ведь можно прожить целую жизнь. И я свой выбрал сценарий. И не жалею..^{xxxvi}

...Так мы, стало быть, о 70-х. Реально они начались сразу же после краха революций 68-го и закончились в момент оборотных тенденций 86-го. Календарь событий не всегда совпадает с формальной сеткой. 60-е ведут отсчёт от 56-го, да и сам XX-й век начался с опозданием на 14 лет...

В каждом периоде были свои плюсы-минусы, только в разной консистенции. Вот реальный коммунизм 50х-60х, «который мы потеряли»: отвалился со звоном оттаявший обруч, язык почувствовал кисло-сладкий привкус свободы и Россия забила в литературной

горячке. Трудно уже представить себе тот культурный взрыв – Биг Бэнг биг-бендов, мастер-класс (паблой буду!) Пикассо, стилиаги и барды, Белка на Стрелке, стихи-«евтухи» собирают стадионы. А новый театр, а «saints go marchin' in» коммунo-рай без остановки и морщин!?!... А ведь всего лишь несколько лет прошло как умер Хозяин, и «верный Руслан» ещё не успел почуять исторического ветра свежей «гексаграммы»...

Новаторы-шестидесятники, как уже говорилось, вполне могли бы быть названы пятидесятниками, но данный термин наверное не имел шансов проявиться по случаю несколько туманного понятия «баптисты-пятидесятники» (водились такие несознательные элементы в толще тогдашнего прогресса). Сегодня уже и самый ленивый прошелся по поводу неисправимого *наива* «образованщины» тех лет, что стряхивала пыль с «комиссарских шлемов», и по-молодежному стилиажно выстраивала окрест себя виртуальный златоград с улётным человеческим лицом. Хотя именно этой своей несхожестью лица со всеми до- и после-поколениями и были интересны: очки а-ля цыбуль над хемовой щетиной, твистовый хоровод вокруг синхрофазотрона, вертикально-высокие поиски мужской биографии, рок-рентген «на ребрах», зовущий к сексу джаз козла-на-саксе, зачитанные до дырбулшила братья по фэнтези и чистая лирика чувств к извивам вновь по-аксенову-модного прозожанра...^{xxxvii}

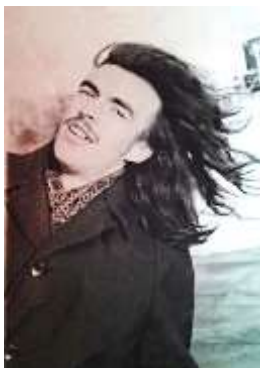
Да почти любая эпоха успевает кратко блеснуть задором и задиром штанов и мундиров. Царскосельский лицей, почеркушки Писарева и коммуна Слепцова, романтический пафос ранних Шагала-Малевича-Бурлюка. Да и в постыло-бесстыжих десятиях новейшего века пыхнула искорка на болоте юмориной Орлуши-Обломова-Быкова, матюгалкой Шнура и кричалками братьев Навального. Не снимая, правда, цепей с основного контента. А тогда, в вознесенскую нестудёную пору, кой-кому могло показаться, что еще чуть-чуть, еще немного и мир уже *не вернется во взад*...

А в чем, по-одесски говоря, две разницы эпох? Ну, ежеллли... (ежами на соц-линии) Система давит больше (сильше), то и «профурсеток», ясно, будет больше, а если «ясли» мало-мал челее (= уроды-ироде жмут послабее), то профурсеток уже меньше, и больше будет не будетлян, а графоманов. А гениев – всегдажды одинаково.

70-е моё любимое время, что, впрочем, не мешает ему оставаться «застойным» и выморочным. Просто так вышло, что всё моё т.н. худ-ство чётко уложилось в этот 17-летний отрезок и прошло вместе с ним. Началось с юного хулиганства под обернутов, продолжилось экзистушными повестушками вперемежку с формалистскими играми, и закончилось перезрело-заумными прозаизмами в придурочном стиле предпостмодернизма. Овеществившись подобным образом, оно само стало предметом моего нынешнего изучения. Например, я заметил, что

названия моих опусов как-то сами по себе, бессознательно, тянулись к названиям жанров (простых – «сказка», «книга», «записки», специфичных – «некуюя», «элогия» и т.п.). Конечно, не только из мании величия подпольного жителя, но и не без ощущения того, что *публичные* жанры уже испродались...

Антилличентный Лапенков по-чеховски (на стульчаке, вестимо) по капле выдавливал из себя «крыжовник». И вспоминал меломанскую свою сладкую младость... Конечно же, *хипаризма* блажная манила и завлекала эросом дульсиной:

Французских нет болезней гаже.

Одна под видом эпатажа
уж желтой кофтой прошумела,
лет шестьдесят имеет стажа.
Но ведь сейчас – другое дело!..
В года усатого владычья
блюли константное приличие...
Урод же, лысая пролаза,
народ и расу распоясал.
Хотя и не было свободы
особой, но прокрались моды,
пусть ухудшался вкус колбас,
но расползался рок и джаз.
Да автор сам, насколько помнит,
Прошел сквозь этот искус тёмный.
Имелась хаза, то есть явка,
где по ночам курилась травка,
магнитофон, творец экстаза,
за сутки не смолкал ни разу,
соседи в заявленьях перья
ступили, мент стоял за дверью,
а мы – в окно (второй этаж)...
Таков был раньше эпатаж!..

А вот вполне пригожая картинка из года 1974-го, прямо из плачущего солёными чернилами февраля.

На моей свадьбе, в кафетерии на Староневском, где сейчас «Мама Рома», планировался сейшн с рекшановским «Санкт-Петербургом», но по причине невозможности перевозки аппаратуры, я ограничился магнитофоном, и первый танец прошел в модном свободном трясении под быстрый блюз «Crossroads» в исполнении Эрика Клэптона.^{xxxviii} А Гран-Борис, обещавший отснять всё на плёнку, недошёл и после сильно

жалел об этом. Чем не кадр: прозаик Юра Шигапов (наш местный Дост, с эпилепсией и опытом Гулага; Вера Панова называла его «самым мрачным писателем Ленинграда») убойно упился, упал, рассёк бровь о кафель и стал заливаться кровью. Общие друзья не пожелали покинуть веселье и мне самому пришлось взять такси и отвезти его домой, на Фонтанку, где не смог отказать хозяину выпить за здоровье его «умирающего» маленького сына (ныне – успешного практикующего психолога-виктимолога), после чего я затерялся в сарайных пристройках вечернего Апраксина Двора и на свою свадьбу вновь попал уже после ее окончания. Пропустил, конечно, немало интересного. В частности, один мой приятель (Олег Уланов), тогда еще физик и в душе анархист, позже – ээка, а под конец – баптист и вольный бухгалтер, такую придумал веселую шуточку: подговорил свою подругу дать из Москвы поздравительную телеграмму от имени Солженицына, коию и зачитал на свадебной пирушке. Забавно, что буквально через день Исаича выслали за границу, а ко мне на работу, в котельную, пришел интересный дядька в добротном габардиновом пальто, чином не ниже полковника, с помятой газетой в руке, где был напечатан огромный «подвал» с грозными инвективами по адресу мастера.

Таких холёных породистых полковников ныне уже не отыщете (вспомнитесь: совсем-совсем иные полковники пошли!), а он не погнушался прям там провести со мной задушевную беседу на тему Великой Отечественной: мол, ну как же можно так облыжно? приписывать победу над немцами штрафным батальонам!?. Ну не гад ли этот Исаич?.. – О, my God!: мне по младости ума очень тогда захотелось *переубедить* его, ткнуть благородным фейсом в тьму низких истин Правднца, но слава Богу – Бог не выдал. Впрочем, не столько, наверное, Исаич был причиной визита высокого гостя, сколько – опять же на тему гумора подростковых 70-х – глупая трепотня по служебному телефону с тем же шутковатым приятелем на тему антисоветского террора и подпольной литературы. Там же писался мною – «в стол» – антироман, а на самом столе лежал том Достоевского с «Записками из-подполья», конечно, и новеллой «Крокодил» – в рифму к событиям – о том, как режим проглотил и выплюнул Чернышевского. А напротив моей подвальной котельной на Малой Садовой тогда функционировал замечательный кафетерий, куда переселились многие богемщики, недовольные засильем в «Сайгоне» фарцовщиков и стукачей, в частности, хеленукты. А сама андеграунд-котельная отапливала нехороший дом, в котором находилась еще более нехорошая квартира, где проживал, тогда еще заочный философ, а в будущем известный берлинский галерейщик, Натан Федоровский, корифей Бродского и конфидент Шагала, приятель всех швыдких-катанянов, артистов-художников и прочих пиитов,^{xxxix} где еще недавно я гулял на его свадьбе, на которой вальжанный красавчик,

актер Тиличев, сверзился с крутой лестницы и выбил себе передние зубы, а в настоящий момент там сидел, развальясь, молодой каскадёр Шурик Невзоров, приставленный к Натану, возможно, тем самым красивым полковником,^{xi} кушал бутерброды с красной рыбой фиш и лениво поругивал скуповатых евреев...

Не было тогда айфонов да айпэдов, 3D печати, 4Джи, Винда 10-го, и далее по списку... День, без числа, казался вечным, как Дао и Дэ, но скучать нам было некогда. Это по-хорошему красивое время я описал в Парамемории...

Сегодня уже очевидно, что грусть-тоска нас съедала из ощущения непохеряемой вечности этой системы, навеки отделившей одну шестую от общей, выздоравливающей, палаты. Другой жизни не будет и потому пройти ее стоит гоголем, плюя на голимого голема. Способны ль неведающие путей и сроков предположить и неминуемый крах и неизбежную ностальгию?..

Былинная эпоха, когда хлеборобы и сталевары вызывали друг друга на соревнование по величине удою и на скорость яйценоскости, а литературоведы писателей – по вескости томов и геморроидальных шишек...

Да что ж это все-таки было?.. Говоря пифагорически: полная жопа. Хотя и с *золотым сечением*!..

Младое и голодное *Тогда* и сыто-скушное *Теперь*. Раньше просто по-детски танцевалось и как-то – по-дилетантски – вытанцовывалось. Сегодня мы сильны аркадиями да роланами барт... (и прочими арт-подготовками), хотя тогда (в эпохуй ретро) чувственно были поболе богаче. И крепче рослась вертикаль.

Но ясен яшень, как-никак – какие (*какины!*) могли быть тонально-акустические тонкости по «Голосу Веспуччи» или античному (уже) магнитофону!?. Зато божий эвридэй открывался дивным неизвестным краем: не успел еще привыкнуть к мелосу хард-бопа, а вот тебе хард-рок, арт-рок (и прочая веселая мишпуха)!..^{xli}

А вот вам страшно страстная вечерняя сказка для внуков. Из эпохи диких-диких предков, беспечно скитавшихся по неведомым и памятным весям и внутриграницным краям по-над пропастью, *без смартфона в кармане!*..

Однажды молодой и отважный дедушка выскочил из дома в одних рваных джинсах (рваных не «от кутюр», а от тесных контактов с шероховатостью жизни!) и пробрался по темной холодной улице на соседнюю (столь же мрачную), к единственному несломанному телефонному автомату, и дерзко попросил у беззвучной как смерть автоматной очереди пройти без очереди, дабы скорей вызвать скорую для красавицы-бабушки, в муках рожающей *твою мать!*..

И, чтоб уж два раза не вставать, перескажу вкратце свою любовную биографию. Мне в жизни дважды довелось испытать т.н. *любовную страсть*, колдовское помрачение разума, когда вполне понимаешь, что стал безвольным рабом своего чувства, проклинаешь себя, сопротивляешься как только можешь, но совершенно бессилён избавиться от него. Столь многократно воспетая поэтами ситуация, на самом деле есть жуткая болезнь, аутонейронное программирование, самогипноз и чистейшая наркозависимость. Дар отвечал на моё нытьё о том, как мне плохо: «Да это всего лишь животная страсть, это не настоящая любовь человека к человеку, это пройдет!..». Не сразу, но действительно прошло, и я даже стал изменять своей Наташке, от чего уже у нее проснулась страсть собственности и она заистерила, стала грозить самоубийством, засыпала любовными письмами (которые сама же, не доверяя почте, оставляла в моем почтовом ящике) и в общем добилась своего. Тем более, что соперница, с которой я ей изменил, оказалась еще большей собственницей-эгоисткой: я чувствовал себя в ее руках какой-то механической игрушкой, или живым вибратором,^{xlii} а когда попробовал сбежать, то она натравила на меня дворовых бугаёв и те меня довольно жестко измолотили. Впрочем, возник и положительный момент: не имея возможности выйти из дома в виду разбитой физии, я начал писать прозу, опубликованную позже у Хвоста в парижском «Эхо». Однако в целом я уже устал от психодрамы богемно-сексуальной жизни и как-то потянуло к семейному покою и продолжению рода. С Наташкой семейного уюта явно ждать не приходилось и я стал засматриваться на юную сестренку жены моего приятеля, Валеры Холоденко, Римму, за которой уже приударяла половина даровского литературного окружения, от Ширази до Гозиаса, так что пришлось форсировать события. Да, конечно, потом были и обиды и ссоры, все как у людей, но, тем не менее, с Риммой прошла лучшая часть моей жизни, и м.б. лучшее в ней было искомое, и столь редкое в реальности, взаимопонимание, когда, согласно пословице о «сатане», не успевал я открыть рот, как Римма уже высказывала все мои возможные реакции и еще недооформленные мысли. Все-таки литературность натуры тоже своего рода болезнь: я не был, в отличие от ряда своих знакомых, таким уж особенным *ходоком*, но природное любопытство и примеры из классики инициировали случаи приобретения нового опыта и поиск сравнений. И этот опыт, от обычных фемин до рафинированных дамочек-филологинь, в итоге лишь укреплял мою семейную жизнь. Да, в каждом отдельном случае можно было бы указать на чье-то конкретное женское превосходство, телесное, психологическое, интеллектуальное, но в целом здесь повторилась ситуация из современной русской поэзии: каждый из гениев в чем-то одном превосходил Иосифа Бродского, но последний суть идеальный трансформер – уступая в частностях, он гармоничнее и естественней всех.

Лишь однажды я всерьез оступился и неожиданно для себя вновь попал в ведьмин капкан. Мне до сих пор непонятно, каким образом «далеко–уж–не–мальчик» мог вторично оказаться в таком нарконейронном плену и бреде... Вроде бы заурядная девочка-шлюшка... Ну, да, с роскошной фигурой, с кошачьей ленивою пластикой, но не более того. Разве что ведьминская кария поволока в чуть раскосых глазах завораживала и замораживала возможное сопротивление... А оно было! Я интеллектуал, блин, или где?... У меня любимая жена, дочка-красавица, творчество, друзья, джаз, йога и карате! Я выпивал бутылку коньяку и втыкал себе нож в ногу, требуя от мозга вернуться в реальность... Добро бы секс с ней был сумасшедший, тогда еще можно понять, но ничего такого особенного... Откуда же наваждение? Все-таки, видимо, наказание, расплата за легкую жизнь... (Да не столь уж и легкую на самом-то деле в психосоциальном плане: сегодня уже не понять, что значит, будучи трубочистом, вручную мести и паковать горы сажи на фабрике «Красный треугольник»? Это вам не редактором в журнале «Звезда» заседать!...). Но все ж похвально: выдержал пытку, не разрушил семью, полгода помучался, но выплыл на берег. Социальные передраги тоже слегка поспособствовали: с работы отправили на неделю в колхоз, где я весьма удачно по пьянке сломал себе ногу и три месяца в гипсе помогли душевному протрезвлению... Однако и Наташка меня не забыла: трижды выйдя замуж и разведясь, она преследовала меня еще долгие годы, в последнее время избрав такое оружие мести как звонки по телефону посреди ночи...

Минуты интима невозвратимы, а посему перейдем-ка с узкого пропрустова ложа к более широким положениям и высоким позициям.

Сегодня – второе пришествие *совка*, но на более высоком научном уровне, с учетом былых ошибок и современных технологий. Новый тип корпоративного общества: мечта Сахарова по-своему осуществилась – конвергенция кап- и соц- Изма (с имперско-ураганской коррективой). Только покойный академик (как все романтики) почему-то считал, что «автоматически» сольётся всё хорошее из разных типов общественного строя, а вышло шиворот-навыворот – сплелись как раз самые odioзные негативные свойства. И в результате смешения вышло несмешное подобие мрачного средневековья.^{xliii} А можно ли надеяться, что даже избавившись от *пут феодализма* (меж двух последних слов дефис приветствуется!), страна вздохнет спокойно? Посильно, братцы, сумлеваюсь.

«Полишинельный» секрет русской истории (откуда все мы вышли вверх тормашками с дырявыми кармашками): почему «нас хотели как лучше, а получилось, у всех, как всегда»? И на те же грёбаные «грабли», и на то же «награбленное»?.. Т.е. – упоротая рекреация неоправдавших себя

форм (имперство, национализм, феодализм, военный коммунизм, вождизм – сакральный или бонапартистский – и уравниловка, семибоярщина/олигархизм, анархизм/казачество). У малой нации и эти формы могут стать удачными (когда большинство получает свой партминимум), или в такой форме империи, где опять же большинство имеет свой удоприятный интерес, а властное меньшинство не чересчур «борзеет» (как те же Штаты и даже некоторые боль-мень весёлые «пятiletки» СоСyCePy – 1924-28, 1957-61, 1970-74).

Любая историческая информация понимается однобоко в свете специфики интеллектуальных установок (т.е. групповщинно, мафиозно, идеологично-утопично). Но у нас, если берутся какие-либо установки для реформ (французские рев-идеалы, голландский мастеровизм, прусский порядок, марксизм, евродемократия, либеральный экономизм), то воплощаются они также однобоко. Т.е.: хоть методы административно-имперские, хоть народно-националистические, хоть рев-социалистические, хоть охрененно охранительные, хоть социально-радикальные, но с показательным насилием над противником и плебсом, с уроном культуре и хозяйству, с неизбывным садизмом и хамством. С обязательным пиром – на досках – победителей и «гуляньем по буфету». Интеллигенты во главе здесь ничуть не менее опасны, чем тупые солдафоны или вчерашние гопники.

Вот Бродский (как и все мы) не мог заглянуть в «прекрасное далёко», в *прекрасную Россию будущего* (самый популярный мем нашей ироничной эпохи) и потому не представлял, что «милые» ворюги во власти неизбежно станут «кровопийцами». Сегодняшняя власть с ее пацанской психологией это рискованный игрок, отвечающий на любой вызов (внутренний и внешний) *эскалацией* (см. у Глеба Павловского), пугая и страшая, давя не глядя, не взирая на одиозные провалы и явный абсурд, получая в ответ презрительные санкции от сильных и злобный ресентимент слабых. А ведь вполне было бы можно добиться всех тех же целей «без шума и пыли», имитируя «нормальность», чтобы не теряла интеллигенция надежд на будущее, а коллективный Запад своей вечной роли «главноуговаривающего» (как Керенский в 17-м году). Кремль дезавуирует Будущее и мифологизирует Прошлое для бетонирования Настоящего, обосновывая как промысел и логическую неизбежность то, что сложилось в результате исторического каприза и случайных флуктуаций.

Риторический, и безответный, вопрос: почему бы хоть однажды, исключения для, не сделать дело без ломанья дров и одров? (О чем бы ни шла речь, от петровских реформ до гайдаровских). У западлосских вип-умов один ответ: *русская ментальность*, наследие патернализма, т.е. неразвитость индивидуального, культурного и правового начала. (Что, конечно, выглядит немножко упрощенно и имеет массу нестыковок).

Интересно, что либералы-оппозиционеры и консерваторы во власти в этом смысле одинаково относятся к народу-населению. С другой стороны: даже при поправке на погрешность, невозможности учесть все ухабы и овраги, любое действие имеет непредусмотренные результаты. Отсюда – лучше не делать ничего (даосско-толстовское недеяние в надежде на природную эволюцию). Но это снимает и всякую надобность в бюрократии и умоводителях, на что никогда последние не согласятся.

Нельзя потушить лидеров в младенчестве,^{xliv} а при любой уравниловке есть более равные и те, кто уравнивает прочих. Получается апория: бездействие – невозможно, действие – вредно. Или нулёвость прогресса, или непомерно дорогая цена за него. Запад ухитрялся так долго прогрессировать исключительно благодаря принципу «пусть цветут сто цветов» (начиная с Ренессанса), хоть и с отступлениями и с перехлестами, но в целом – процентно-статистически – успешно. Плюс рацию практичной сублимации, организованной, принудно-и-прилюдно, юридически: алчность и агрессия, хитрожопость и зависть должны, как говорится, ток давать и воду качать. Т.е. практическая диалектика свободы и закона, индивидуального и общего. Что никак органично-равновесно не воспроизводится в мафиозных и тоталитарных сообществах.

Красочная примета непродуктивности (а в итоге – нелегитимности) «чисто конкретной» социосистемы – факт «балов», тайных и явных, когда рядом убивают/пытают/голодают, «пира во время чумы».^{xlv} А реальный, системный, успех западного прогресса привлекает к нему свободные руки, умы и матресурсы из других регионов. Прелесть же мафиозной парадигмы в том, что только в ней возможна истинная воля и кайф минимальными средствами (за счет прямой эксплуатации окружения, «телесного низа», как при рабовладении), о которой и мечтать не могёт западная «заюридиченная» и задроч..., в смысле – задрессированная, элита. Формы эксплуатации обновляются, но никуда не исчезают. В сложном обществе они неотделимы в чистом виде от других общественных форм.

Но всё ж Рассее явно свет не светит: росс свой своя не понимай, а скорее – удавляй. Писано не раз (и мною тож), что ежели б могла б Рассея полит-соц-и-проч устроиться, то уж давно б смогла б! А коль не так, то вот вам и вечный бобок-с с отечески-отёчным прибабохам.

Но нашей элите не доставало, как ни странно... *здорового* цинизма. Читатель не поверит: уж чего-чего... И тем не менее. Не хватало *искренности*, общественного договора – реально посмотреть на положение разложения. Это помогло бы избежать множества излишних телодвижений и теле-введений, имитаций, ненужного *театра* (которому

давно не верят сами участники) в области социальной ноосферы. «Да, мы вас *обули*, сила солому ломит, кто смел, тот и съел». Честно, понятно, по-человечески! А то – «патриотизм, кругом врагнии и шпроты-помидоры, и завтра будет лучше, чем вчерааа...». Гуманитарии все как один, понимаешь. Свихнулись на культурке. Ну не могут *просто* давить и набивать мошну. Подавай им, ласковым, обёртку, идеологию, ток-шоу, ритуал, историю писать, в душу поднасрать. Чтобы униженный-обкраденный юрод еще и благодарил со слезой в очах. Назло надменному пиндосу. (С другой, однако, стороны: так не иначе же и в армии, тюрьме и детском доме; разве что попроче в вербально-визуальном изложении). Достоебло однако-с.

Некогда прожженный жулик и бесценный циник, Серега Митрофанов, перед тем как удариться в бега, успел порулить нашими СМИ и в интервью Эху высказал одну скрижальную мысль, обесценившую все многотомье многодумных аналитиков эпохи. Мысль такова: комвласть рухнула потому, что допустила свободу слова и выборов, но *мы не такие идиоты* и учимся на чужих ошибках...^{xlvi}

Я бы эту обесценную мысль отлил в граните и утвердил несмываемым баннером в жидком стуле медвежьей болезни. Какие тут еще фолианты нужны?..

Меня забавляет либеральный наив, когда кукуют, что вот скинуть бы царя, тогда и заживем по-человечески!.. Да уж – ку-ку! А куда-раскуда вы денете brutальных силовиков, продажных судей, журнализов и чинодралов? А мошенников и путан-депутатов? Фальсификаторов лекарств и продуктов, истории и статистики? И прочая и прочая... Конечно, пролетая (во всех смыслах) над родимым гнездом, остается только «пилить». Или взывать к иноземным богам. Куда ж еще честному либерасту податься? Философия малых дел, называется. Впрочем, честных наверняка уже не осталось...

Некогда на «голубом глазу» наш Великий-и-Ужасный упомянул доктора Геббельса как человека, всегда добивавшегося своих целей. А мне сразу вспомнилась цитата из Дневника последнего от 31 окт. 1939 г.: «Поощрять слабость и коррупцию. Так лучше всего управлять побежденным народом».^{xlvi}

Власть и нация – развеселый роман. О том как пришел ушлый унтер к бедной Соне-Лизе, растлил ее и выгнал на панель, а затем посадил за проституцию и фальсификацию дела, тела и духовных скреп. Иначе говоря, нацию настолько развратили цинизмом и продажностью, что поставь теперь ею править хоть варяжских ангелов... бесполезняк. И в этом страховочно-юридичном смысле можно понять все те бессмысленно-юродные запреты сверху, ибо невинность Лизы-Сони, с ее ментовско-уркаганским опытом, теперь уже не восстановишь.

Система рухнет рано или поздно, но на выжженной почве вырастут только уродливые цветы ностальгии... (Те, кто успел застать эпоху, будут вспоминать предельные формы беспредела и кичиться душевными шрамами, а прочие будут восхищенно кивать на имидж бывлой крутизны понтов и понятий)...

Псевдоморфозы (пользуясь терминологией Шпенглера) подчас выглядят более яркими, чем бывлые оригинальные формы: в том числе возрождение феодализма и религиозно-националистического обскурантизма на фоне мировых постиндустриальных тенденций.

Уже в 30-е годы, посетивший сталинскую Россию, Андре Жид, изначально настроенный весьма антибуржуйски, поражен был увиденной им картиной «диктатуры бюрократии» над пролетариатом^{xlvi}. Т.е. всё повторяется, но в новых, еще более пышных, формах. Как писала в «Воспоминаниях» Надежда Мандельштам, «всё уже было, и кончалось, и начиналось снова, но всегда с новой силой и с большим охватом». Ничто не умирает целиком, но преобразуется. Иногда – до полной (внешней!) неузнаваемости.

Свобода или же анархия царили в «лихие 90-е», не столь уж важно при определении формы феодализма. Просто начальству и «лихому» контингенту в борьбе за ресурсы было не до масс (не до нас). На Руси в 12-м веке тоже царил полнейший бардак, то бишь, хрестоматийно – «раздробленность», что никак не отменяло самого феодального строя. С другой стороны, «скрепная» имперская державность реального феодализма с капиталистическим лицом ничуть не препятствует гниению страны и постмодерному абсурду, как не мешала, например, в поздней Австро-Венгрии, эпохи Кафки и Гашека.

Имперство есть вынужденная необходимость построения и цементирования огромной многонациональной территории, но и неизбежность регулярного расстройтва строя (феодально-царского, колониально-либерального, коммунистического, фашистского). Т.е. многонациональность и полиментальность и требуют имперства, и одновременно подтачивают его.^{xlix}

Однако, кто Гегеля читывал – знает, что чем дальше в лес, тем толще чегагары. В чем тут философский спотыкач? А вот в чем. Идеология советского розлива была еще вполне себе смольной институткой, скрывающей потерю невинности, и одновременно – заколебавшим всех, и забуревшим, Калибаном. Простой удар – простой ответ. Не то, что ныне. Чем виртуозней мозгодроч медийных технологий, чем тоньше скальпель, тем в большие глубины коры-подкорки проникает. Отсюда и уникалия момента: сочетание информационной изощренности с первобытными инстинктами, ею вызванными. Такая вот томография духа.

Химера ты, химера, родная сторона... Всё ж сочетание Хитрова рынка и базара, феодализма и фашизма по-бенитовски с ханжески-викторианской Англией уже не умиляет.

Да, завтра над этим сами будем смеяться, а сегодня сидим и размышляем: ну, что – уже перечучхеили Корею, дорейхали до самого рейху, или еще можно добавить?..

Два основных типа формалистско-манихейского сознания — консервативный и либеральный, и два типа утопии, на основе экстр- или интра-вертивной психологии. Сама диалектика также сползает в формализм и постмодернизм (ПМ). Настоящая диалектика – редкое органическое искусство.

При рассмотрении биосоциальных основ культуры весьма удобна известная трихотомия Фрейда. Используя подобную схему, мы можем, например, выявить некую условную планетарную тернарность: *Сверх-Я* Запада (со всеми его *пси*-вытекающими), *Эго*(изм) современной России (элит) и *Оно* народных масс и 3-го мира.

В плане перечисления свойств и предикаций *Оно* – это консервативный романтизм, стихийный детерминизм, аграрность, биологизм, феминность, правополушарность, клиповость сознания, суеверность (при недоверчивости ко всему абстрактному и сложному, как свойство консерватизма), коллективизм, анимизм, теллуризм (почвенность), аполитичность, апокалиптические ожидания и т.п. Т.е., условно говоря, т.н. крестьянское сознание (современный вариант: сознание «Уралвагонзавода»).

Эго – собственно эгоизм и индивидуализм, цинизм, антропоморфизм, вербальность, левополушарность, рационализм, маскулинность, атеизм, техницизм-прагматизм, политиканство, идейный утопизм и т.п. Это сознание городского буржуа, обывателя-мещанина, клерка, и, как сейчас модно говорить – «хомячка» и «офисного планктона».

Супер-эго – законничество и сутяжничество, формализм, информация и сложная система коммуникаций, либерализм, политкорректность, имитационизм, постмодернизм и т.п. Это сознание – на разных своих полюсах и в разных вариантах – адвоката и бюрократа, политика и политолога, учёного и менеджера, продюсера и режиссёра.

Разумеется, все эти типы в реальности чаще выражены подтипами и переходными моментами. И на каждом из уровней имеются свои специфические типы утопий, идеализма, социальности и морали.

Триадность не исчерпывает всей сложности вопроса. Отсюда – тетрадность (кватерниорность), где отмечен 4-й, особый (иномирный, переходный, апокалиптический, металогический) член ряда с континуальными, фрактальными, стохастическими, энтропийными функциями. Хотя это просто большая дробность исчисления: континуальность и

финальность есть у любого члена, начиная с Единого. Тем не менее, в результате: эсхатологизм-милленаризм, коммунизм-большевизм, футуризм, постмодернизм, квантовая философия.¹¹

У нас сегодня как раз и наблюдается этот духовный «4-й Рим», синтезировавший триаду *СверхЯ-Я-Оно*, и представляющий из себя нечто текуче-аморфное, переходное, но в этом переходе застывшее, как чуть подтаявший студень. (Правда, здесь все более на глаз заметна дифференциация населения на сморщенных «морлоков-людишек», замученных борьбой за существование, и холеных «элеев-люденов», откормленных фуа-гра и стволовыми клетками от морлоковских деток). Само это пограничное состояние не способно отменить три вышеуказанных, т.к. ни одно из них эволюционно полностью не прошло.

Практика показывает, что четверичность имеет свою внутреннюю асимметрию. Последний член тетратомии выталкивается, оказывается как бы полувключённым в структуру. За счёт этого система приобретает возможность управлять собственной динамикой: выходить из равновесия, отсекая плавающий член, или восстанавливать гомеостаз, возвращая его. Формула такой структуры с регулируемой чётностью: $3+1$.

Монологизм естественно самовыражается (воплощается) в ценностном бинаризме; бинаризм вынужден самокоррелироваться в триадическом синтезе. Триадизм поначалу успокаивается в себе, но порождает собственных активных маргинальных «могильщиков»; последнее состояние приводит к анархии, хаосу, из которого появляется некое новое *единое* направление. Отметим также отношения типа процесс-структура, система(множество)-субъект, язык-речь и т.п.

А с человеком, как таковым, не легче. Как и с обществом в целом. Есть такое объективное понятие (на что сетовал еще Фёдор Михалыч) – статистика, процент. Хотя, конечно, никто не может помешать в наше прогрессивно-либеральное время плюнуть на вражью математику и прильнуть к отеческим корням (или гробам, тем более, что всё равно там будем). Однако, ежели немного погодить, то честнее всё-таки признать, что Число... имеет место быть и править. Даже через наше «не хочу». Какой опрос ни делай (хоть о чём) – есть большинство и меньшинство. Ну невозможно получить 100%-е единство. Тем более невозможна «стопроцентность» в подсчётах. Всегда были и будут преступники, калеки, девианты, диссиденты, гении и дураки, принцы и нищие, дылды и карлики, альбиносы и рыжие (с «биографией» и без) и т.д. и т.п. Если не брать заведомо понятный «домен» типа клуба геев или движения блондинок, а закинуть воображаемую широкую социальную сеть, мы найдём в ней практически всё. Или всех. Т.е. всегда в достаточно большой выборке мы встретим тех, кто *нам* не понравится. И, скорее

всего, их будет никак не менее десяти процентов. Но *вам* могут не понравиться совсем другие люди, и эти люди могут не совпасть с теми, кто не понравился нам.

Объективно следует признать, что среди энного числа преступников (при всей размытости термина) не все самоуверенные это дураки, и не все дураки преступники (хотя есть те и другие). Не все больные спидом – геи или наркоманы, не все геи-наркоманы – диссиденты, не все диссиденты атеисты, не все атеисты больны, не все больные воруют лекарства, не все воры циники, не все циники богаты, не все богатые были когда-то нищими... И т.д. А теперь прикинем, сколько найдется среди сотни условных единиц абсолютно *безопасных* с моральной, физической, политической или культурной точки зрения?.. Не скажу, что «безопасных» (в нашем понимании) нет совсем: ведь есть мы и какое-то количество наших единомышленников. Позитивная картина выглядит, по-моему, так: в заведомо немаргинальном обществе добро побеждает зло, а «противных» (ну которые уж совсем противны!) насчитывается где-то не более тридцати процентов. Но и не менее, учитывая определённую нежёлсткую локальность в определении «противности». В бытовом плане это всё же довольно грустный факт: если вы оказались в достаточно большой толпе (аудитории и т.п.), то знайте, что каждый третий вокруг вас – красный (т.е. красивый) снаружи, но белый (как Троцкий-редиска) внутри. А вот, что должно будет вас примирить с данным открытием: то, что относится к обществу, в равной мере относится и к вам. Иначе говоря, в каждом человеке треть его существа объективно «противно». Не важно – чем. Полистав книжки психологов, или просто классику, легко найдём искомое. Все квантово течет, туда-сюда перетекая. И негде уже перекантоваться, остается (до Судного звонка) вечно оставаться в мире перемен, в гейзенберго-боровском мерзком безобразии.

От разности к сходству. О чем говорит классическая картина восприятия «жизни после смерти»? В первую очередь, о самой себе, одинаковой и самотождественной: у верующего и атеиста, у буддиста и христианина, у древнего грека и нынешнего англосакса, в Текстах Пирамид и тибетской Книги Мёртвых один и тот же путь души по световому туннелю...

Т.е. не так уж и важно, «како веруешь» и строг ли в принятых ритуалах. Бесплодна идеологическая борьба чистых с нечистыми. Смешно, точнее – грустно, но ведь и в священных текстах можно эту мысль отыскать, да мало кому хочется. Слишком широкое братство мешает узкому, профессиональному, земному. «Там» будем братствовать, а тут – иначе (и даже в рифму). Как и что «там», в виртуальном Эдеме, – *тут* об этом можно только гадать, хоть по Торе, хоть по Дэвиду Бому, хоть по Книге Перемен. Сад с гуриями или банька с пауками, нирвана или

голографический мультиверсум... Каждому своё. А дьявол (один за всех) – в деталях.

Это – жизнь, летально-тотальная. В эту *секунду* (после второй не закусываю, но и губу не закатываю) в мире тысячи покуда не упокоившихся страдают от пыток, умирают от рака, удушья, хирургического скальпеля и бандитской заточки, блюют, гадят, рожают, поют зазорные песни, малюют или постят картинки, сочиняют симфонии, доносы и докладные, машут дирижерскими палочками и полосатыми жезлами, умоляют и молятся, брызжут кровью, спермой, слезами и смехом. Каждому по вере своей. Кому по надежде. А кому и по черепу, где все так мутно запутано и неверно навёрчено...

Менталитет штука жесткая и неповоротливая, хотя каждая эпоха на нем оставляет свои отметины.ⁱⁱⁱ Сегодня городская среда выработала особый психотип среднего класса, от маленького начальничка-чайничка до тяжеловеса, чья социальная жизнь, копируя кондовый армейско-тюремный эстетизм, состоит из двух простых принципов: *знать туфту* для вышестоящих и *гнобить* нижестоящих. Всё прочее – лирика (факультатив).

Известно, что хорошо там, где нас нет. И еще лучше то, что нас нет хоть где-то. Люди как люди, квартирный вопрос лишь испортил их воздух. Все мы делаем друг дружке гадости, но в индивидуальной специфике, в зависимости от места и качества квартирования. В одной области – с широкой англосаксонской улыбкой, в другой – с искренним душевным хамством, в третьих местах, не слишком отдаленных, еще и пером в бок ткнут для понятливости, а в некоторых местностях сразу, без лишних разговоров «за жизнь», горло перережут и печень сырою съедят. Да еще этот праздник телесного духа на новейшую камеру снимут, чтоб был всегда с тобой. Вот я и повторяю, что каждая человеческая семья несчастлива по-своему. Геногеография геополитики, как мог бы сказать Лев Толстой, если бы был бессмертен как Воланд и жил в наше хемингуэевое время.

Однако много меньше было б в мире драки и больше мира, когда б преподавали в школах с малых лет науку апофатки, апофатизм. В чём тут фишка? Поясню на примере гуманитарки. Возьмём историю культуры XX-го века: что должен знать *не* специалист о тенденциях, движениях, школах и жанрах? Да ничего он никому не должен, однако даже здесь легко может оказаться мудрее многих якобы спецов, которые, без знания азов апофатизма, наделают горячую кучу пахучих «идей-фиксов» для произрастания репрессивных кактусов-фикусов...

Но вот серьёзно: были такие вещи (в смысле – есть такие понятия) как модернизм, Модерн (с большой буквы М), авангардизм, постмодернизм (ПМ). А ещё были фиговины поменьше (хотя почётче) – сюрреализм,

футуризм, а из параллельных областей – структурализм, экзистенциализм. Ещё малее – ничевоки, хеленукты, Пражский лингвистический кружок; совсем-совсем мало (в топологическом плане) – господин Иванов, товарищ Иванов. В общем, имя им – легион. «И?...» – недоумевает утомлённый читатель. Шчас спою: короче, культура есть *катафатика*, катафатизм, то бишь, бесконечность («актуальная» или «дурная» – как нравится). Из-за этой чисто конкретной бесконечности вся заваруха и путаница рамсов. А с требования как-то её разрулить, развести по понятиям, дать непротиворечивую парадигму и начинается настоящая репрессивная хрень, потому как образцы, постулаты и гости выдают победители, т.е. начальство. А ведь ежели учили бы все апофатику, то и волюнтаризма было бы меньше и понимания соответственно больше, нежели битых яиц и голов.

На самом деле всё просто, только больно уж сложно остановиться на простоте, ограничить свои интеллектуальные амбиции, ибо воля к знанию сродни воле к власти, тут и к Фуко не ходи. И мы не станем ходить вокруг да около, а врежем сейчас всей нутряной правдой матки. Вот возьмём, как пример, вышеперечисленные культурные мультуры: что о них обязательно знать, в смысле – наизусть? Да ничего, как уже ранее апофатично утверждалось. Достаточно взять словарь или погуглить – и вам откроется. Не ожидали, что всё уже сделано до вас? (Но ведь для вас же!). А вам осталось самое простое – запомнить (хотя лучше – понять), чем одно отличается от другого, а чем сходно в деталях. Почему Иванов не Иванов, а главное, почему модернизм это *не* авангардизм, и тем более *не* Модерн, а постмодернизм это *не* мода, школа или течение, и он никак не связан с модернизмом, но тесно, как антипод, привязан к понятию Модерна. И т.д. Здесь тоже, конечно, вырисовывается целый ряд определений, но гораздо короче бесконечного ряда катафатического универсума с его вечной борьбой интерпретаций, поскольку всего-то надо овладеть несколькими приёмами логики.

И чуть подробнее: ПМ пользуется приёмами авангардизма (да всеми прочими тож!), но противостоит тому и другому как Проектам, сам Проектом изначально не являясь. В этом он, неожиданно для себя самого, сходится с некоторыми моментами старого модернизма (особенно в плане мироощущения), хотя и на иной психооснове (без мировой скорби в глазах). И будучи самым апофатичным из всех, ПМ становится со временем катафатическим, обнимает собой ойкумену, ветвясь гламуром, неоархаикой, и – уже! – полит-экстримом, выдувая и выдавая – пузырь за пузырь – «пусек», «вату», «прижопинских троллей», «госдуру – бешеный принтер»... и т.п. «Больше ада!» – иронически зывали к небесам продвинутые «либерасты». Ну и допризывались. (Хотя, конечно, богомолловским и С^о скоморошеством объективную эволюцию не затормозишь и не ускоришь).

В других странах, коль покопаться, смешнее не меньше. Тем самым (и самым нечеловеческим) образом, ПМ, начавшись как реакция-флуктуация, действует как виртуальный мультиверсум. Можно к этому помянуть (добрым словом, конечно) современную физику теорий Большого Взрыва (Биг Бэнга) и «хаотического раздувания» (дай Бог, не коллапсов!), но остановимся на высказывании старорежимных философов и богословов, что «апофатизм есть катафатизм» (оказывается!). Вроде похоже на дзенский «хлопок одной ладони», только неясно, является ли оным сам, грустно-одиноким, апофатизм, либо «большой хлопок» этой встречи на духовной «Эльбе»? Не берусь судить и ухожу апофатично в несознанку. Ну не тому нас в школе учили...

А, с другой стороны, научили ж на свою голову: как отмечал еще Ал. Зиновьев, традиционная «универсалистская» школа в Союзе привела к перепроизводству интеллигенции, т.е. увеличилась прослойка критически (и «космополитически») настроенного населения. Мегапроект Модерна прям по Марксу выращивал своих «могильщиков». Сегодня такой финт уже не пройдет: универсализм неизбежно превратился в дилетантизм, и «роют землю» «флюсы»-спецы, а гнозис покоится в облаках сетевых...

Но веселей все же жить в эпоху тотальной информации. Для тех особенно (вроде меня), кто в прошлые времена охотился за ней как за экзотическим зверем (≡эзотерическим йети). Правда, и фильтровать всемирный базар стало много сложнее: хайп, фейк и спам (инфошум) тоже ведь стали тотальными, а память (оперативка) и мозг (процессор-думатель) не резиновые...^{liii} Забавно, тем не менее, наблюдать, как самым причудливым образом сочетаются ныне наука и мракобесие, «идеи-фикс» и базы данных...

А вот можно ли представить себе *реальное будущее*? Разве что в каком-то нереальном облаке-смысле. Оно *всегда другое*, чем представлялось. В невероятное скорей попадешь, хотя бы методом случайного тыка. Если рассуждать мирово-и-глобально, то покажите Архимеду айфон, Аристотелю – Гугл, а Ричарду Львиное Сердце – блокбастер о Ричарде Львиное Сердце... Но и локально всё нисколько не проще. А вовремя принес бы граф Витте царю Николаше «популярную» книжку об Ипатьевском доме... А видел бы дедушка Ленин дырки в затылках «ленинской гвардии»... А кто б в оптимистичных 60-х поверил рассказам о дворцах путинских нуворишей и о войне на Донбассе?.. Эх, если б молодость знала, где соломку подстелить!..

Да что шестидесятники! И сами участники конфликта за месяц до его начала не могли представить себе участия в нем. И точно также со всеми участниками всех прочих событий... И вполне понятная психология: человек всегда хочет быть честным перед самим собой. *До* события: «Да

чтоб я?.. такое?.. да не в жисть!..». И *после*: «Вот ведь жисть-то какая!.. Куда ж денешься?.. По-другому тут уж было никак нельзя!..». Тогда неизбежный вопрос (кусачая гадина-логика): человек – раб обстоятельств? Герой формируем средой?.. В любом случае это сообщающиеся сосуды. Что тут нового и непонятного? Никаких особых консистенций в нашем особо взятом подлунном мире и подсолнечном масле масляном... «Екклезиасты» уже устали талдычить: каждый народ достоин своего правительства, и наоборот. И неча на зеркало власти пенять, коли рожа крива! И «гераклиты» туда же: верх и низ – одно и тоже. Начетчик, купчик, аппаратчик, мелкий жулик, солдафон, демагог, интеллигентный болтун, базарная баба и подобные типы – из грязи в князи, вплоть до руководства партиями, корпорациями, администрациями... Узнали? А те, кто внизу так их сильно не любит, станут точно такими же, оказавшись на их месте. Как не знать!?

Но как быстро всё вдруг стало изменять и изменяться. Давно ль говорили о новом Застое, и *на тебе*...

Процитирую себя-любимого из Фейсбука:

Vladimir Sheinblat, как преподаватель английского, достойный продолжатель дел словесника-отца и лингвиста-матери (Арк. Бартов и Юлия Шор). И тут заодно мне как-то подумалось (в сторону): я хоть уже и суперстар (в смысле – старпёр), но в полутрезвой памяти (это пока не намёк: ай forgot больше чем ю know) и аллюзионной лихорадке, находясь, безвылазно, в гостях у постсоветской литературщины,^{liv} столь же безапелляционно и безвозмездно утверждаю, что добрый англиш это дверь в будущее инвестиций и ее открывать молодым. А в качестве дежурной диалектики могу еще немного выдавить и слегка подбавить, что согласно марксистской науке Ломоносова-Лавуазье, ежели рубль опадает (т.е. ищет где глубже), а франклин растет, зеленеет и пахнет в штанах олигархата, то и звёзды лучше зажигают (на голубом ледяном глазу корпоратива), но старпёрам это уже не нужно. Мораль: поскольку акулы пера и пируэта клетку с начальником-чайником вовремя не захлопнули, то вскорости и сами в нее попадут – бактерий кормить. Такая вот ржавооранжевая проповедь от деда без лимона. Скафка бред, да в нем толстый намек от худых мыслей: а не пора ль уже уходить *по-английски*?..

Хотел вначале вбросить в виде шутки, но потом подумал и решил, что это, скорей, «информация к размышлению». Что м.б. идеальнее для нашей пропаганды, нежели слово и дело товарища Яроша? Он безусловно заработал орден покруче жалкого киселёвского. *На дурака ведь не похож* (по голове вроде «кличков» не получал). Вспомнили уже вопрос Кальтенбруннера из известного фильма? А может, платный агент? Вряд

ли (это, скорей, к праворубам европрессы). Тогда что (или кто) остается?.. А вас, Штирлиц, я попрошу остаться... Кстати, место и время вербовки изменить нельзя (1989-91, см. био). Настоящий полковник (ранее – пионер, комсомолец). Пароль: В каком полку служили? Отзыв: Элементарно, Ватсон! Да уж: отцы киевской демократии явно без мюллера в голове.

И прежде чем воскликнуть: «Бред!», сначала оглянитесь вокруг (можно – окрест), а потом еще раз перечитайте эти два пункта. 1) А ведь не дурак! 2) А пользы больше, чем от Киселёва! И потом еще два раза. И, как говорил Клетчатый принцу Флоризелло: И делайте со мной, что хотите!

Это была воскресная реплика от Владимира Л.

Постой, паровоз... Станцию Муссолиниевку проехали с песнями и плясками. Может хоть в Коммуне будет остановка? Все ж таки дороги исхожены... (Кондуктор не спешит... Кондуктор понимает?..).

С печалью я гляжу на наше поколение... Играем черными, больше двух ходов вперед не видим, матчасть забываем. Вот и разводят как лохушек. Совсем классику не помним: про «разделяй и властвуй», например. А с чего начинается Родина? (Петров, садись – два). С начальной фразы Евангелия от Иоанна! Технарям можно было б тут вспомнить кой-чего из старых конспектов – об автокатализе, рекуррентности и принципе максимума взаимной информации, а гуманитариям – о воипостазировании Логоса... Лады, загнул, конечно. Попробуем попроще. Как сказал другой ближневосточный классик: «идея, брошенная в массы – это девка, брошенная в полк». Идея вечна, а вот воплощение ее это встреча «девки» и «полка» в чисто конкретном времени и месте. (Петров, вынь руки из-под парты!). Т.е. событие идет за словом, а мы уж за событием. Колесо истории крутится само собой, а людишки лишь набрасывают кое-что на этот «вентилятор». Конечно, всё сложнее. Иногда семя есть, а почва не готова, не унавожена, но чаще говна навалом, а семя того-с... Еще совсем недавно выражение «б-я колонна» лежало себе смирно-архивно, никого не трогало, а ныне у всех на устах. А мирный Марков на Эхе употребил словечко «погром», но пообещал притом, что милых нам «макаров» мы будем всё же защищать... А список-то вот он! И колесо не остановишь, и веселые ребята придут вскоре на концерт Макара с кошелкой красных помидоров. «Чемодан-вокзал-Бендеры!». Другой вопрос, что на очередном витке сложносочиненные сентенции госсиндультенций (из *правильного* списка) не отмажут: не знаем, что вы там соловьями заливали, некогда разбираться в кисельных берегах, а фейс-то вот он! И об тэйбл без переговоров.

Логос, конечно, не воробей, но тоже порхает. А Джаггернаут хоть и не Роллинг Стоун, но тоже жжот. Какой отсюда вывод? Зависит от того, какой будет ввод. Так что в едином порыве следим за новостями.

А какая забавная новость об американском авианосце («Даниел Кук») в Черном море! (04.2014). Аборигены чуть не съели Кука. После того как наш истребитель полтора часа имитировал воздушную атаку, морякам потребовалась срочная помощь психолога, и половина экипажа подала заявления на дембель (мол, жизнью рисковать мы не подписывались!). Экипаж как типаж.^{lv} Победа в предыдущей холодной войне сильно рассупонила западную цивилизацию. Элои Уэллса? Молчит наука. А пушкинское «зачем стадам дары свободы?» кажется можно отнести к любой стране и народу, независимо от времени, места и основы правления. Закат подкрался незаметно. Зато уж теперь никто никому не запретит сколько угодно ковыряться в носу. Или в иных местах. Урканаты рулят. М-да, цивилизация наша широка и обильна, но наряда в ней нет (кроме как от кутюр). «Шпенглерович! Выйти из строя! Три наряда вне очереди!».

А кто там говорит, что перешли последнюю черту? Ни черта! Снизу всё еще стучат-постукивают. А мы на «клаве» перестукиваемся. Вот когда за разоблачение пятоколонных предатков в награду их жилплощадь станут выдавать... Вот тогда... И деды станут рассказывать скептическим внукам о вегетарианском брежневизме... «Да врешь ты всё, дедушка!».

Ну, а вскорости, по мере быстрого развития событий, и вообще-то стало малость страшновато писать, что думаешь, без эзопистости малой. Да и по малой-то нужде есть риск отхватить по-большому. Вот, например, «Из ненаписанного»: На их враждебные «Хатыни» нужны нам добрые «Катыни».

(конец кривых фейсбучных интерфейсов).

А в оном/ё-ном возрасте и остается только вспоминать.^{lvi} Моя последняя жена часто называет меня сумасшедшим. Эх, не видела она меня в молодые годы!.. Сейчас я сытый, полутолстый, почти индифферентный и красиво-консервативный, как малоуважаемый ныне книжный шкаф.

А самый цимес-таймс – с 1969-го по 1972-й. Чего я действительно не в силах уже осознать (понять-поверить), так это – **как** в эти малые три-четыре года уместилось столько всякого всего? Вот еще валяется в углу дырявый футбольный мяч и не выброшен еще деревянный пистолет, а на столе, рядом с тетрадкой отроческого романа про индейцев, кучкуются ницшевский «Заратустра», Поль Валери, «Джнана-йога» Вивекананды,

«Лолита» в полуслепой фотоформе, карандашные выписки из Хлебникова и Хармса, попытка переводов из Джека Керуака и наброски будущего антромана («Раман»)...

За это время я успел отрастить и остричь самые длинные в Питере патлы, прокатиться по стране «хич-хайк'ом», закончить вечернюю школу рабмолодежи (из обычной был изгнан), отмазаться (язвой-печёнкой) от армии, побыть трудягой и тунеядцем, из завсегдатая рок-сэшн оборотиться джаз-меломаном, из закомплексованного хипаря стать наконец мужчиной (с одной девушкой прожить год и с другой два), дважды быть жестко избитым жлобами и позаниматься в подпольной секции карате, забросить курсы английского, курение травки и хождение в «Сайгон»...^{lvii}

Если б только «сумасшедшим», то еще ладно, а вот «дурачком», конечно, обидно. Иначе бы курсы не бросил. Как и работу в радиомагазине с открывавшимся учебным и карьерным ростом. Дурень сошедший с ума – это уже перебор. С работы ушел, чтоб не мешала свободному автостопу, а вечерние курсы английского бросил,^{lviii} потому как боялся оставить без надзора любимую, но излишне богемную, женщину.

Ну а как не быть дурачком изначально, коли единственная твоя школа это обычная школа плюс двор? Да и в школе-то у меня был всего один приятель со сходными интересами, из параллельного класса (с одноклассниками, смесью карьеристов и хулиганов, контакт не заладился). Когда в конце 60-х Дар познакомил меня со своим зятем, Славой Паперно, я впервые окунулся в атмосферу классической интеллигентско-диссидентской семьи... Книги, диски: просто атас!.. Слава обещался помочь подтянуть меня по школьной программе, но помог совершенно иным. Черт с ней, со школой, она меня мало уже интересовала, а вот атмосфера квартиры, где звучит настоящий джаз, где на полке Джойс, Кафка и Пруст соседствуют с оригинальной прозой американских битников, машинописными обериутами, дореволюционным Львом Шестовым и Эрнестом Ренаном, куда простежки заглядывают на чашку чая поэты местного андеграунда и западные слависты... Вот Осин соперник, младой Дима Бобышев, вот будущий проф, Сидни Монас, берущий уроки русского...^{lix} А это, вроде, Юрий Галансков, который скоро скончается в лагере (или кто-то еще из московских?), а рядом – первый питерский битник, Ефим Славинский, будущий диктор Би-Би-Си (но сначала, конечно, публичный судебный процесс!), а вот утонченная Тоня, его последняя подруга и будущая переводчица Нормана Мейлера...

Мне явно не хватало и семейного воспитания и старшего брата,^{lx} которому можно было бы подражать. Но сразил меня Слава не тем, что был классическим отпрыском правильной, интеллигентско-учительской,

еврейской семьи, а ровно напротив – *неправильным* продолжением традиции. Возмущившись – внутренне – неотвратимостью социальной судьбы, он взбунтовался и ринулся во все тяжкие, а именно: поджeklондонски-и-джеккеруакски, бросив после золотой школьной медали институт, объездил весь Союз на товарняках. Совсем не слабо для домашнего еврейского вьюноши, не правда ль? И мне с моим жалким автостопом и дворовым опытом за ним было во всех смыслах уже не угнаться.

Однако нет добра без худа: излишняя образованность явно мешала Славе выразить себя в литературе и бунт все одно закончился стезей препода (правда, уже в американском универе). Мне не помешала. Знал, знал о чем говорил прозорливый правнук арапа: поэзия (как и все прочие искусства) должна быть глуповата (и потому уже ни в чем не виновата)!..

А то, что уместилось в малые года, не поспешности жизни обязано (торопыжка был голодный...). Напротив, уже трудно представить *как медленны мы были...*^{lxi} «Достать» хорошую книгу, правдами-неправдами приобрести джазовый диск (а заодно и за колбасой отстоять)... пытаться дозвониться с уличного автомата... Можно, конечно, усмотреть элемент некой романтики в том, как стирали пыль с винила или склеивали оборвавшуюся магнитную ленту. Поехать через весь город в «Публичку» ради одной строчки, намытой из словаря. На деле оказалось, что и новомодные гаджеты не дают полного счастья (и даже свободы), и это природный закон. В советские времена холодильник и цветной телевизор, молодежные движения и рок-н-ролл, о которых и мечтать не могли наши родители, которые однако имели радио, телефон и паровое отопление, а их предки освещали жилище лучиной, но предки предков могли похвастать перед своими пращурами колесом и бронзовым мечом... Счастливее (и мудрей) всех, наверное, была обезьяна, которая не спешила стать человеком...

В нашем детстве не было, конечно, таких прогрессивных развлечений как компьютерные пулялки, всякие там аркады да танчики,^{lxii} и для придания остроты ощущениям использовались более простые методики. Особенно интересными казались две следующие забавы. С компанией подростков мы собирались на стрельбище под Васкелово потерянные патроны, после чего на лесной полянке разводили костер и, кинув в огонь заранее пересчитанную партию, залегали вокруг. Помню, кто-то из наших, ошибившись в подсчете, вскочил раньше времени и лишь чудом остался жив. Другая забава была уже не настолько опасной, но еще более чувственной. Называлась она – «дымовуха». Тут требовалось найти пластмассовую расческу, обернуть ее куском фольги, поджечь и сразу же затоптать, а затем эту шипящую дымовую шашку бросить в заранее выбранное осиное гнездо. Бежать, в принципе, было бессмысленно,

оставалось только отмахиваться, и тут уж кому как везло, но ощущения у всех были крайне острыми.^{lxiii}

Да, не нынешние вундеркинды с ТВ, и не марсели с мамзелями в Булонском саду! Но в детстве и юности все мы немножко гении, даже самые придурковатые. Почему-то с годами гениальность проходит быстрее, чем дурость; можно, конечно, цепляться и хорохориться, как все романтики, а можно смириться, как все реалисты.

После прочтения у Славы Паперно (к которому я ходил почти каждый день вместо школьных занятий) самиздатской копии пьесы Александра Введенского «Елка в доме Ивановых», мне тоже захотелось «замастырить» что-нибудь *эдакое*, что я и сделал по-быстрому. А затем, удостоившись похвалы некоторых старших товарищей, окончательно «забурел»: и к месту и не к месту, особо при дамах, бубнил из угла (где обычно сидел на полу, лакируя паркет длинными патлами), что я – новый гений, и требовал от присутственных дам, девок и девушек признать это как неопровержимый факт.

«Нет, Вова, – с видом доброго доктора отвечала мне Тоня Славинская, – ты не гений». «А кто же тогда?» – возмущался я искренне. «Ты просто способный мальчик. Все мальчики в твои годы способные. Вот Оська тоже считает себя гением, хотя и он, конечно, не гений, а просто хороший поэт».

«А мне понравилось, – покровительственно осенил меня Дима Бобышев (тогда еще «повеса всем известный», отбивший у «Оськи» Марину Басманову). – Вот москвичи говорят, что в Питере прозы нету. Большой наверное нет, но поросль появилась».

Всего лишь через несколько лет, будучи уже большим поэтом-метафизиком, он вернул мне рукопись моего «Рамана» со словами искреннего отращения: «Но это же какой-то Рабле!»...

Опаньки-жопаньки! Ничего себе – «какой-то!»). Да плевал я на ваших толстоевских, гробоедовых и гроболюбовых! В школе объелся. И ваще!.. После того, как меня похвалили Дар, Гор, Максимов и последний обернут, Игорь Бахтерев^{lxiv}, мне никто уж не нужен, и все совписы, херли и кривули по колено...

Вот, что делает «похвала глупости» от стариков: ломает, и надолго, неокрепшие умы. И, конечно же, серьезно портит характер. Что-то такое поселяется и в лице, и в манерах, и в невидимой простым взглядом личной ауре. За что отечественные работяги всю жизнь будут считать тебя за «жида», а рафинированные интеллигенты – за высокомерного выскочку и самовлюбленного эгоиста. Поэтому, в итоге, и оказался я парией, «андеграундером» посреди андеграунда...

Эволюция случается и на персональном биофронте. Это я не про себя – социопатия плохо лечится. А вот некоторые мои знакомцы прошли крутыми виражами к необщему выражению лица. Особенно удачно –

художники, Эмиль Копелюш и Стас Бородин. Премии и мастер-классы, на фуршетах – атташат... А ведь когда-то сих малых за портвешком в лабаз посылали...

Во время Оно сын обериута, Илья Левин, незадолго до своей эмиграции, переправил мой «Раман» на Запад, где сей и прозвучал в парижском «Эхо» у Хвоста. Ныне^{lxv} мистер-твистер Левин – штатный атташе в Афгане, мы даже зафрендились в Фейсбуке, но я однажды немножко хамски высказался (полезши в Сеть по пьяни) и был разом выбракован, обратной, из братков...

Не все любопытные персонажи попали в мой прошлый меморий. Вот, например, Сергей Зубарев, который кометой промелькнул на небосклоне ленинградского андеграунда. Сам он был родом из Донецка, в начале 70-х гг. поступил в наш универ на психфак. Писал рассказы («Толкователи анекдотов»), статьи («Колыбель для кошки» Воннегута», «Сентябрьские тезисы психологии творчества» с посвящением Дару), пытался рисовать в абстрактном духе. Владел гипнозом. Тесно общался с литераторами и художниками: сам Михнов(!) пожимал ему руку, Андрей Геннадиев написал его портрет («Портрет критика»), который демонстрировался на выставке новых художников в Гавани в 80-х гг.^{lxvi} Явный гипоманьяк (по шкале известной мне из книг В. Леви) и внешне напоминал Черчилля. Он со смехом рассказывал, что спросил хозяйку, у которой снимал комнату: «Как вы думаете, сколько мне лет?». «Ну, вы выглядите моложе своего возраста, – осторожно, чтоб не обидеть, ответила она, – на вид вам нет еще и сорока». Ему было тогда девятнадцать. «Не боитесь попасть под колпак гебухи?» – спросил я его. «Нисколько. Если им что-то не понравится, дело закончится тем, что сообщат моим родителям, и меня просто отзовут обратно домой». Родители его были какими-то серьезными партийными чиновниками. Он запросто мог перепить любого из наших бухариков, оставаясь практически трезвым после суток возлияний. Пригласив меня в гости, он мягко хотел склонить меня к однополой любви, но, к счастью, дикая смесь водки, пива и кофе с кардамоном (и возможно с добавленным в него тайком еще каким-нибудь снадобьем) довела меня до бесконечного блёва, и под утро мне удалось покинуть этот дом без всякого иного ущерба. Я морально отомстил, выдав про него легенду (в которую сам наполовину поверил), что Зубарев провокатор и особый агент КГБ, введенный в наш круг для его дискредитации и морального подавления. Но в нем действительно была некая особая харизма. Лёшка Любегин возил его в какую-то далекую деревню к умирающему ребенку (пьяно-весело, зимой, на санях с лошадьми, столичный *дохтур* с бубенцами – в шубе и пыжиковой шапке!) в надежде на экстрасенсорное воздействие, но последнее не помогло. Вскоре он пропал из Ленинграда и о нем не было никаких

известий. Уже в интернет-эпоху я прочел на сайте донецкого журнала «Дикое поле», что несколько лет назад Зубарев умер, замерзнув пьяным на уличной скамейке. Не столь уж и редкий случай на нашем веку: такая же смерть постигла фотографа Борю Смелова («Пти-Бориса») и Юру Воронкина, первопечатника-переплетчика самиздатского журнала «Обводный канал» (см. «Парамеморий»).

В далекую эпоху тотального совка (она же – «ностальжи») пересекался я, у нашего общего приятеля, ныне покойного, Игоря Дорошенко,^{lxvii} с будущим мюнхенским автором программы «Сигнал», Валерой Коноваловым. В лихие 90-е он наш маршалитет легко огуливал и с генералитетом душевно вискарил. В Сети случайно натолкнулся на его меморий – «Век Свободы не слышать!» – и снова подивился: похвальному профессионализму (от парня не служившего в СА), и наглости ушучивать свободовцев за пятый пункт и прочие мелкие детали. Беспардонности ему всегда хватало, но предположить возможность такой (пусть временной) карьеры у страшенького редкобороного заики, унылого мазила (величавшегося учеником Исачева^{lxviii}), и соавтора (с Игорьком же) етитской поэмы «Софа Мандищева» (в пандан «Луке Мудищеву»; *их* есть у меня!) никак я не мог. Кстати, хоть Коновалов (мы с Игорьком дружелюбно именовали его то Коленваловым, то Калоедовым) и не стеснялся шероховатого пройтись – по-большому – по «малым народам», но так и не признался, что выехал из Союза не по диссидентской квоте, а благодаря фиктивному браку с еврейкой молодой.

Игорёк сыграл еще дурную роль сплетника-разлучника в моей связи с томичанкой Ириной Киселевой, специалисткой по раннему Джойсу и ученицей Екатерины Гениевой (будущей представительницы пресловутого Джорджа Сороса). Много лет спустя я неожиданно для себя нашел статью о ней в энциклопедии «Литературный Санкт-Петербург. XX век» (СПбГУ, 2011), откуда узнал не только о том, что Питер в ее стихах это «город разлук»^{lxix}, но и о ее последующей воцерковленности. Роль Игорька оказалась все-таки благотворной: я сохранил семью, а Ирина из нервной богемной дамочки превратилась в лирическую поэтессу, православную паломницу и журналистку.

А вот Герман Григорьев, человек без паспорта и бродячий поэт, с которым я познакомился у Игорька, (он же, по нашей кликухе – «черный йог Герасим»), не попал в эту энциклопедию. И вопрос, «будет ли помним», открыт по сих пор, хотя среди множества литературных Григорьевых он, на мой взгляд, не самый последний Григорьев. Я не читал его сочинений о княгине Ольге и ранних рюриковичах, но вот его давнишняя пьеса «Головоходы», блестящая сатира на питерский андеграунд, вполне сравнима по классу с лучшими булгаковскими комедиями (в персонажах Костя Кузьминский, богемные гости и сам

безмолвный «йог», обретавшийся на квартире маэстро). В конце 80-х я потерял Герасима из виду и лишь сравнительно недавно узнал, что все оставшиеся годы он провел «на 101-м километре», был нищ и гол настолько, что топил печь газетами и умер от открытой формы туберкулеза. «А рукописи? – первым же делом спросил я, как всякий заправский гуманист-гуманитарий. – Сохранились?». *Как бы да*, осторожно ответили мне, *но...* не в простой шаговой доступности... Рукописи (из тех, что не пошли в печь, разумеется), теперь *в карантине* по причине своей вероятной заразности...

Такое вот, граждане мессеры, прощальное «му-му»...

Но ни к чему нам ни войны, ни мор, ни репрессии: черные лебеди и так уж летают повсюду... Черный пёс, Петербург, у меня еще есть адреса и картинки из жизненных клипов! На параллельной Невскому, улице Конной, дом 1910 года постройки архитектора Линднера, где моя коммуналка тиха как бумага и также горит хорошо. Старушка безногая, одинокая Жукова, неоднократно пиар-пироманила с последующим вызовом соседями МЧС (тоже ведь крик души: хоть кто-нибудь, заметьте меня!). В последний раз вышло совсем офигенно: как сказал эмчезник, «еще б пять минут и в квартире пять трупов», но соседи (в том числе те, кому я жилплощадь сдавал) вовремя очнулись и успели пробиться сквозь стену черного дыма на черную лестницу. Тут налетели ТВ и куча пожарных расчетов по четвертому номеру, а инвалидка, заснувшая после палёнки с непогашенной папиросой, оклемалась уже поздновато и чуток не доползла до двери. В довершение картины пожарник, ворвавшийся в ее комнату, ничего не замечая в дыму, с треском наступил ей на голову сапогом, и потом, выйдя в мою, оставляя на полу следы крови с мозгами, вышиб окно (вставка которого обошлась мне потом в четыре месячных пенсии; впрочем, счастье не в деньгах).^{lxx}

Но не спешите свысока презрительно хмыкать: образование-вышка тоже не охранная грамота. Упомянутая выше Тоня Славинская, первая вдова питерского первобитника и бибисишника «Славки»-Ефима, интеллигентнейшая филологиня журнала «Звезда», в сходной ситуации одиночества задремала с пахитоскою перед телящиком и уже не пронулась. А деликатнейший и благосемейный Аркаша Бартов?!. После того, как у него неожиданно вспыхнула старая проводка, он вывел семью на лестницу, а сам несколько раз нырял в дымное угарное чрево, пытаясь спасти документы и рукописи. И еще месяц промучался в реанимации. Ныне – на кладбище в Комарово, как раз напротив могилы Сережи Курехина...

Что-то все чаще мне начала сниться-мерещиться некая чаемая машина времени. И не футурум интересует: ну какая нам разница, что за наноквантовые гаджеты будут в ходу?!. Или – политические

раскладушки: ну сменится очередная слякотная оттепель очередным же студёным сезоном – эксплуаташки дурашки меньше не станет. Разве что любопытно – кого из моих литприятелей в учебник включают для внучат или в бронзе клонируют. Но не особо. А вот что мог бы я нынешний напечатать на ушко себе тогдашнему, непутевому, попутавшему пути-развилки, от чего бы избавил и что присовокупил?!. Ох как много душещипательного вставил бы в ентою идиота, испортившего всю нашу биографию!.. (Одно утешает – как бы плохо не было, запросто могло быть и хуже).^{lxxi}

Но есть, есть еще сладкие в жизни моменты помимо горького поила: вот узнал, что по прозе моего покойного друга Холоденко некая славистка-тальяночка диплом защищает.^{lxxii} Понятно, что не всё ей понятно, хотя и вездливо подъезжает, в каждом слове видит двойной-тройной смысл, а очевидные вещи пропускает. Да и я, главспец по холоденковскому оружию, один простейший момент упустил. Лирическая авторская проза хоть и имела ясный авто-био характер, но «воображариум», фантазм ее, гораздо важнее. У Холоденко это называлось «преступлением мысли», вернее, «преступления» его «суть – мысли». А это уже и суть того времени – эпохи соцреализма и дозволенной лирики.^{lxxiii} Тем более, для самородка из социального низа и *реального* соц-реализма. Элементарная фрейдовская *компенсация*. Компенсация эстетическим. А в случае с нашим автором – эротикой, легким чувственным флёр, приглушенным внутренней этической самоцензурой, которая здесь естественна и сама по себе эротична. Тем самым внешнее, формальное, викторианство снимается внутренним и расцветает. И гаснет.

А вообще, возвращаясь на круги-други своя, нам, конечно, не привыкать, но обидно то, что раньше-то, «на кухнях», мы были молодые и не знали жизни иной... На сегодняшний незамысленный взгляд мы, тогдашние, были, конечно, смешными. Точней – архаичными. Но не стоит же обижать давних даосов и бедных платоников, что они ни Евангелий, ни Маркса, ни Фуко с Фукуямой не знали-не ведали?!.. Скрытый смысл анекдота Довлатова о Холоденке, который на Фолкнера обиделся за то, что последний «украл» у него интересный сюжет, не в том, что у андеграундеров эпохи Совка сдвиг по фазе был несомненный, а в том, что Дети Совка действительно были «как дети» – со своим, открытым им, «Царствием». Ближе к тому – по архаике – было и мое тогдашнее чувство, обида и зависть по прочтенью гессевского «Степного волка»: ну почему не я его написал?!.. Ведь это ж про меня, какие к чёрту волки?!.^{lxxiv}

Историцизм – лучшее отвлечение от личных проблем.

Эволюция нашей социальной культуры (60-е – 80-е): Повторяемость → Предсказуемость → Комфортабельность. Отсюда – наевшись котлет – поиск духовности снизу → индивидуализация и «коллективизация» индивидуумов. Литература, музыка, театр/кино. Культ культуры. Интерес к интересному. Отсюда – эстетизм, эзотерика, эксперимент, соревновательность, коллекционирование. Интеллигенция растет количественно и дифференцируется качественно. Но, при всех внутренних различиях и нюансах, общая культурная «ноосфера» (особенно с учетом закрытых границ) в плане гнозиса вполне обозрима и вместима если не в каждый отдельный «габитус», то хотя бы в определенный круг культуртрегеров. Время и место (хронотоп реального социализма) диктует обществу и конкретный тезаурус знаний, а стало быть и *этос*, т.е. характер, мораль, мировоззрение, «компендиум» возможных запросов, оценок и ожиданий. Первый (он же последний) признак этой общности – Цитатность и Культура аллюзий, уже расходящаяся по специфическим нишам и социальным диалектам, но пока еще узнаваемая. «Казачи» и «разбойники» (внутри социума) могут сколько угодно меж собой воевать (чаще – бескровно), но понимают друг друга даже без слов.

Светский (а отчасти и советский) гуманизм, романтизм-и-сентимент, Диккенс и Айвенго, Чингачук с Юлом Бриннером, Бельмондо с Д'Артаньяном, весь этот кавалерский джаз Вивальди и голливуд Голливуд зазомбировали и духовно оприходовали российского интеллигента. С малых лет мачизма нет!.. Невозвратимая эпоха бродских-высоцких-стругачских-и-вознесенских...

Синкретизм советской культурной эпохи в сравнении с нынешней эпохой дифференциации/специализации/атомизации дает основания полагать, что в данной системе обыватель и интеллигент, социально и духовно, а главное, в области информации в целом, были куда ближе друг другу, чем это возможно сегодня. Кино, книги, музыка – один багаж на всех. Обыватель мог не понимать Тарковского и Бродского, но не знать о них он не мог. И интеллигент мог сколько угодно посмеиваться над простым обывателем, но с таким же, если не с большим, удовольствием слушал блатной шансон, скупал фэнтези и детективы и смотрел, по сотовому разгу, боевики и комедии. Можно, конечно, сказать, что это плановая экономика и уравниловка, железный занавес и культ дефицита объединяли население, но и переход к капитализму (неважно, что специфическому) «разбросал» его ненадолго (а экзистенциально – и недалеко). Новейший цифровой «гулаг», сдобренный страхом и правовым нигилизмом, вновь объединил народ в одно целое, притом, что на персональном уровне каждый оставался сам за себя...

Иногда происходит философское недержание по-большому и по-малому. И, долго в этом поле сидя, можно легко и набок свернуться, куда-нибудь в канаву альтернативной истории. Хотя я и пытаюсь применять *объективный анализ* в куче навернувшихся обстоятельств.

Возраст дает себя знать: хондроз, спондилёз, грыжи по всему позвоночнику и т.д. Болезнь Иосифа Сталина, сказал мне с улыбкой невролог. Понятненько. Вот откуда ночные кремлевские бдения! Знакомые симптомы: позвонки от С-3 до С-6 с ущемлением нерва. А если бы ему вовремя попался хороший нейрохирург, или хотя б мануальщик... и Мандельштам с Мейерхольдом остались бы живы, и Блохер с Тухачевским встречали бы военный парад на Елисейских полях и Унтер ден Линден... Эх, Пантелеймона-Целителя взять (с современной израильской клиникой) и неотложкою вдарить по всем известным тиранам... Как много в истории зависит от малого... От случайного гена, от малейшего сдвига и триггера. Здесь и «мир в одной песчинке», и Вселенная из Ничего, и из какого-то «сора» стихи, и царство, павшее, потому что «в кузнице не было гвоздя» (зато «в сапоге» он покажется страшнее, чем фантазия Гёте).

Кто не прошел через эту бесконечную ноету, тот не поймет. Бедный Коба, я-то хоть вовремя начал делать гимнастику, чтоб рука не отсохла... А так действительно хочется (ну очень, блин, хочется!) *всех расстрелять*. Представляю: «Блохера хорошо отмудохали? Признался, сука, в своих преступлениях? Тогда к стенке». Облегчение чисто психологическое, виртуальное, и не надолго хватает. Альтернативно размышляя, вот уж прекрасная Россия прошлого могла б получиться: Вавилов, Флоренский, Кондратьев во главе советской науки, Бабель с Кольцовым в печати витийствуют, бдят комкоры, все как один, на посту, и победоносная война на западном направлении. Да это уже и войной-то в привычном смысле назвать будет сложно (а ля талибан 21-го года и века)...

Но ежели глянуть с другой стороны, то как-то чересчур карамельно, буфетно-конфетно, получается. Данке шён, да битте шён. Какому слависту будет интересна Россия без «Колымских рассказов» и «Архипелага ГУЛАГ»? Что за история без шарашек и нобеля Бродскому, без опалы, цензуры, предательств и героизма?.. Без бесов и праведников? Битте шён, да данке шён... Скажут, да какие еще праведники!?. Ну хорошо (хорошего мало!) – *неправедно* осужденные, в застенках бесправные, которых что-то слишком много набралось в прекрасной России настоящего. А уж бесов и троллей, рулящих в информационном (и не только) пространстве вовсе без счёта (бесконечность свинства не вписывается в классическую меру «легиона»).^{lxxv} Но нет, не свершилось «альтернативное», не вывела кривая... В общем, терпи, Лапёнок, пока жив, тем более, что не так уж и долго осталось...

Пост про Постскрипtum.

На посту стоит Постскрипtum,
Рефлексией поражён...

Из ненаписанного

Время лечит амбиции. Или – калечит. А нет теперь с нами и Аси Львовны Майзель, и Гены Трифонова, и Юры Алексеева, и Васи Филиппова, и Б. Иванова, и Птишки с Граном, и многих иных. Я уж не говорю о Даре, Бахтерева, Шигашове, Кривулине, Охапкине или Васе Ситникове... список огромен и пополняется с завидной регулярностью. На сегодня, конечно, все мы вполне уже тоже – «вчера». Уходим по порядку рядами. (Кому пора в «этсэтэра»?). Архаисты и новаторы, эгоисты и кооператоры. Некоторым – при выносе – даже достаются аплодисменты. Не спрашивай, по ком и по чему они звучат, посердцу иль по барабану. Каждому своё, и если литературный труд и делает человека свободным, то освободиться от самой литературы не удастся даже после смерти: заанализируют до пятой точки. Буквоборцы и словобесцы. Зараженные логореей. Закольцованные рефлексией... Вот давеча в своей «Божедомке» (Лордвилль, Хенкок-«Куринохуйск») отошел к праотцам футур-культуры великий ёрник и актёр монотеатра, Костя Кузьминский. И Сеть так плотно заполнилась комментариями, что я, как дежурный его корреспондент, поймал себя на мысли, что надо *срочно* отписать ему, какой живой ажиотаж у публики вызвала весть о его кончине!.. Думаю, Костя остался бы доволен. Хотя и поругал бы каждого первого-второго с устатым матерком патриарха, смирившегося, в принципе, с неисправимостью человеческой природы.

Лично для меня Кузьминский это в первую голову человек беспредельной, бескомпромиссной и беспардонной (трижды «бес») искренности и вулкан всамделишных раблезьянско-африканских страстей.^{lxxvi} Костя был противник любой выгоды-конъюнктуры и отверженный всякой гламурно-товарной продажности. И любил от души и материл-костерил без политесов. Многие за это столь же искренне оскорблялись вплоть до физической ненависти. Эх, далекие далекие люди!.. Да что говорить о них обо всех, ведь когда в переписке Кости возникало вдруг имя его ближайшего коллеги, Валерия Молота, то непременно с такими словами: «разругались в пух», «приехал Молот – доругаться» и т.п. А причина-то ругани крылась обычно в привычной оценочной области: из-за Бродского или Анны Андревны с «сиротками» можно было надавать-получить оплеух...^{lxxvii} Вот таких донкихотов боле не делают...

Но, чтоб не быть обвиненным в сусальной иконографии, расскажу следующую байку. Как-то звоню Дару, и он говорит: «Жаль, ты не позвонил двумя днями раньше, я бы лучше тебя к себе пригласил, а не

Кузьминского.^{lxxviii} Он опозорил русскую свободную литературу. Был у меня в гостях Карл Проффер, издатель Ардиса, и Костя так извивался и заискивал перед америкашкой, я чуть не сгорел от стыда. А все разговоры о литературе сразу переводил на себя...». «Угу» – бормочу, а про себя думаю, что и я, и любой другой из нашего круга, тоже вряд ли бы справился с испытанием. Да Дед сам виноват: кто ж, как не он, вдвухнул нам чувство индивидуализма и поощрял диссидентство!?

Образ и прообраз. Миф и логика. Теория штанов и праксис этнологии... Вспомним былое. Вот картинка лета 73-го (или 74-го) года: идем мы от Давида Дара (к Звёздной по Ленсовета) – я в заплатанных джинсах, с веночком из ромашек, венчающем длинные патлы (до копчика), и Костя, заросший зевс-волошин-воланд-махно,^{lxxix} с огромной тростью из карельской берёзы и в черных кожаных штанах работы Шемякина... А между этими двумя монстрами – в замшевой миниюбочке, миниатюрная, как украденная статуэтка, жена моя, Риммочка. Навстречу – ошалевшая старушенция с глазами навывкат от увиденного... Но наверняка – *ветеранка*, которая всё ж не потеряла присутствия духа и по-военному громко скомандовала: «Девочка, беги скорей сюда, я тебя прикрою!...». (Кто б сегодня осмелился вырвать ребенка из лап диких демонов!?). «Ничего-ничего, все хорошо», – испортила девочка намечавшийся подвиг. (И – как назло – никакого

Пти-Бориса в кустах или иного случайного Приходьки из «дзигавёртовых!»).

Вообще-то факт эпатажа формами имиджа давнюю имеет историю, от античных киников до футуристов, от даосов и дервишей до обэриутов и битников-хиппи... (Цитата из ККК: «...кривоногий кривулин в качестве гумилёва, истерическая лена шварц в ахматовской шали, и я – пузатым и бородастым максом волошиным, возлежающим на берегу совсем иного понта...»). Внутренняя свобода нередко пытается символизироваться вовне. Внешняя форма Кузьминского это уже не классика даже, а классицизм в сравнении с методами гламура и постмодерна (когда дресс-код стал товаром). Дело, конечно, в акценте

и в степени, но особо важна *историческая* составляющая, наличный уровень хронотопа, времени-места. В начале ленинградских 70-х и джинсы «леви-страус» уже тавро «дикий» (неангажированной, то бишь) «мысли», опасный идеологический «бриколаж». А тут?..

Меня, старого эпатажника, всё же малость коробили излишне гротескные, на мой взгляд, сценические манеры ККК, в чем я его уже не раз упрекал, а он только иронично отбрехивался. И лишь Ася Львовна открыла мне глаза на суть вопроса, написав где-то в своих дневниках, что Костя это «большой ребенок». («Большой», и безмерный анфан терибль; как он сам говорил: «Меры в себе я не чувствую ни в чём»). Теперь-то у меня не осталось сомнений, что вся внешняя его гротесковость и грубоватость (Котляров, Осмоловский, Кулик, Бреннер и прочие, вторичны и легковесны!) абсолютно адекватна силе и остроте его же скрытой детской ранимости. И за одно только это его нельзя не любить!..

А ведь не прав я, конечно, в понимании визажизма. Визуальность – у Кости – *рулит*. Имажинизм у власти и требует невозможного. Но – не теория. Костя теорию не уважал, как и профессуру голимую. Весь его эскибиционизм шел не от сердца даже, а от чрева – печёнки, желёз и биома кишечного (см. ниже у Дара). Смена обликов и нарядов, «путь масок», но вовсе не как иллюстрация к карнавальной культуре Бахтина и «дикий мысли» Леви-Строса. Костя – Пан, Костя – ню, Костя – денди, Костя – монах и «распятый», и, особо любимые образы – папуас и атаман-анархист. Кожно-и-кровно связаны с этим его любовь к живописи и живописцам, собирательство всяческой третьемировской экзотики, любовь к маргиналам. Язык тела и жеста прилегал столь же естественно к *фонетической* страсти, к звуковому стиху – в том числе на пиджин, ток-писин, манси-шманси и фриковом африкаанс... Не говоря уж о питерском пиит-андеграунде. Выходя из себя, из обесбашенно бесшабашного Вавилона, выворачивал свое чрево вовне, а вот *внешний мир* – в формах нелегитимной культуры – им наоборот собирался, заглатывался, переваривался и сохранялся в кунсткамере – в *Лагуна*, в *Подвале*, в *Лепрозории*, под *Парашиотом*, в *Божедомке*...

Ну и хейтерства к себе он насобирав тож больше всех...

Еще в тему: мой приятель-писатель Женя Линов прислал мне в качестве личной «подколки» текст письма Бродского Косте 94-го года, где нобелеат шпыняет чумазого автора Лагуны за скабрзность словесных извержений.^{bxxx} Тут мне сразу вспоминаются духовные эмпиреи белоэмигрантской прессы, «облака в штанах», возящих мордой по столу плееев, как Бунин Маяковского. Аргумент Аргентум-века. История типична и циклична. А как бы посмотрел декадент в глазах столпов 19-го века Дм. Мережковский на хулигана Бродского!?. А я в юности пытался эпатировать Костю и Эрля как устаревших папиков авангарда. А ныне и

сам дедок из перекультурного гумуса. Я прекрасно понимаю чувства Иосифа и его логику, но все же солидаризируюсь здесь с тем, что написал Косте (14-ю годами ранее) Давид Дар. «Вы, – писал он, – как и все остальное стадо наших ленинградских гениев, так искренне верили в свою гениальность, так ощущали всем своим существом, всей своей кожей, всей своей чувственностью... что, конечно, я имел больше оснований верить Вам, чем тем приват-доцентам, вроде Владимира Орлова и Александра Дымшица, которые НИЧЕГО НЕ ЧУВСТВОВАЛИ, А ТОЛЬКО ЗНАЛИ ТО, ЧЕМУ ИХ НАУЧИЛИ В УНИВЕРСИТЕТЕ. Вот почему я убежден, что и Ваша самооценка, и Виктора Кривулина, и Олега Охупкина, и Иосифа Бродского и всех Лен Игнатовых, более соответствует какой-то высшей ИСТИНЕ, чем оценка профессоров и дегустаторов... Я понял, что Ваша художественно-экспозиционистская деятельность в Ленинграде, как и альманах «Голубая Лагуна» это совершенно... новый жанр поэтического творчества. Этот жанр еще не имеет названия, но он создан Вами и благодаря Вам существует и будет существовать в литературе. ...Без обнажения, без ЧРЕЗМЕРНОЙ откровенности, без этой противоестественной – с точки зрения инженера, зубного врача, профессора литературы и других парикмахеров – ПОТРЕБНОСТИ РАССКАЗАТЬ О СЕБЕ И О СВОЕМ ОТНОШЕНИИ К МИРУ то, что другие люди рассказать не решаются, искусства вообще не существует».^{lxxxii}

Ладно, проехали. Пошли грустить дальше...

А вот мал-мал и про «борисываныча»^{lxxxiii}... Я несколько жестковато отозвался о нем в нашей, совместной с Костей, статье по поводу издания энциклопедии «Самиздат» («Петля самиздата. Библиотриллер в письмах и документах» <http://www.netslova.ru/lapenkov/si.html>). Кузьминский, кстати, много жестче о нем отзывался, а я, тяготея к искомой объективности, отметил там же: «Энциклопедия, несмотря ни на что, все же уникальная вещь, а тот же Борис Иванович – это вам не мелкий гнус, вроде Г. Любомирова, а человек высокой культуры, организаторского таланта и значительного ума. (Ну не сверхчеловеческого, конечно: вознелюбить "весь круг Дара" просто физически неуместно...)).»

Это был весьма тонкий политик и не менее талантливый интриган, человек с биографией, хотя вести дела с ним вполне было можно. «Я – общественник!», заявил он мне с ленинско-толстовским прищуром. Так, он помог с материалами для моей статьи об андеграунде («Форматирование андеграунда». Звезда №1, 2002). Мы также поучаствовали в составлении второго и третьего тома «Коллекции петербургской прозы» 70-х–80-х гг. (изд. Ивана Лимбаха, 2003). Но особо расслабляться с ним не приходилось. Я, помимо печатанья покойных

Холоденко и Шигашова, настаивал на публикации Дара, тем более, что речь шла о до сих пор неизданном, ни здесь, ни в Израиле, рассказе из моего архива. Иванов тогда вполне откровенно выразил свое мнение: «Да он же *Чужой!*».^{lxxxiii} Вроде хищной пиявки на местном празднике виртуальной литжизни. Куратор проекта, Ирина Кравцова, поначалу согласилась с моими аргументами, но уже при следующей встрече я получил недвусмысленный отказ («Ну, это – другое») и сразу же понял, что чуть-чуть раньше меня здесь побывал г-н Иванов...

Борис Иванович и в гробу смотрелся по-генеральски. Не скажу, что высокомерно, но *оччень* достойно, с подчеркнутым видом многожды исполненного (едва ль не супружеского) долга перед Литературой. Впрочем, в жизни он выглядел еще интереснее. Мне рассказывал мой приятель-писатель, Толя Михайлов, как его принимали в конце 80-х в Клуб-81.^{lxxxiv} Рядком сидят важняки ареопага и закатывают дутые губы-недуры, принимая у Толяна вступительный литэкзамен. «А неподалеку какой-то пожилой, неряшливо одетый, дядечка все с венчиком и совком управлялся. Ну дворник и дворник. А как до решения дело дошло, он резко вдруг развернулся и завел совсем иного тона дискуссию. В раз я понял, кто тут на самом деле важняк!...».

Ах, андеграунд! Эдем антиподов. Царство тридевятых орфеев. Утерянный град... Вглядываясь ныне в прошедшее, вижу нашу вселенную: уже не в стадии расширения, с рваными черными дырами по

Б.Иванов-Б.Останин

краям... Но еще правит бал ареопаг «несдатского» королевства, чистит и ладит мёртвой водой да ночным светом расбросанные мёрзлые камни местный Плутон, складывая силой последнего логоса сакраментальное слово «вечность»...

И еще один был, последний, момент, когда мы с «борисыванычем»... нет, не столкнулись, а прошли по касательной. С моей личной, непростой, ситуацией он был связан лишь тем, что Иванов обещал меня (шире – нас всех) выручить и забрать раритетный машинописный сборник «Горожане», но своевременно не забрал, и я, поскольку счет уже шел на минуты, выкинул культур-раритет на помойку.^{lxxxv} А что делать (уж не буду о том, «кто

виноват»)?.. До «Горожан» ли (увесистом кирпиче, между прочим), когда борьба шла за сантиметры, за то, чтобы вместить библиотеку и полноценную фонотеку винила, которые собирал всю свою жизнь, из трехкомнатной в однокомнатную, причем, из собственной в чужую?!

Чтоб своими руками... на помойку... Рэя Чарлза, Дюка, Маклафлина?.. Когда б не был заблаговременно уже седовласым, то точно бы поседел^{lxxxvi}...

Литературоцентризм наш тогдашний это ситуация секты в мировой религии: битвы за тонкие материи, различия-нюансы в формах догматов (радения за филологическое «филиокве»). Пастернак или Мандельштам? Томас Манн супротив Германа Гессе. Гениальна, или же не очень, эта строка у Вагинова и Зданевича, Набокова и Бурлюка?.. Споры о долях процента, из которых, впрочем, вырастали целые пузыри личных эстетических вселенных... До драк обычно дело не доходило, но ревностное, а то и презрительное отношение к товарищу (и его персональному космосу) могло остаться на всю оставшуюся жизнь... Вот Эрль, к примеру. Он вообще относился к живым современникам как к собранию ряженных чмошников и детей лейтенанта Шмидта. Бывают на свете редкие формы нищезанства, включая такие, где ими вроде бы и не пахнет. Вырос из Хармса, ходил Гоголем, спотыкаясь «об Пушкина». Помню как он с горделивым пафосом хвастал, что отправил в игнор всех своих старинных друзей. Когда я рассказал об этом Боре Аксельроду (Констриктору), тишайшему интеллигенту и схимнику авангарда, тот за голову схватился: *Ну уж меня-то за что?..* Подпушу все-таки мал-мал объективизма (покойный заслужил): Эрль действительно-реально был фанатиком *Текста*, и вел себя соответственно (то бишь, вполне естественно), как армейский «дед» с «салабонами» (то бишь, неофитами). Ну вот сравните: вы что-то там читали, размороженное уже в наше время, из футуристов, обэриутов и прочих «крузенштернов»... и что-то там как-будто даже поняли (опаньки! отлично!)... ну, молодцы, садитесь – «пить»!. А Эрлюша, в юные свои года, прорвался к последним оставшимся титанам (то бишь, осколкам бывшего континента), Крученых и Якову Друскину, чтоб подержать в руках (дрожащих) рукописи (дражайшие) Хлебникова и Олейникова, Хармса и Введенского, правильно их отпечатать на пишущей машинке и распространить среди нас, новейших посвященных... Ого! Ау?! Угу.

А вот не побоюсь признаться честно: зауважал я Кончаловского Андрона за его публичный скепсис первоучителя-плэйбоя и горькие (как виски марки «Тичер») слова о родине слонов и пешек. Сын за отца не

отвечает, и не сторож он брату своему. Не всем, конечно же, приятно слышать, когда его ментальность обижают, но, что попишешь, то и пожнешь. Ментовской менталитет-то (от себя добавлю). Уркаганский. И аристократы все из них, родимых, как на Руси всегда и было – из грязи и праха.^{lxxxvii} Почвенники, ёпрст... И потому, когда народ их время от времени свергает, то ничего не меняется – естественный круговорот говна в природе. Или вот хоть Сан Саича возьми (хоть брось, хоть подними) – не читают уже его многотомные оупеи, как заметил Андрон Сергеич, ну так это ж понятно. А запрети его опять же (к этому делу вроде бы должно прийти, судя по нынешним трендам), тот же «Архипелаг», к примеру... А поскольку его все же проще можно достать-прочитать, чем в потемкинское время Бровеносца, ну и народ к нему тогда потянется (а может, просто потянётся)...

Да что нам Андроны в андроидный век? То ли дело Веллер и евоный социально-философский проспект! Очень доступно объясняет суть вопроса, как дошли мы до жизни такой, кто виноват и что делать. Прост как Ленин, Лимонов и Лаврентий (который Палыч). Интеллигенция, конечно, не любит его, в том числе за такую доступчивую простоту прямоты, буйную неполиткорректность и деловую конкретику: конфисковать, расстрелять, кого надо – повесить, и всем сестрам по ушам (в смысле – серьгам). Но сам, ведь, вешать (и тех и на тех) не будет, и законы менять и за справедливостью следить при конфискации. Но пишет все-таки от души, так, что и ёжику понятно, в том числе и то, в чем сам ёжик виноват, и почему так тяжело живется в русском лесу. Читаешь и кажется, что настолько уже все определено и ясно для дальнейшей работы, что неясно одно: почему еще ёжики не организовались толпой и не навели свой порядок в лесу. Но ёжик тоже хитёр. Не «веллер» он Веллеру. Да и другим ёжикам он не верит: столько раз уж его обманывали на веку всего ёжикиного рода, что он лучше клубочком свернется и за кустиком схоронится. Авось, пронесет, не затопчут... Увы, никто не поддержит прямодушно линейного Веллера. Злую шутку сыграли с ним разум и логика. Веллер *развенчивает* мифы, а не создает их. И в который уж раз радио «обосарацио», т.е. вылилось в интеллигентскую сказочку, пустую наррацию о подвигах энергоэволюционизма. Да, уже морально готовы идти с ним неподкупные робеспьеры и железные дровосеки, но никак не способны прорубить окно в Азиопу из своей параллельной вселенной...

Энергоэволюционизм, означающий систему максимизации процессов разного рода и свойства, немногим более исчерпывающ, чем былая гегелевская философия Духа, или ее дериваты, но зерно истины в нем имеется. В частности, можно с его помощью растолковать всю историю российской политики и нынешние настроения. «Мы самые крутые, мы не

твари дрожащие, а право имеем, всех нагнем, всем покажем никиткину мать!». Только откуда такая истерия, вот не очень понятно. Точнее, понятно вполне. Синдром нувориша. Стучит в сердце пеплом Клааса былой блеск Союза и его классовое влияние на миллионы полезных зарубежных «идиотов». При всех грехах, преступлениях и потемкинских деревнях, он мог демонстрировать свой театр достижений, не токмо балетно-ракетных, но и бравировать наличием бесплатных услуг и отсутствием олигархов и кровососов. А ныне, чем увлечем? Только тем, что наш пахан крутее ихних шестерок? Ибо всех нагибает и весь мир может враз обнулить к ядрёной маме? Как-то это не слишком комильфо для тех, кто неприучен длиной пера и хера меряться. Вот и нашим, родным, шестеркам это не до конца душу греет. Отсюда и вся истерика ненависти.^{lxxxviii}

Остается плакать и смириться? Чтоб я еще добавил к иеремиадам? А вот что: нельзя не думать о «белой обезьяне». Ну никак не получается. Это неизбежность – не по Вышинскому – сознания, и – не ругайтесь – доказанного жизнью бытия. Мартышка интересная, однако ж. Мужеложество, голимое (но непреодолимое): хошь – не хошь, и так и сяк... Куда не кинь, а всюду некий клин мерещится. Что тогда уж говорить про расслабленно-распущенную Гейропу-деградантку?.. Она хотя б расслабилась (и распустилась в сто цветов) и удовольствие свое имеет. Но вспомним (ли) бердяевское «бабье начало» в русской культуре/истории?.. А уж на что эстетством естества не богата пенитенциарная система, однако именно там первым делом и благоухала сия секс-миссия и, извиняюсь, схема... Где больше мужества, мачизма (можно через «о»), там и мужеложество. И не в бабах-герлах милое дело: их дело – десятое. Утверждение сильного за счет слабого (иногo) это не обязательно однополое – прости господи! – сношение, тут ширше-длинше надо понимать. Скрепней-духовней и историчнее к делу подходить. Превозмогание чужих и чуждых, утверждение маскулинной политики, имперскости императив... Идея во плоти. И, так сказать, борьба за нравы бедных-бледных россиян, благодаря которой ныне не осталось уже серого школьника не разбирающегося в радужных оттенках... Любая толерантно-либеральная козява, и – бякой буду – *антиинтеллигентность* навеки заподозрены в «бабьем начале». Но ведь и маскулинность самим своим верхним положением (над родовой схваткой) и антагонизмом (какие слова знаем!) неизбежно идет в тесной паре с «противным» противником. Не можно откромсать южный полюс у магнита, неистребим болезненный образ белой обезьяны. Чем сильнее гоним ее прочь, тем плотней и крепче скрепа. И поневоле некоторые гонители натурально сходят с ума (от счастья свободы мелко гадить); хотя, что воля, что неволя...

И еще пару слов хочца «про это», для уточнения научных распорядков.

Дух, как известно, дышит, где хочет И *как* хочет. Тут у нас с евро-западненцами разделение секс-миссии труда. Там – уже полный сексуальный коммунизм («по потребностям») под баннером политкорректности и баном за сексизм, то бишь эксплуатацию (Карлом Клары). Она (не Клара-дура, а умная соковыжималка), конечно, никуда не испарилась и не утонула как фаллический символ. А что с ней случилось? Она – утончилась. Потому как – Прогресс (гаджетом буду!). У нас же иная раскладушка диамата. Перверсивный, архаичный (в смысле – архипацанский) пидеразм (с приставкой «*анти*-роттердамский»). С фалломером и говномером: у кого понты и кучи круче, с бумажкою от партактива, что не пассив. Для чего с надрывной песней бешено вычищаем из матки-родины то, что постоянно ноет-гноит-болит – перверсивную жертву. Тот же коммунизм, но – как в первобытной общине, а также у гусей, пингвинов и рыбок. И фетишизм, и свободная любовь, и альфа-самец, и вечная женственность электората. Андрогинность власти и сласти...

Недостатки, как вам всем известно, это продолжение достоинств. Чем шире образованность интеллигенции, и, не дай бог, рефлексия, тем больше клонит к суровому глобализму обобщений и к суворовским стратагемам. А выигрывает-то всегда только тактика! Хлеб и нагрёб даждь нам днесь! Только хлебалово открывай. А что «завтра»? «Завтра» в тактическом плане тот же день, та же пища. А до стратегических побед и крушений поколение не дотянет, а следующее поколение уже не оценит. Так и живем.

Некогда Оскар Уайлд заметил, что *жизнь подражает искусству*.^{lxxxix} Так оно и было во времена более-менее тихие, когда буржуазное искусство утончалось в своих формах, но сегодня даже трудно сказать, чему может подражать жизнь. Взглянув окрест, понимаешь, что в некоторых моментах Дали и Кафка, Замятин и Шемакин культурно отдыхают и курят в холодке. Ранний Александр Зиновьев (в «Зияющих высотах») остроумно утрировал основы и приметы брежневской системы, но в наше время последние уже кажутся милыми завитушками на общем историческом фоне, не вызывающими ни ужаса, ни смеха.^{xc} Теперь сама жизнь ставит мордую в тупик Мордора мэтров гротеска и антиутопий. Последние стараются, конечно, по мере своих креативных сил, тужатся, бедняжки, замастырить зеркало дивной виртуальной вселенной... Но реальная жизнь (в лице несчетных «памфиловцев») не сдается: ведь за нею Москва! Наш родный трэш рулит «неподецки»: какому мистеру Уэлсу привидится конный Грозный с крестом и мечом в центре России!?. А из могильной мглы уже выступают Моторола в «бронике» и

Красное Солнышко, а по границам готовятся встать в караул истуканы Александра Невского в краповых беретах и в окружении окроплённых святой водой Искандеров...

Кажется в самом деле, что бригада литнегров, Пелевин-Сорокин-Хржановский-Серебряков-Богомолов, и примкнувший к ним Сурков, пишут один черновой чернушный сценарий для тоталитарной власти. А последняя не только учится формам ПМ («боевым химерам»), материализуя их, «по- белому», в политику и принуждение, но и пытается опережать теоретиков, отвечая на ироническую критику еще большим обнажением и острашением приема с одновременной его легитимацией. Тоже своего рода «утопия у власти». Если в начале новой эпохи китч и журналистика стали использовать авангардистские приемы, потом, в более широком плане, ПМ превратил модерн, китч и архаику в рядовых персонажей своего мифа, то наконец уже и власть восприняла это как метод и рабочую функцию. И в отличие от властей европейских, лишь на время возвышающихся над плебсом, вертикаль отечественной цивилизации – «грязь», забронзовевшая в «княжении» – бесконечно эволюционирует в репрессивной тенденции «очищения» и перемалывания своих корней. Элитариат потерял и цепи и берега, запретил запрещать производство запретов и мешать росту фрустраций. Победил (ликуй, шестидесятник!) практический гиперреализм воображения и требования невозможного. Это перепегуум мобиле Уробороса-Мёбиуса, высший (он же – низший) пилотаж в поисках последнего дна...

Пузырится крошечная бездна, разворачиваются суперструны нового беспорядка: покрыв восьмушку подотчетной палаты шестерок, плодоносные вирусы-мемы тшятся окормить уже весь земной шарик. И не без успеха.

А какие жирные тролли и гнусные гниды повылезли из каверн на вольные просторы интернета!.. Мораль обмаравши, изнасиловав гнозис, вывесив грязные труселя, измазюкав в педерастно-страстном дерьме всё мал-мал живое, (чтоб более не росло), сидят, сладко припердывая, и воскуряя фимиама-миазмы своим куриным богам и мозгам...^{хс1}

Наивные университетские умы в мягких тапках всё на излучение зомбоящика валят и пропагандонский, якобы, беспредел. Однако последний только вскрыл гнойничок, крышку сдвинул с вечно кипящей кастрюли. Завтра опять поменяется лозунг, и гнойник коростой покроется на какое-то время, а содержимое, суть нутряная, ничуть не изменится...

Собственно, в чем самый *оборзительный* парадокс современного мира? Когда кибермедиа, нано-кванто креатив и атомный шантаж-патронташ органично уживаются с этикой павианов и австралопитеков, в лучшем случае – готтентотов (надеюсь, они не обидятся). Одна лишь сакральность вождя над опупелыми и очучхевшими массами дорогого

стоит!.. Хотя всякий «орёл-наш-дон-ребя» играет в орлянку: как только массы увидят, что вождь перестал вызывать дождь и оплодотворять землю (множить промысловых животных), то тут же его и съедят, причастившись... Здесь, конечно, в дело вступают жрецы-политтехнологи, чтоб вовремя объяснить недород-недоед кознями внешних и внутренних злых колдунов. И так весь мир вертится! Туда-сюда-обратно, тебе и мне приятно.

И ведь что интересно: классика не умирает. Что может быть классичнее идеи «среднесытого класса»? Народ не должен быть ни чересчур голодным, ни слишком сытым – он начинает бунтовать. Другое дело, бесконечно хамская борьба за существование и хомо хомини люпус эст... А если еще понапустить над схваткой облака густопсовой паранойи, дабы спокойно обделывать свои финансовые и политические делишки...

Столь ли противоположно-контрарны видимая аура безумия и скрытная криптооснова властного бытия? Первая «всюдна», но маловразумительна, вторая – невидима, но угадываема и психологически понятна. В нашей реальности они прочно повязаны материально-духовными скрепами, растущими с двух сторон навстречу друг другу. Это – рынок репрессивных услуг. С одной стороны – всё сгущающийся дух агрессивной риторики и психомоторики, а с другой – умножающаяся база запретов, уголовных наказаний, рост цен и административных штрафов. Перверсивное самовозбуждение в условиях интеллектуальной прострации и духовной депривации...

Надзирать и наказывать под флагом заботы о людях это, конечно, наиболее выдающееся ноу-хау отечно-отеческого Постмодерна...

Однако, здравствуйте: если за людей, которые реально хотят изменить Систему, голосуют 2-3%, а в тоже время сама Система никого (99%) не радует, то не показатель ли это того, что страна под этой Системой уже почилла с миром?..

И еще немного о ПМ (Постмодерне). Грустные мыслишки, однако ж, возникают. Не об оном самоём, конечно, а о нас, неуёмно грешных. Похоже, по всем параметрам-периметрам, что живем мы в эру пика и расцвета ПМ (путинизм-димонизм как высшая стадия постмодернизма). Вышнего, намкрышнего. Не то, чтоб раньше ничего подобного не было: было-и-бывало, но – в частичном, *партикулярном*, варианте. Калигулы выгулы, нероновы херовины...^{xcii} Циклизм, понимаешь, загогулина, мем вашу за ногу!. Но *техно-* (блин!) *логически* вызревает уже совсем другая разница! Растём-с, течём-с, глобализуемся! И не отдаем себе отчета, что давно живем в мире ином, инаком.

Славное слово – «модерн»! Как же в те времена любили и боялись Слова!.. И *дел* наделано, безусловно, немерено (есть, что вспомнить!)...

Прошло. Да и «пост»-то уже одряхлел, едва винтовку держит. Умные люди замечают, что проблемс даже не в конкретных лидерах, политике или морали. Все это вполне изменимо. Но есть объективные тенденции-тренды, и если на них еще наложится полною грудой-горой какая-нибудь отвязная бляшка... то, ёкси-какси – упс! атае! апокалиписис!..

Вот Глеб Павловский (есть, на сегодня, такой политолог)^{xciii}, к примеру, отметил любопытную вещь, что при Сталине, несмотря на размах репрессий, тройки, шарашки и прочая с прочим, существовала, тем не менее, *идея* справедливости-и-законности. (Ой, сейчас меня распнут и отымеют интеллигентны-правдорубы!). Объясняю: бесспорно, утопии бесценно гнобят народы (и наоборот), и репрессии это «ужас-ужас-ужас», и за щепками леса не видно... Таки да, не учите меня аз буки веде. Речь об ином: были идеи, были очевидные (и не только блатные) понятия. Учение – свет, свобода лучше, чем несвобода и пр.пр.пр. (сами подставьте недостающие мемы и теги). И даже перевертыши типа «война это мир» есть лишь логические уловки ясного, остающегося в области формального права, сознания эпохи Модерна. Суть не в том, что идея это пиар-прокламация, которую используют тираны и лицемеры, а в том, что и официальная отмена ее тут бы ничего не дала. ПМ поступил по-другому: не отменил, а *перемешал* все понятия, сделал понятное, «сущностное», квантово неопределенным, «гибридным». Сегодня, здесь и сейчас, перед нами – «частица», а в иной (или тот же самый) момент – это «волна».^{xciv}

Павловский заметил, что законодательный вал бесконечных запретов, когда уже и на отдельный проступок может писаться закон (а нарушения оных просто физически не сможет отследить никакая полиция!), уничтожает легальность как таковую, предсказуемость формы и нормы. «Опасной для индивидуума станет... *норма*, а не поправление нормы. И вот мы в системе РФ», пишет он. М-да, система в форме хаоса и хаос в виде нормы это новое слово социального бытия. Нет, братцы-кролики, «закон джунглей» это наше светлое «вчера»...

Не будем к ночи о зомбиТВ, но Культуре тоже негоже здесь отставать! Как указывают Перри Андерсон и Фредрик Джеймисон, эпоха Модерна была замечательна тем, что культура отвечала буржуазной действительности производством разнообразных эстетических групп и течений, противопоставляя себя т.н. «миру чистогана». Напротив, сегодня, в эпоху ПМ, «гений и злодейство», искусство и рынок не просто «близнецы-братья», а представляют собой цельного (прицельнометаллического) андрогина. Ну, как Ленин и партия (хэд энд шолдерс, проктор энд гембл, путин и раша)...

Не могу удержаться от смеха, когда слышу разговоры о том, что заменит (или уже заменило) Постмодерн (можно – Постпостмодерн). При

экспансивной экстенсивности техномира (можно – наоборот), при виртуализации вещей и овеществлении идей, ПМ все более идентифицируется с глобализацией как таковой. Вот *если* (можно – ежели) последняя уйдет в Небытие, ну тогда... конечно, что уж тут ... А так...

Не побоюсь повториться: типологически эту ситуацию можно сравнить с тем же христианством. Нет ничего такого особого в христианстве, чего уже нельзя было бы отыскать в религии и философии Греции, Индии и Ближнего Востока. Ну, кроме самого христианства, как целостной системы. Также и в эпоху Модерна, и в более ранние эпохи (Рим, Эллинизм, Возрождение): все как будто уже было *в некоторой степени* (историки вам подкинут немало примеров о ПМ до ПМ), но – не до такой же степени!?. И ведь что любопытно: серийность и шаблонность нынешней техноэпохи нисколько не мешает (скорее, провоцирует) все большую атомизацию и поликультурность общества. А глобальность доступной информации порождает, в лучшем случае, узких профи, а в худшем – троллей и митрофанушек.^{xcv} При Модерне высокая культура и понимание мира могли вполне органично уместиться в объеме одной личности...

Сегодняшняя мода на ретро это ностальгия по комфортной и прозрачной вселенной, где критерии понятны, а граница между злом и добром вполне отчетлива. Пусть – миф, но что-то в нем несомненно теплилось, и нет мифа без (прометеева) огня.

Конечно, Совок не был таким уж вегетарианским, особенно в глубинке, но всеми силами старался сохранить привлекательную картинку на фасаде железного занавеса. А народ, осатаневший в равенстве культуры дефицита, возмечтал о свободном братстве, о том, что вот как скинем с плеч партократию с идеологической болванкой, так и запируем на просторе хрустального града... Вся власть советам умников!.. Ну и попиrowали, клюя по собственной печенке...

Что еще можно добавить? Существовала наивная, но глубокая вера в Прогресс/Просвещение и, тем самым, в Запад, как главную их опору и хранилище. Отсюда неизбежность колониализма и коминтерна, «бремя белых» и «время вперёд». Но прогресс-то научный тоже развивается, падла! И отрицает, гаденыш, по понятиям всех философских паханов, себя самоё. Теперь разнообразные ценности гнездятся повсюдно: и там, и сям, и везде, как в пантеизме. Нет, и больше не может быть, единого закона и универсального прессы для всех. Но и с волонтаризмом особо не забалуешь! Сегодня он играет джаз, а завтра, или, скажем, в десятых годах XXI-го, уже можно было спрогнозировать «цветных» террористов и пёстрое море хулиганов в самом сердце Европы...^{xcvi}

Что объединяет М и ПМ? Что движет миром и куёт войну? Логос, ядреный корень! Самовитое Слово – дао и дхарма причинного места и

следственных процессов, которое на всех языках-языках означает: «если..., то...». А то! А вы как хотели? Клетка, конечно, стала пошире, но и движение в ней побыстрее.

«Немного» о ПМ... это я поскромничал. Скромно не получается, поскольку ПМ и вверху над нами, и вокруг, и под столом, как черт из табакерки Достоевского. Впрочем, иные умники мне уже кричат, что забурел я от своей любимой метафоры: мол, человек не изменился, эксплуатация и ложь, зло, бабло и всякое мурло было всегда и пребудет до окончания рейха..., то бишь века, которое попробуй, подними!.. Учение Екклезиаста бессмертно, потому что оно верно. Мол, все говно, кроме мочи, и хули тут еще анализировать?!

Однако современная культурология... Скажу даже громче: *Современная Культурология* не совсем согласная с данным вашим постулатом! Есть, есть различия, и ничто хорошее (плохое) не приходит без своего плохого (хорошего). Только по-разному делится.

Модерн – эпоха аналогового мышления, пафосной борьбы с Природой, разрушительных скандалов и вечного ремонта. ПМ – цифровая эпоха, эпоха производства невероятного количества вещественного мусора и виртуального спама. Имитация природы, когда сыновья-инвенции за базар отцов не отвечают, а с рыночной быстротой и обязательностью обновлений сменяют поколения. И предполагать, что где-то там в глубинке аборигены смогли избежать прогресса, съевши Кука... наивная, скукоженная, мысль. Вот бабушка в русском селенье, вполне себе далекая от измов, но – деду – «позвоню тебе с лесу по мобиле»... Чтобы вы подумали, услышав такое выражение в годах 70-х?.. И что бы сказал «быстрый разумом Невтон», ушибленный сегодняшним Эпплом?!

Но таперича архаизмы рулят на харлеях! Их раньше бы в момент погасили в зародыше, но архаика растет как раз ПМ в ответку, хотя и встраивается в него органично.^{xcvii} Культ радио завершился признанием в беспомощности своих притязаний на осчастливливание человечества, и архаика «мухосранска» вновь выказала древнюю силу, хотя и была тут же довольно успешно приватизирована цифровыми технологиями.^{xcviii}

«Каличество» → «качество». Диалектика-ка-ка! Йокти в как! Yes – оккупей (КП)SS! Короче: все мы вышли из ленинско-дзержинской, без удержу державной (не ржите!), шинели. Историческая фраза Плешивца о *нехорошем* прошлом («по форме правильно, а по сути – издевательство») хорошо воплотилась в нашем сегодняшнем «плешевании». Всех неверных осудили по суду (по басманному «слову и делу»), и выборы прошли по правильной конституции. Но реально ведь правит не древнегреческий неумолимый рок, и не кафкианская неизбежность закона замшелого «Замка», а *живое творчество ныне правящих масс*. Здесь-и-

сейчас правильно *то*, а завтра, скажем, *это*. Тут и к обер-оперу не ходи. А «оборотни в микрофонах» вам всё доходчиво объяснят.

А с другой стороны, *гон-стоп империя* прибалтанных чекистов и чиновных грызунов может сколь угодно, под ароматы «арматты», махать державной пиписькой и мечтать о вечном рейхе тоталитаризма, но рай платоновских сущностей невозвратим, дрочи – не дрочи!.. С этой же стороны (т.е. с той же другой же) прогресс не пропешь! На кол уже не сажают на площади – заботливый гуманизм и законность слева направо и сверху донизу в защиту детей и всех малых сих, впавших в детство...

Заранее согласен с критикой своего понимания М и ПМ со стороны келейных «экклезиастов». Исторические циклы знали всё? Ну и сё? Талдычил, талдычу и буду талдычить, что «всё» было, частично, всегда. Нероновщина, эллинизм-иродизм, семейка Борджиа, Лойола с идиотским иезуитизмом, гейропейский Петрован, да разные «басманизмы» и декадансы прошлых лет и зим. Простейшие степени духовного опьянения. А есть ведь еще и скучно-грустная *статистика* перехода первого («кала») во второе («каку»). Дорулилась родимая диалектика...

«Союз нерушимый» обрушился не по причине своей злобной имперскости, а из-за школярского идеализма-формализма, лицемерия и сенильного ханжества. «Секса» у них не было, понимаешь!.. Зато нынешняя наша «коза-каморра» трахает во имя Св. Харассмента все, что движется, совершенно открыто. Комчванство и ханжество не проханже! И в этом мясомолочном аспекте мы сильно обогнали Америку с ейными кисельными берегами и берегами толерантности. Последние события показали это очень наглядно.

ПМ нам не с Марса свалился (уж не беру «Нибиру». Б-рр!): пресловутая толерантность/политкорректность, родом из идеального современного детства, *естественным* эволюционным путем докатилась «до мышей» и абсурда.^{xcix} Как же не восхититься объективной «красотой игры» в реал-политик, когда наш бессменный лидер-джазбендер демонстрирует полное превосходство в эффективном менеджменте автократии над демократией!?.^c Пацан сказал – пацан сделал; и «лепенизированная» часть западенцев и «берлусконианцев», замученная тяжелой ноской и таской вериг «комильфоидности», это, уже не скрываясь, приветствует. И какая здесь вдруг возникает «окейная» параллель по историческому меридиану! Некогда, в червовую эпоху пика Модерна, все «прогрессивные силы», боровшиеся на загнивающем Западе с эксплуатацией гоמוю хомы (хомоэксплуализмом), со светлую завистью следили за свежими ветрами и «светом с Востока» и за достижениями *человека труда*... Эх, мать-етить-колотить!.. Ну, а ныне? А ныне оные поиному заныли. Теперь, когда западенцы вплотную столкнулись с

партизанской инвазией нового коминтерна арабо-русского мира, они, постонав, стали с большей заботой лелеять свой сакраментальный «закат»...^{ci}

Чем круче технологии, тем больше возможностей и для внутренней прессухи и для заявки на общий трындец. Тут давеча наш главный Кирюша гундел и печалился об инете и гаджетах, как предвестниках Антихриста. (Ему ль, блин, не знать, что настоящий «антихрист» не играет в открытую, часов не наблюдая, а прячется всегда за фигурой Христа!). Но ведь еще здесь важнее кибер-калибры, авангард-гиперзвуки и суперпересветы, раскосые сарматы-посейдоны с ядрёными булавами и кинжалами в цирконовых зубах. Т.е. архаические апокалиптические кони вновь скачут и рулят как при царе Ироде (и иванвасильиче), и «кони отбросить» (в физическом смысле) ныне много проще, и персонально и в мировом масштабе. На этом фоне особо интересно наблюдать возрождение феодальных скреп и всяческой опричнины у нас, и звоночки тысячи и одной хрустальной ночи на Западе от взбесившихся ассасинских фантомасов.

Из т.н. исторических законов железно работает только один: принцип снежного кома. Если понеслась нелёгкая во все тяжкие – запреты, санкции, раскол, гибридные войнушки – то уж остановка будет только по причине полной капец-коммуны, иссяк-усекновения и всяческой энтропии субъект-объектной материи.^{cii}

Что до изжеванного как бы вопроса о роли личности в истории (похоронная команда Толстого супротив dreamteam Карлейля, ежели кто помнит о чем речь), то – увы из Тувы – даже малая (но ядрёная!) вошка во власти чисто конкретно (то бишь грязно-технически) запросто может объектив эволюции повернуть обратно в идейную душу, не оставив материи и шанса на материнство, кроме виртуального рая.^{ciii} Под заплаченный плач профессиональных кликуш и на радость всем маньякам и зомби...

А мы-то, дуремары логоцентричные, всё о логосе своем, традиционно новаторском, скорбим и печёмся. Воипостазировали-воипостазировали, да не вывоипостазировали...

Ну дался же мне этот старообращенный Павловский, чтоб ему неладно!.. Однако не могу избавиться от мысли, что он первый указал на один из главных принципов функционирования теперешней российской власти. Что было, в общем, и нетрудно, поскольку сам он поучаствовал в процессе. Концепт весьма простой, но и столь же убийственный. Секрет полишенеля всем известен, но для того, чтобы воплотить его глобально, нужно перейти через некую планку и выдавить из себя *рабскую химеру совести*, или того, что от нее осталось.

Как, в принципе, функционирует *обычная* власть и *обычное* общество (независимо от режима, форм собственности и социальных отношений)? Она (они) *реагирует* на текущее положение, на состояние дел на планете, на все то новое (от изменения цен и индексов до войн, революций и эпидемий), что происходит в стране и мире. Т.е. *бытие* определяет сознание власти. А что придумали у нас? Вернее, что власть делает, возведя этот принцип (известный издревле) в систему? В России власть *просто создает повестку*. Из ничего (можно с большой буквы N), или, что то же – из внутренней потребности. Она играет «белыми», вынуждая и свое собственное общество и весь подлунный мир *реагировать*. И весь мир, и народ, и т.н. оппозиция целиком и полностью занимаются поисками адекватных ситуации ответов. У мира – *ре-акция*, у росвласти – *акция*. Мне скажут: но ведь акции (от шока к шоу и обратно) подчас и во многом идиотичны, халтурны, нелепы, вредны государству и людям... они же явно *невыгодны* для самой власти!.. А вот это уже неизбежные, но по большей части элиминируемые погрешности, необходимая плата, налог на доход, для сильного вполне посильный. Те, у кого власть, защита и ресурсы, гораздо легче переживут болезненные последствия своих новаций, нежели все остальные, и подлатают возникшие прорехи за счет населения. А если последствия будут чересчур тяжелыми, то просто предложат другую новацию и повестка опять сменится, а диссида и население вновь станут ломать головы над очередной методикой выживания.

Такой тактикой пользовались некоторые древние императоры и полководцы, революционеры и диктаторы, Ленин, Сталин и Гитлер. Только все они действовали интуитивно, а нынешняя росвласть сделала это своей стратегией.^{сiv} Поэтому, когда мы удивляемся идиотизму очередного закона или любого иного поступка верхов, следует тут же задуматься и о собственном идиотизме. И в целом это выглядит вполне даже патриотично и в хорошем смысле амбициозно. Мы вместе со всей земщиной пойдем в атаку, ну разве что с отличием в аммуниции: вы – налегке, а мы – в броневики. И при ответке ситуация тоже различная: вы – с квасом, а мы – с газом (природным, для внешнего валютного рынка, и слезоточивым, для местного бесплатного применения).^{сv}

Почему рухнул Союз? Поначалу он выжил за счет молодой агрессии и идейной харизмы. Потом, «устаканившись», перешел к паритету, и, наконец, к старчеству уже только реагировал на вызовы меняющегося мира. А когда к власти пришел «энтузиаст», империя схлопнулась. «Энтузиаст» мечтал обновиться через возвращение к «ленинизму», но понимая его в духе романтической лозунговости партийных учебников, написанных старыми пердунами и обрюзгшими циниками. Результат не заставил себя долго ждать. А после периода вынужденных пертурбаций власть уцепилась за новую (исторически древнюю, но довольно

надежную) парадигму. «Эпоха перемен», в которой можно править, ничего не меняя по сути, в вечном беге впереди паровоза (даже без всяких ссылок на остановку в какой-нибудь идеологически уютной коммуне).

Вечно, конечно же, не получится. История, или Бог, или же Космический Перводвигатель, единственный, кто играет вдолгую. Динозавры миллионы лет верховодили на планете. А где они ныне? В лучшем случае – переквалифицировались в крокодилов, а в худшем – в куриц-несушек.

Пребывание близ кашеевой власти все ж искажает перспективу. Павловский, на мой взгляд, ошибается, когда определяет россистему как «вёрткую», «юркую» и «везучую», видя в том ее главное свойство. Яйцом к яйцу лица не увидеть! Отнюдь, Глеб Олегыч! Система вполне себе неуклюжая и тяжеловесная, неспособная на что-то глобально-эпохальное, кроме перемены повестки да пиара самой себя как «вёрткой» в реальности. На этот счет иронизировал еще великий Франсиско Кеведо в период испанского барокко. В одной из своих сатир он задал элементарный, но жгуче важный вопрос: Как заставить толпу людей идти за собой? И ответил на это также легко: Нужно просто все время идти перед нею... Я бы здесь еще добавил: можно на спину повесить плакат с надписью «Вожатый». А тех, кто в правдивость названия не поверил, могут передавить те, кто поверил. Таких хватало во все времена, и можно даже не оборачиваться...

Ничто не вечно, кроме дурной бесконечности: цикла русской истории, от беспредела тоталитаризма к беспределу анархии и обратно. Вопрос вопросов: ужасный конец или ужас без конца? С одной стороны – реальный «Скотский хутор», с другой – мем о прекрасном новом мире виртуальной России будущего. Есть ли что-то, что может объединить небо и землю, мечту и реальность? Конечно. Во-первых, «ядерный пепел» давно уж стучится в наши сердца. А во-вторых, всегда над схваткою реклама и пиар: мужская дрель-шуруповерт и нежные женские прокладки. Чума на оба ваши домостроя. Любовь побеждает смерть (диалектичненько отметим симметричность этой фразы). А просуществует ли РФаш до энного года или перемелется в фарш?..

Нынешние времена (моровые двадцатые) привычно амортизируют трагедию фарсом. Вот и я не удержался от зубоскальства в Фейсбуке.

«Скрепных коней на переправке не меняют!

Я яростно лайкаю мнению д-ра *Кащенко* (См. на ютубе «То, что доктор прописал», 31.06.2020):

Наш ответ в играющий ящик зомби-чемберлену. На безбрежное бездорожье ответим автопробегом по теории заговора!

Это все придумал Ротшильд в 18-м году. Он купил всех, от мала до велика, золотым дождем и запугал радужными перспективами (насилия над детьми общака лейтенанта Шмидта). Защитим подсолнечного короля и его жену, прекрасную Конституцию Бонасьельцина! Задумайтесь над этим! А еще задумайтесь над тем, что когда в силу бессилия эволюции страна обезбашенно обезлидерет, то ей подымут вековые вежды и воскликнут: "Не **постоянная** она, не легитимная!" Всеми травимая, прекрасная К. так и недождалась своего принципиально *перекрасного* Де Артаморта под алыми парусами цвета пионерского галстука. И начнется Раздрай и Разбой, Разброд и Развод, Развал и Навал... И тогда нас могут взять голыми руками в ежовых рукавицах за мерси боку!».

«Забрало *запутело*, бредоло забурело, болтало задолбало. Постмодернизм со своей гибридной диалектикой уж больно утомителен, хочется чего-то простого-ясного и черно-белого как мычание в Год Быка. Типа: с кем вы, мастера культуры и политуры?..

А вопреки строгой науке в целом и Екатерине Шульман в частности, в голове скрипят и крутятся пожилые теории цикличности, и рука сама тянется к книжной полке за примерами: от Светония до Иосифа Флавия, и от Моммзена до Барта Эрмана...».

«А вот по-чесноку, мне нравится эта железная логика, простая и надежная как советский пятак!.. Что я, дурак что ли, чтобы признать то, что столько лет был дурак?.. У меня, между прочим, и диплом и машина хорошая, и дети уже ходят на самбо, мечтаю стать такими же крутыми как полковник Захарченко, только еще умней и удачливей. Пусть у дяди Пети тити-мити на Таити, нас и здесь неплохо кормят. А поднакоплю – и на Кипре куплю. А приятель мой, Василий, так он в айти-технологиях шарит не меньше наших Гордона и Соловьева и ваших Гордона и Соловья! Так он тоже также считает: а какие ваши доказательства, что мы по природе лошады?.. Гораздо почетней и проще поверить в сложный заговор мирового правительства, рептилоидов и жидомасонов, которые пытаются промыть нам мозги своим интернетом и поменять родные чипы на соровские от Гейтса и Байдена. Они изощренно, но тщательно пытаются отнять у сечиных наши недра, чтобы снова здесь замутить гей-парады и поураганить с малолетками... А то, что за критику плохих бояр посадить теперь могут, так с нами по-другому и нельзя»...

«Заголовок: Опровержение апокрифов, или Коротко о Главном.

Эпиграф: Покой нам только снится!

Основной текст: Намедни наблюдал я за изречением мысли Гаранта против Фигуранта; мол, истина в вине последнего. Так и ладушки, удивительно другое: непривычно яркая, демонстративная, *жестикауляция*

Первого... Покуда не допёр (но ведь допёр же!), что медиа есть месседж! То есть *сигналы* в сторону Валерия Дмитриевича Соловья, всех его слушателей и легковых адептов!.. [Как тебе такое, Илон Маск (то бишь, профессор Соловей)?!..]».

...Однако если сравнивать крепость челюстей и зубов власти старой, советской, дряхлеющей, и новой, то сравнение будет явно в пользу последней. Так, за все время своей гражданской жизни при Советах, я ухитрился не проголосовать ни разу, в течение дня «Г» просто гуляя на лоне природы. Позднее я дважды сознательно исполнил долг «ситойена», опустив свои бюллетени за Марину Салье и за Юрия Болдырева, тогда еще не до конца поправившего. На следующем политическом круге мне удалось откосить, несмотря на откровенно бандитские угрозы, сославшись на то, что «я один на смене» и не захватил с собой, якобы, паспорт. А вот в нынешнем тысячелетии на дворе уже и сам, одряхлевши морально, не сдюжил. Хозяин, у которого я трудился по договору (и кто мог уволить меня за минуту), в соответствии с указаниями городского начальства, потребовал от меня принести открепительный талон. С их стороны это было вполне себе ноу-хау: мало ли как проголосует представитель электората. Закусив губу, я не смог отказать и ответил лишь символическим образом: оторвав у талона угол, я сутки вымачивал сам талон в ванночке с кошачьей мочой. Мелкая мстя маленького человека. Но зато убедился, насколько основательней стали деяния власти: талон хоть и сморщился, но с честью выдержал испытание, и даже ни одной буковки на нем не расплылось. «А чё это он у тебя такой рванный и скукоженный?» – недовольно проворчал хозяин. «Да вот, в гости друзья приходили с собакой, – отвечал я. – Она вдруг как выхватит... Еле успел отнять». Ну он и взял какой есть.

Я, в общем, не слишком долго думал над ответом, поскольку имел уже подобный опыт в реале. Некогда, на устроенной мною тусовке в честь юбилея покойного Дара, собака хозяев квартиры выхватила и сожрала лучшее из писем Дара ко мне, которое я едва успел прочесть, собравшимся там же, поэту Васе Филиппову, Леше Шельваху (ученику Сосноры), и всем известному доктору, Льву Щеглову... О том, что было со мной позже, я умолчу.

Да что мы всё только о своих, да своих заморочках! Можно ведь и Западу, коллективному, посочувствовать. В последние годы он превратился в огромную многоязычную *Зону*, наподобие нашей тюремной, с ее важнейшими внутризонными «распнятками». И главная здесь понятийная тема это то, что китайские мудрецы когда-то называли «исправление имен», греки – «диалектика логоса», у нас, в староцарские времена – «слово и дело», а в новейшие – «фильтрование базара». Люди

как люди, но языковой вопрос испортил их. И саму жизнь западной зоны. Теперь бедолагам нужно мучительно думать над каждым сказанным словом, чтоб не было мучительно больно и обидно никому вокруг. Тот, кто сталкивался с подобной проблемой у нас, знает, насколько это трудно, а иногда и просто невыполнимо, как бы не был твой личный прикосновенный запас велик и могуч. К чему-нибудь да придерутся, и мало не покажется, три шкуры сдерут блатные филологи и все равно в долгу останешься по гроб жизни. Правда, вертухаев у них настоящих не особенно много, а те, что есть, в общем не особо садические. Уж ежели навредят сверх меры, то потом на коленях прощения просить будут. Так что там, на Западе, уже почти коммунизм – от каждого по языковым способностям, и каждому – если что – по хлебалу. А в авторитете у них та самая, знаменитая среди публичных публицистов и пулитцеров, чернокожая лесбиянка, больная спидом на всю голову. Она по-черному матерится, как истинная мазерфакер, и вечно под кайфом, тем более, что все поочередно ее вылизывают до одури. Однако дурь дурью, но фишку афроамериканка вполне просекает, и авторов таких мемуарных факингов на международный язык уже не переводят за их нетолерантный *шит...*^{cvi}

В связи с передачей цифровым технологиям значительной доли интеллектуальных операций и памяти, человечество столь же значительно и неизбежно глупеет. Казалось бы, освобождается время для чистого креатива, ан нет! Мозги отвыкают трудиться. Ну разве что в области агрессивного идиотизма эволюция происходит. Но и здесь заковыка. Еще вчера-позавчера мы были впереди планеты всей (одни лишь депутат-новации о книжках для взрослых, о радужном цвете, запрете кальянов в коммуналках и оскорблении полицейских фуражек чего стоят!), но все-таки Гран-при на наших глазах переносится за океан. Понимаю, как нашим элиткам обидно: опять придется обезьянничать и перековеркивать (т.е. делать кавер циркового ковра) дядю Сэма.^{cvi}

Исходя от глобалки к локалке, можно (а кто запретит?) вспомнить литературную ситуёвину. Почему б не поэтов? Почему бы не питерских? Пуркуа па (кордебалетных и примусных, никем не починенных)?

Вот давеча (осень 2018-го) побывал я на вечере памяти Кривулина и Кузьминского в библиотеке имени Маяковского, что на Фонтанке. В самом маленьком зальчике-маргинальчике, и то целиком не заполненном. Присутствовало в основном весьма ветхое поколение («сухофрукты», как назвал ведущих вечера, Буковскую и Мишина, их внуков), где самому молодому пииту было с лишком за тридцать. А что за стишата ими читались!?.^{cvi} Приснопамятные волхвы-волкодавы ушедшего

андеграунда удавились бы от тоски. Без притока свежей кровушки неизбежно измельчание-вырождение, а она давно уж перетекла в долины силиконовые.

Это совсем не похоже на 60-е, когда и физики в законе и лирики в авторитете. Слово перестало быть самовитым, а стало лишь составной частью общего мультимедизма. Не пугая высокого начальства и не радуя сермяжных образованцев.

А ведь вилось и наливалось когда-то, и били копытами по бездорожью рысаки-иноходцы.

В скобочках: я все ссылаюсь на каких-то там поэтов-пиитокантропов, которых и при жизни-то мало кто знал, а уж ныне... в век ютуба... Нет, конечно, кто-то кого-то и сегодня вспомнит: мол, как же не знать?.. Поэт Эдикт Бутерброцкий-Несолжитель, автор *нобелеадской* поэмы «Петушки Гулага»!.. Но ссылка не тюрьма, а напоминая о былой, доцифровой, свободе духа...

Дмитрий Бобышев, «граф Шампанский», «барон Урбанский», весьма, на мой взгляд, тонкий стилист и глубокий метафизик, сидя в далеком Шампейне, не потерял еще боевого задора и по-прежнему грозит «отсель» литературной указкой пресловутому шведу-нобелеату, своему вечному сопернику, Осе-Жозефу. Не накидывая на себя третейской мантии, все же отмечу, что при всей глубокой утонченности ДВБ-у в борьбе батырско-«баратынской» не хватило эффектных игровых приемов и спасительного чувства иронии, некоторого *вальяжно-нахрапистого пушкинианства*, в сравнении с гораздо более универсальным ИАБ-м.^{с1х}

Перейдя от языкового фехтования и дуэльно-динамитной темы к одинокому черному всаднику, Виктору Сосноре, можно, мне кажется, смело употребить термин «гений» в самом тяжеловесном, кондово-старинном и околхлебниковском значении. Здесь мы видим горный поток, смывающий собой и привычный пейзаж и человеческое жильё... Гипербола и метафора? Конечно – и это всё о нём. Читали ли вы толстый «талмуд», тайные записки Вячеслава Овсянникова, «Прогулки с Соснорой»? Уже и не важно. Но столь ли он одинок в своем странствовании? Да нет: гениев можно немало намыть в мутной петербургской водичке. Хоть целых, хоть половинчатых, хоть осьмушкоподобных. Одна только Леночка Шварц, *нежданная* «блудница-монахиня», стоит паки-паки многих иных. А несхожий ни с кем архаист-новатор, Сергей Стратановский? А Александр Кондратов? А полубезумный Миронов, то ж Александр, и, безумный вполне официально, Вася Филиппов?.. А за ними уже гремит мозговыми костями легион подпольной империи, андердог-андеграунд...

Нет, в смысле – да. Не накормить горсткой символических премий наш город-ворог и гордый варягский народ!..

Или вот – теней усопших хоровод-мельтешенье, пляска посмертных граффити на стене литературного Шеола-Аида.

Друг юных дней Горбовского и Сосноры, **Слава (Соломон) Гозиас**,

осевший (и почивший) в Техасе: десятки тысяч стихо-творных строф, два десятка повестей и романов, воспоминания, саркастически едкие, о писателях-современниках. Где это? Кому? Для чего? Кто тот искомый критик, совиный соглядатай русской ночи, скрипто-терпец и криптогенетик, у которого спасется и самый малый зарытый талант?

Доказывать оригинальность произведений, скажем, Гран-Бориса (Кудрякова) или Аркадия Бартова (Шейнבלата), при всей их вынужденной элитарности, значит ломиться в открытую дверь. Но вот совсем другая история с творчеством того же Гозиаса, или Юрия Шигашова (тоже, кстати, давнего приятеля Сосноры, Горбовского, Довлатова и Кузьминского). Тут все не просто. Креативный напор гозиасских писаний столь же очевиден как и то, что автор не справляется (и демонстративно, подлец, не желает справляться!) с бурным потоком сознания, поэтому искать у него «чеканные» формы и многоумную рефлексию дело гиблое-зяблое. Разматывается бесконечный клубок паремийно-речевой бечевы с редкими узелками для памяти; своего рода тот же Соснора, но без видения берегов и без лоцмана-«лотмана» (или, хотя б, «топорова» в башке)^{ex}.

В предисловии к сборнику его стихов я писал: «Поэта далеко заводит речь по путям расходящихся словесных тропок (равно и «тропов»). Иногда так далеко, что устаешь за ним следовать:

«тянет слово за собой
упираюсь а напрасно
тут в поэзии изгой
поднимается на праздник...»

Если современный поэт, избавляясь от архаичной песенности, все чаще говорит специфической прозой, усложняя и уплотняя смысловую суть, то Гозиас, напротив, остается в традиции рифмованной прозы, раешника, частушки и прибаутки, зонга и шванка, некой «сермяжной» песенной речи, временами напоминающей средневековый фольклорный роман, а временами переходящей в иеремиаду и ветхозаветный плач. Но российские корни и послевоенный опыт «юродивого» бытия неизменно

превалируют над чисто литературным опытом. Всем известны «шестидесятники», но Гоziаса... и круг его друзей правильно было бы назвать «пятидесятниками», а сами себя они называли представителями *уличной* литературы... А также «сиротами», «выблюдками», «бутылянами» [в пандан «будетлянам»] и «скоморохами» («Третьякн Скоморохов» – один из его псевдонимов).^{cx1} И пускай заоблачная профессура безглаголиво морщит свои носопырки.

С Шигашовым ситуация еще более грустная, о чем я писал уже ранее. Три малых рассказика в давно забытых сборниках прозы – это все, что

осталось от автора, о котором отзывались как о новом Достоевском, а Давид Дар (я – свидетель) даже заплакал на чтении рукописного романа «Остров». А в итоге рукописи догнали в семейном архиве его вполне таки путёвого сына, если еще не выкинуты на помойку.^{cxii}

А вот к известной байке Довлатова о споре Горбовского с Шигашовым, кто из них более безумен, можно добавить яркую иллюстрацию. Когда в 1970 году Дар, Панова и Лиля Брик приехали на похороны Эльзы Триоле, они привезли Луи Арагону рукопись Шигашова (вероятно в переводе своей хорошей знакомой, Эльги Львовны Линецкой, переводившей Арагона). Арагон был поражен: «Да это же второй Достоевский! Мы обязательно будем выдвигать его на Нобелевскую премию!...». Ну как же! Еще чего! Как рассказал мне наш общий приятель, поэт Володя Беспалько,^{cxiii} Шигашов стал буянить: «Я *русский* писатель! Не нужно мне ихних нобелей-шнобелей!». М-да, Горбовский мог потереться своей жалкой справкой о сумасшествии. Однако, я припоминаю, что Юра как-то успел похвастать, что ожидает шведскую премию, только боится, что с ним поступят хуже, чем с Пастернаком. «Да решишь ты всё!», подумалось мне тогда.

Однако меж «потреблятской» помойкой и нобелевским синдромом можно отыскать и другие, приватные, заповедные зоны-зоны, райские кущи и муравчатые острова. Сакраментальная гениальность и общественные вышки успеха меркнут перед редкой в нашей культуре удачей индивидуального статуса автора, хотя (по всей вероятности) и покончившего с собой, но оставившего след счастливой гармонии. Нужно

ли называть его имя? Вы угадали: ну, конечно же – ессе homo! – пресловутый Леонид Аронзон! Поэт-демиург, безвременно находящийся по ту сторону привычной нам гениальности, в своем персональном Эдеме, сам себе Будда, Кун-цзы и Хуй-нэн. И к этому мне уже нечего добавить.

Здесь меня, впрочем, легко упрекнуть, пнуть, поймать и поймать за словесное ретивое: мол, после нас только мертвое поле, не боле; выжженный морок и вавилонский бардак, а Логос повесился с горя на русской осине. Ан нет, господа сухофрукты! Всех не перевешаете! (Это как бы *я-мы* в пародии как бы *их-нас*, и как бы в обратку)... Да, заплутал в рефлексии (возраст, чего уж там говорить!). Короче, имеется мнение, что *всё далеко не так плохо, как нам бы с вами хотелось!*

Даю сразу пример. На очередном награждении премией Андрея Белого в номинациях выступали молодые лауреаты университетского облика и несли в массы свой актуально-активный литературный просвет. А вы говорите – «мертвое море» и «выморочный полигон»! Поздравляем, соврамши! (Это я снова как бы шуткую).

«Что-то я ни единого слова не понял», – шепнул мне на ушко сидевший рядом Сергей Стратановский. И это, между тем, заявил человек, слушавший лекции самого Владимира Проппа, и, одновременно, любимый ученик-соучастник поэтических семинаров профессора Дмитрия Максимова, который в оное время беседовал с живым Бельм-Бугаевым и отрыл, сохранив для потомков, архив Иванова-Разумника.^{схiv} Ну просто *Уупнс!* (как иронично выражаются на своем жаргоне упавшие интернет-браузеры).

Но *я-то*, в отличие от мэтра, прекрасно все понял! Т.е. понял как раз *каждое* «единое» слово и всю эту конкурентную терминологию, но тоже вот не обьял смысла общего их сочетания. Хотя нутряным, тринадцатым, чувством врожденного лузера смутно догадывался, что новые фрукты из высокосортных семей, получив доброкачественное образование, удобряют теперь под себя фирменной «дерридой» отечественную поляну. И уверены, что это *трендово!*

В перерыве я подошел к одному из лауреатов (А. Конакову) и с интонацией старой провинциальной училки, но с апломбом гед редактора *Звезды Знамени Октября*, сказал: «А я вот не дал бы вам премии. Похоже, что вы в своем, весьма спорном, предисловии к книге Кудрякова совершенно не учли то, что ранее о нем писали Драгомощенко, Берг и Вальран. Не говоря уж о прочих кудряковских товарищах». «А зачем мне? – пожал плечами лауреат. – Мне неинтересны чужие мнения. Я пишу так, как мне хочется. Я так вижу». «Ты не прав, Володя, – пожурил меня позже Боря Останин. – Это новое поколение. У них на все свой взгляд. Ты и сам когда-то таким был...».

Что до премий, то будь у меня такая возможность, я бы учредил премию «Литературный власовец» трех степеней. Третья степень: в награду – банка варенья (яблочного) и пачка печенья («мадлен»), вторая – к этому еще доллар, счёт за гамбургер и шкалик «Белая лошадь», и первая – восковая фигурка богатыря в очёчках, с фитилем в заднице, на плечах вырезаны генеральские погоны; в правой руке – триколов, а левая выжимает штангу (о надписи можно подумать еще на досуге^{cxv}).

Пожалуй, лапенковастенко получилось. Даже чересчур. И, конечно же, «Белого» мне самому не пить, не видеть, не вкушать. На чьих-то очередных поминках (а это теперь довольно регулярный повод для встреч) Борис заявил, что я никто иной как аутист-эгоист и либеральный космополит наподобие известных либеральных евреев русской культуры... На кого-то другого я б не обиделся, но Боря все-таки фигура тяжеловесная во всех отношениях. (Т-щ Останин, вы большой ученый, во всех науках вы познали talk...). Автор бесчисленного количества словесных кунштюков-апофтегм и метаплазм-метабо-

философских фиоритур, речений и парадоксов. *Уже*, по собственному признанию, *уставший* от герменевтики. От Хайдеггера ушел, от Гадамера ушел, а уж от тебя, Деррида, и пода... В общем, замучен духовным нарзаном.^{cxvi}

Однако, позвольте! Про «аутиста» – чушь несусветная в адрес любопытна и экстраверта. Даже обсуждать не хочу. Придумайте новый термин какой-нибудь.^{cxvii} «Эгоист»? Да кто ж спорит? Но в сравнении с типичным поэтом-лиролюбом, от Сосноры/Кушнера до Лены Шварц/Васи Филиппова (не говоря уже о всяких-прочих, счету не поддающихся), ну так себе эгоист-аутист... Это ж какие небоскребы, а я махонький такой, гули-гули, никак не выделяюсь из строя... ну разве что в микроскоп... Вот с либеразмом... тут действительно пойман с поличным на месте преступления, не отрекаюсь. Напротив, немножко даже горжусь (ну, тихонько так, не бия себя в перси). Про жидовство тоже не принимаю: чай моя-то игрек-хромосома вашинские еще погоняла бы по арийской гаплогруппе ссаными тряпками. О чем герменевту прямо и заявил. Но позабыл, что дело имею не с каким-то там университетским выкормышем или юзером Википедии... «А это уже и не важно, – со

снисходительной улыбкой ответил мне мэтр, – главное то, что пусть сам не еврей, но извилист и скользок, и *держись за еврейскую фалду...*^{cxviii} И оп-па, сразу представилась мне картина Шагала. Уел на уйму у.е., и нечего возразить. Летать-то летаем, фанерой над гнездом кукушки, но низёхонько-низёхонько, и ни пером, ни фалдой за флажки...

Биографию уже не поправишь: Дар, Гор, Паперно, гальперины-штеренберги-шейнблаты, бибиаста, да эхи свободы, все и всяческие леви-страсы в аналогичном переводе... А разве были варианты? Младой, кроме гонора и рок-н-ролла ничем не наполненной, душе-«табула раса» было ли на что опереться? Вокруг сплошное жлобство тонуло в фарисействе, а с ними (теми-этими) было жуть как *интересно*, и жизнь приобретала хоть какой-то сестринский смысл.

Вот еще в пандан о комиссарах в подпольных шлемах: Витя Кривулин был *медианой*, наиболее, наверное, полезной для питерской культуры. Если на левом фланге, Дара и ККК – любо/нелюбо, фейерверки эмоций, анархо-революционный театр, то на правом – департамент часовщиков-тамплиеров с табелью о рангах, квотами действительно тайных советников и политикой кнута/пряника.^{cxix} Кривулин был более скептичен и объективен (наряду с Кириллом Бутыриным, о ком см. ниже), чем левые, но и более открыт всему живому и неформальному, чем идеологическое политбюро Борисиваныча...

Останин и Драгомощенко

Тут, в связи с возникшей полемикой в Фейсбуке по поводу статьи Михаила Берга о поэте Аркадии Драгомощенко и Клубе 81, я тоже вспомнил об Аркадии^{cxx} как о человеке весьма, на мой взгляд, элитарном в интеллектуальном отношении. Берг пишет, что авангардистские верлибры и проза А.Д. в те годы (70-80-е) казались большинству участников Второй культуры (Питера и Москвы) слишком американизированными, оторванными от наших реалий, и в общем довольно пустыми. Не стану с этим спорить: я присутствовал на одном из самых первых его чтений (на квартире у

Дара), когда автор едва только переселился в Питер из родимой Винницы. И мне и Дару стихи его показались отчасти искусственными, хотя и написанными неглупым человеком с оригинальным взглядом на мир и на творчество в целом. В дальнейшем мнение мое о нем как об интеллектуале, ироничном, прогрессивном и немного снобистском, лишь укрепилось. Он был коммуникабелен, остроумен и саркастичен, с мгновенной реакцией на новых людей и новые идеи. Сейчас я думаю, что его литературная позиция была своего рода элитарным ответом на жизнь и культуру, а также некоей компенсацией биографической провинциальности. Т.е. сам выбранный жанр, его изысканная авангардная форма, форма *металитературного* письма, собственно и являлась художественным выражением, идейной сутью, а конкретика, словесная и образная, всего лишь произвольные строительные блоки и детали, технический материал, не более того. Это можно сравнить с картинами Кандинского и Джексона Поллока: какая-то конкретная линия, цветовое пятно вполне могли быть автором удалены, заменены или перемещены в иное место, что никак бы не сказалось на общем результате и на восприятии зрителя. Почему же, тем не менее, Драгомошенко остался и после смерти уважаемым автором, в честь которого была учреждена литературная премия? Мой ответ: личность. Приведу пример, описанный в предыдущем Мемории. Не будучи особо близки, при встречах на клубных мероприятиях мы легко, с полуслова, понимали друг друга, как будто имели длительный совместный бэкграунд. Его акцентированная металитературность, артистический иронизм и отзывчивый легкий характер были созвучны моему тогдашнему настроению преодоления в себе литературы как жанра и способа мозговой деятельности. Помню как мы встретились на вечере трансфуристов в Клубе 81. Последние (Ры Никонова, Сергей Сигей из провинциального Ейска и наш местный Борис Аксельрод-Констриктор) как раз представляли своим индивидуальным и совместным творчеством некий революционный бунт против традиции, хотя и основанный на традициях авангарда прошлых лет, хорошо забытых со времен обэриутов и Василиска Гнедова. Но то, что решительно отвергалось и похеривалось официозом, уже немного приелось в нашем кругу. Лично меня, проводшего немало часов в безрезультатных эстетических прениях с Володей Эрлем, скорей раздражал строгий формализм текстов и художественных акций трансфуристов, поэтому, когда я поделился своим скептическим отношением к происходящему действию с Аркадием, он отреагировал весьма живо и нетривиально: «Ну это как праздник елки в детдоме. Да, артисты слегка неумелы и костюмчики их потрепаны, но мы же не станем за это их осуждать! *Они же старались!..*». Блеск!..

Что же касаясь сотрудничества руководства Клуба с ГБ, на чем настаивает Миша Берг, то оно достаточно подробно уже описано и Борисом Ивановым и многими другими, от себя мне добавить почти нечего. Не думаю, что остались какие-то страшные тайны. Клуб 81 (также как и Рок-клуб в те же годы) добился главного, т.е. того, чего хотели: авторы могли собираться и знакомиться друг с другом, обмениваясь идеями, а главное – получить для себя сцену, на которой свободы самовыражения было не только много больше, чем везде (на российском пространстве; см. в Парамемории реакцию Ю. Андреева,^{сxxi} на выступление московских концептуалистов), но и ничуть не меньше, чем в перестроечные годы (а значение такой «ворованной» свободы гораздо более ценно и продуктивно, чем в ситуации, когда все разрешено и уже мало кому нужно). Да, совсем бесплатной свобода не бывает: сборник «Круг» оказался эстетически ничтожным в сравнении с сам- и тамиздатом, Славу Долинина посадили (за связь с НТС и «Посевом»), Ширали и Юрий Новиков вынуждены были слегка «постукивать», а В. Нестеровскому и скрывать-то своей роли особо не приходилось при его искреннем русопатстве и нелюбви к либерастам-авангардистам. Берг обвиняет Драгомощенко в работе на Органы за его жест с книгой Войновича (достал *запрещёнку* из своей сумки на глазах гб-кураторов). Однако, на мой сторонний взгляд, это больше похоже не на «стук» (всегда тайный), а скорее на жест пиитический, в попытке замирить ситуацию – нормально-иррациональное поведение «безбашенного» авангардиста.^{сxxii}

Еще несколько слов по поводу Драгомощенской премии. На мой взгляд, учредители сами не слишком хорошо понимают, за что именно и кому присуждать 1-е место. Выбор из разносортной (хотя и

старательной) невнятицы не дает победителю никаких предпочтений. Произвольность подобных текстов всегда будет *жиже* в сравнении с эстетикой уже мифологизированного «родоначальника». А в том, что я ранее говорил о компенсации «провинциализма», никакого нет умаления, напротив – без преодоления одного многие авторы остались бы совсем незамеченными. «Компенсация» важна и необходима, тем более, что она не обязательно должна быть «географической», но также и психологической и социальной. В моем случае «р-революционизм» родился из биографии человека, жившего в питерской коммуналке без большой папиной библиотеки, маминого рояля и университетских «корочек». На полях можно еще отметить такой парадокс как превалирование личности над творческими результатами. Если взять, к примеру, фигуру Сергея Курёхина, то при всей его гениальности, при всем новаторстве и виртуозности, сказать, что я млею, как меломан, от его сочинений, пожалуй, и не отважусь. В отличие от того эффекта на душу потребителя (маэстро, сделайте мне кайфово!), который произвели записи Вейкмана, Эмерсона, Питерсона, Чик Кория. Хотя умом-то я хорошо понимаю, что таким креативным авторам как Курёхин или Юрий Касьяник просто скучно играть-сочинять опусы «как у всех», их естественным образом тянет в «земли незнаемые». Ну так ведь и Бартов / Констриктор / Кудряков / Лапенков ни за какие плюшки не станут писать как Конан-Дойл или Дарья Донцова. Супротив Фрейда тут не попрешь! (Бывают, конечно, редкие исключения-синтезы, вроде Пелевина, Эко и Олдоса Хаксли, но на то они и исключения!).

О несбывшемся: все мои мемуары это крохи и мелочь по сравнению с тем, какими бы они *могли быть* при даже самом малом на то желании. Потому что, при всем своем психотическом темпераменте и бузотёрстве, я был непростительно ленив и труслив. Т.е. инфантилен и себялюбив. И не думал о будущем, которое казалось тогда вечным повторением настоящего. И любопытство было какое-то узконаправленное: вроде бы интересные люди встречались и довольно рано я начал их словесные портреты составлять, но так, по-тихому, чтоб далеко не ходить. А большие книжками интересовался: ведь с ними не надо было вступать в личные конкурентные отношения. Даже девушек, весьма-весьма симпатичных (недурных и недурных), пропустил мимо объятий число довольно изрядное. Ведь как подумаешь, что нужно проявить *для того* определенную сумму джентльменских усилий, так и заленишься фольклорным запечником. Ну точно как в старом анекдоте про товарища, предпочитавшего групповой секс обычному, поскольку там *сачкануть* проще. А уж какие портреты, сюжеты и байки могли б появиться на этих страницах, если б я вовремя приспустил свой павлиний хвост и проявил простое писательское любопытство! Какие люди, какие фигуры, мимо

которых я прошел с легким кивком пустой головы! Федор Абрамов и Сережа Курехин, Дм. Ал. Пригов, Вик. Ерофеев, Бахыт Кинжеев и Лев Рубинштейн, митьки и джазмены, начинающий режиссер Кирилл Лопушанский и старый филолог-сиделец Кирилл Косцинский (он же Успенский, спасший в войну от расстрела будущего генсека ООН, Курта Вальдхайма)... *Не захотел* (ну в конец офигел!) познакомиться (когда Дар предлагал) с Васей Аксеновым и (с подачи Геннадия Гора) обэриутом-киношником Разумовским. В последней своей книжке я уже упоминал о старушках, встреченных в Комарово, на даче у Гора, одна из которых сидела в парижской тюрьме с маки-партизанами (они ее звали Шура)... А сколько интересного можно было узнать от Дара и его круга, и от бабулек, прошедших сталинские лагеря, из окружения моего несостоявшегося тестя, С.И. Фомченко (да и от него самого). А с упомянутым в книге Энн Эпплбаум о Гулаге, Кундушем (30 лет лагерей!), я тупо пил водку в коммунальной квартире, когда он жил по соседству с семьей Холоденко. А книгу «Прогулки с Соснорой» я мог бы и раньше Славы Овсянникова написать, если б откликнулся вовремя на предложение супруги Виктора, Нины, «гулять с поэтом», тем более, что жили мы почти рядом, в районе «Трех Дураков» (Энтузиастов, Ударников и Наставников).^{сххiii} Уничуждение паче гордости: в 90-е – вместо того, чтоб гордо реять с красной мордой меж котлами банной кочеварки, мог бы покорять Европу в комильфо-компании Бартова и Драгомощенко... И т.д. и т.п. Но самое обидное следствие лени это нежелание заниматься фотоделом. Какой архив андеграунда был бы теперь в интернете! Отец попытался приучить меня в детстве и к фото и к радиodelу, но лишь напугал техническими заморочками: проявители-закрепители и прочая хрень... Хотя, имея в дальнейшем таких мастеров-корешей как Боб Кудряков, можно было бы и не бояться. Согласно известной поговорке – «как вы лодку назовете, так она и поплывет» – слишком опрометчиво я взял себе с юности псевдоним «Непруха», вот и итог-результат. Хотя, по еще более древнему, и хитрому, поверью, детям нередко давали имена как раз такого свойства, из соображенья о том, что беда не станет соваться лишний раз туда, где вроде бы и так все уже схвачено. Псевдоним я взял себе не из игривого на-хрен снобизма, а вполне рационально, как констатацию наличного факта. И добавлю, вновь повторяясь, что «пруха» зато сказала в самом, м.б. простом, но главном – в том, что дожил до возраста написания этих строк (а далеко не все мои друзья и соратники дожили до их прочтения).

Да вот еще о Гран-Борисе Кудрякове. Уж фигура, так всем фигурам фигура! Здесь сама личность не уступит творчеству в плане психологических изломов и изысков. Я не раз уже писал о БК, но либо мельком, либо слишком *узорчато*, поэтому не лишним будет уточнить/закрепить кой-какие детали. Прозвище «Гран-Борис» дал еще

Костя Кузьминский для различения (по росту) двух фотографов. «Малый», Боря Смелов, он же «Пти-Борис» (или «Птишка»), начинавший у Грана подмастерьем, оказался, как фотоисторик города и его андеграунда, гораздо более востребуемым и знаменитым мастером (хотя и умер как последний бомж: в пьяном виде замерз на уличной скамейке). Кудряков искренне признавал, что ученик превзошел учителя. Я познакомился с Граном в самом начале 70-х у Эрля, с которым меня еще ранее познакомил Дар. Это была чудесная пора формирования иронической эстетики. Под бравурный металл Джими Хендрикса и болгарский «сушняк», в клубах табачного дыма (тож Болгария и немножко Куба) мы листали номера глянцевого порножурнала из Швеции и всматривались в социальный глянец журнала *Северная Корея*, что приносил старший брат Б. Констриктора, Коля Аксельрод (=«А.Ник»). Так рождалась первая кудряковская повесть *«Песня над озером»*. Недолго молодость играла: выйти из нашего культурного социума нам было некуда, а конкуренция и неврозы прошли по каждому. Эрль бронзовел и мизантропировал, ссорясь с друзьями, БК то прятался от ментов и гебни по чужим квартирам, то безуспешно пытался эмигрировать. Однажды мне довелось побыть в роли связного и переводчика в телефонном разговоре бывших приятелей, не пожелавших общаться впрямую. Хотя я и старался, синхронно импровизируя, смягчать выражения (типа «тупое животное» и «литературный пигмей» со стороны Ибрагимыча, и «рыжая образина», и – аллитеративно – «я убью это уёбище», в ответе БК), но на снижение градуса диалога двух прогрессивных литераторов сие не повлияло.

Я не предполагаю наличия в характере БК паранойи или шизофрении; невроз – да, усиленный паранойей всей нашей действительности. Казалось бы простое дело – фотodelo... Но нет: аппарат приходилось носить под курткой или пальто, вынимая его лишь на секунды. Одно дело – фотографировать девушек на фоне дворцов и фонтанов, другое – глухие дворы и дырявые крыши. *А не штиён ли ты, мил человек?..* Бдительные граждане могли и по шеям надавать. И, бывало, давали. Все мы немного штирлицы, но Гран в этом всех нас превзошел. Никто никогда из друзей не знал, откуда

он сейчас появился и куда после встречи уйдет. За 36 лет нашей дружбы я ни разу не слышал от него, скажем, имени Бори Останина, кроме как в форме «вот был я тут на даче у одного знакомого...». Любопытная картина нарисовалась на похоронах Грана: многие из его сотоварищей, в том числе давно уже знакомых между собою, впервые узнали друг друга *в роли приятелей* Кудрякова...

БК начинал, как многие из нас, с подражания обэриутам и Хлебникову (со временем получил премию «Отметина Бурлюка»), ритмике А. Белого (не избежал и премии им. Мэтра) и с того, чем закончил Бартов (ироничный формализм «*Песни...*» за дюжину лет до бартовских текстов). Далее – сюр «*Ладьи темных странствий*» (в смысле сюра Совка) плюс снимки непарадного Питера. Затем – зрелая проза («*Белый флаг*», «*Рюмка свинца*», «*Время жатвы*», «*Встречи с Артемидой*») плюс примитивистская живопись и абсурдистские пьесы (абсурдистские не одним художественным выражением, но и сознательным построением такой формы, которую воплотить даже в самом авангардном театре физически невозможно). Наконец высший *синтез* изо, поэзии и прозы плюс формы рукописного письма и специфичной грамматики. Здесь особое сочетание образа/языка автора и образа/языка его объекта; ручного оформления/выражения текста (начало заметно уже в его письмах ко мне 79 года), саркастического сюра и объективной реальности, формализма (концепта) и импровизационного поэтического (но антиромантического!) потока. Всё это можно адекватно напечатать только в форме оригинала (jpg/pdf), т.к. механика печати мгновенно убьет индивидуальность произведения. Ср. с высказываниями Дара (в его письмах) об индивидуальности рукописи («Настоящая литература – это *рукопись*. А книга или журнальная публикация – это литературная *продукция*, т.е. обыкновенный *рыночный товар*») задолго до эпохи цифровизации. Здесь кудряковский конечный синтез оборачивается изначальным древним *синкретизмом*. Если в молодости он воевал с официальной культурой (в Сети есть знаменитое фото горящего натюрморта с романом «Отцы и дети»; много позже – ирония судьбы! – удостоился литпремии им. Тургенева), то здесь культура начинается уже как бы сызнова, как сочетание пещерных фресок, поэтического устного языка, камлания и натурфилософии с зачатками пранауки и логики. И это было не итогом заранее продуманного концепта, но только лишь экзистенциальным протестом и неистребимой тягой к абсолютной свободе. Как он писал мне в письме из глухого поселка Рязанской области (где временно скрывался от внимания ментов и гебухи), «СПб – полицейский город!»^{cxiv} Надо стереть ноги по колени, мотаясь по стране, чтобы это понять, и понять не только это!.. Один мой «знакомый», целующий Чехова на ночь, свинофил и спившийся язычник, поклонник Пушкина и Константинова села, кричал мне: "Искусство *должно* нести

людям красоту(?!), писатель *должен* решать нравственные проблемы (во, бля, засадил!), авангард устарел... твои кроссворды омерзительны!.." От кого-то я еще слышал подобное?!. Вы частенько, ссылаясь на генералов литературоведенья и графопоисания, махали мне пальцем: "но, но, не очень-то! А то будет на-на!" Но "на-на" я ебал! А судьи кто? Они в промхозе, хозяйственники все, чтоб пусто им! Для меня нет авторитетов и судей. Я пишу как мне хочется и о чем хочется. Это мой путь и мой закон... Я не исследователь и, если угодно, не писатель и не поэт. Я – мрачный мечтатель»...

И в самом деле, что тут добавишь? Всё его творчество это более широкая и глубинная вещь в сравнении с традиционным писательством.^{cxxv}

В последнее время, гуляя по паркам, и вспоминая о парках, свивающих судьбы на живую нитку, и регулярно (но всегда неожиданно) щелкающих маникюрными ножничками, поневоле предаешься скрипучим старческим медитациям. Разные, заразные, мыслишки лезут на умишко. Например, о том, как хорошо может закольцеваться судьба родившегося в коммуналке и закончившего свои дни в подобной же питерской крысоловке. Но куда я еще живу у жены на Березовой аллее, кочегорю при больнице Семашко, и брожу по Павловскому парку, вдоль-поперек, да наискосок, выписывая круги и умственные канделябры.

Кто только не хаживал по этим дорожкам! От золотого века до нынешнего, оловянного. Перечислению не поддается. От гвардейцев и лицейцев до постмодернистов и бодигардов. Не углубляясь в совсем уж ветхозаветную классику, представляю себе тяжелую поступь переводческой командорши, Татьяны Григорьевны Гнедич,^{cxxvi} в окружении юных пиитов ее семинара. Среди них и Юра Алексеев, любимчик Кузьминского, посвященный им в поэты,^{cxxvii} а ныне похороненный на Павловском кладбище (и отпетый поэтом-соратником, а сегодня – отцом-настоятелем храма в п. Александровская, Пушкинского р-на, Борисом Куприяновым). И фланерская походка самого Кости, замороженного экскурсовода, упокоившегося в богом забытом Лордвилле-«Божедомке» (могианский штат Делавер, г. Хенкок-«Куринохуйск»). И кобелная отвязная рысь Васи Бетаки, блядовистого методиста музейного дела и контрабандиста тамиздатского слова.^{cxxviii} (Сейчас /2019/ на этом медоточиво-методистском месте трудится Ирина Алексеева, вдова Юры). А можно еще вспомнить сохранившиеся кадры любительской съемки: Олег Охапкин катает на лодочке по речке Славянке славистку Сюзанну Масси.^{cxxix} Да-а, не тривиальное последнее прибежище выбрал для себя Гена Трифонов!..^{cxxx}

И все же я больше люблю Царскосельский Александровский парк! Некогда дикий, в меру руинный, непридушенный еще реставраторами.

Пахнувший волей, вином и верлибром. В эпоху до «облагораживания» (маркетингом и новоделом), у каждого сакрального места, начиная с колоннады Александровского дворца, мы с друзьями выпивали по стопочке, заканчивая *путешествие* уже на входе в масонскую Шапель.^{сxxxii} А пару раз в год мы с Володей Глазуновым,^{сxxxiii} по пути «клея» девушек, забирались на верхотуру закрытой на реставрацию Белой Башни и упивались видом окологородных пространств и зеленым «маикрософтом» деревьев.^{сxxxiii} (За данные прегрешения Глазунов расплачивался с директором, Иваном Саутовым, геологоразведкой по поиску подземных и подводных ходов и забытых захоронений; нашел забытое кладбище императорских лошадей).

Приучил же нас к царскосельскому алкогольному трипу общий приятель, местный житель, работник Библиотеки Академии Наук и редактор самиздатского журнала «Обводный канал», Кирилл Бутырин.^{сxxxiv}

На его днях рождения, справлявшихся на парковых площадках, присутствовали не только представители питерского андеграунда, но и более солидные личности, например, соредатор «Звезды» Андрей Арьев – школьный товарищ Кирилла, издавший, кстати, сборник царскосельских поэтов (за два века) с подробнейшими комментариями, вполне заменяющими любой путеводитель по музейному комплексу. Последний раз мы выпивали с Андреем уже у могилы Кирилла на Павловском кладбище, буквально через дорогу от могилы Алексеева Юры...

Да, бойцы в очерёд покидают бойницы и всё множится женский батальон литературных вдов – Кривулина, Юры и Вовы Алексеевых (однофамильцев), Александра Миронова, Звягина, Кузьминского, Холоденко, Довлатова, Охапкина, Гозиаса, Сосноры (а теперь уж и Эрля)... Впрочем, дамы тоже не бессмертны: ушли Юлия Шор, Лида Гладкая, Марина Шигапова («Это я ее познакомил с Юрой!» – хвастал Горбовский). Нет больше с нами и Аси Львовны Майзель, жившей на Октябрьском бульваре, куда мы частенько заглядывали с Геной Трифоновым, Толей Михайловым и Сашей Гиневским. Ася Львовна – святая женщина, немного помешанная на любви к литературе (училка БГ и Гуницкого), помогала всем талантливым и несчастным, опекала Васю Филиппова и была истой поклонницей Дара; с ней мы издали книгу о нашем общем учителе (при деятельном заокеанском участии Кости Кузьминского).

Увы нам целый мир чужбина, отечество видали мы в гробу...

Заметно, что наш френдовый Фейсбук потихоньку превращается в своего рода некрополь. Вспоминаем и поминаем, оцифровываем и офейсбучиваем (подчиняясь всё более ужесточающимся дигитальным законам). Т.н. «цифровое рабство» в какой-то мере неизбежно. Оцифровка бытия (с регулярным ее «обнулением»): эволюция (=элиминация) похоронных ритуалов с тенденцией ко все большему прагматическому упрощению; в искусстве – переход от классического мимесиса Аристотеля и Э. Ауэрбаха, и «стендалевского зеркала» Льва Толстого, к минимализму-концептуализму; инфопоха – теле/видео/фото/винды/инет (сплошь дигитальность); память/образование – когда-то упорный тренинг, (у)вечные вопросы, тяжелый багаж и зубрёж мозговой, а сейчас – мгновенный сервис гугла-из-машины; изменение самого типа личности и гаджеты как часть ее – киборги будущего, элитные зомби с искусственным интеллектом, смогут в новомодном ретродухе имитировать человека (вряд ли будут гаджеты *вживлять*: неэкономично, слишком быстро они обновляются). Ну и, конечно, ремонт генов у младенцев из состоятельных семей. С другой стороны, человечество всегда лишь *отвечает* на вызовы, а цивилизация вирусов играет белыми, так что нам еще работать и работать (до конца времен), и итог не прописан. Мору – мор! вперед и с песней цифровой! Но в самом широком смысле, учитывая всю предысторию и эволюцию жизни на земле, быть может, здесь не две цивилизации, а *симбиоз*?.. Дедоубийство, «слезинка» впавшего в детство, для Природы не аргумент, а ковид (и любой будущий вид) – очередной номерной санитар планеты?..

Да-а, вопросец! Невидимые пришельцы атакуют цивилизацию (война миров Лукаса-Уэллса) или это вечные спутники человечества, с которыми нужно сродниться? Стерпится – слюбится?.. Быть может мы лишь временный переносчик-контейнер иной эволюции на пути к новой жизни?..^{сxxxv} Все смешалось в мире обломском. Положительный тест имеет отрицательное значение, и наоборот. Новая мысль – на зеро обнулись! Зато древняя, индо-европейская и сино-семитская, вновь обернулась, сорвала джекпот и рулит: малое и виртуальное побеждает большое материальное. Санитары, санитары, а я маленький такой!..

Ну и что с того? Да вся наша история это свинская игра мелким бисером в апокалипсис. Демократы вечно ноют и плачут, палачи-деспоты неустанно мочат и мучают, а демос молча расплывается. Впрочем, расплывается он за всё, всегда и при любой ситуации, но больше боится даров от «данайцев» – чипизации от условной «Вирджинии Вульф» (здесь – Билла Гейтса и Германа Грефа). Хотя больше бы нужно бояться безусловного «товарища полковника», его подопечных «полканов» и жуликов, вольных и подневольных. Да мы никогда и не вырывались из липких лап бюрократии (лет двести с ней вместе и с царьком в голове!). И уж прогрессивнее как-то жить под глазком камеры, чем под глазком в

камере, да под вертухуем на вышке. Ну да, просто компактный хайтек внутри большого лагеря, и гниение становится гигиеничной.

Боящимся цифрового ошейника следует забыть о гаджетах и банковских картах, хотя это все равно не сильно поможет. Поздно пить боржом и бить по рукам, тянущимся к яблоку-эпплу: *грехопадение уже случилось* и невинность восстановлению не подлежит. Пора привыкнуть к мысли, что вы сами, ваши друзья и родные знают о вас на порядок меньше и приблизительней, чем бездушные роботы-алгоритмы и анонимные дяди, находящиеся где-то за тысячи миль... И в этом же смысле можно считать, что мемуаристика, в ее традиционном виде, это умирающий жанр. В скором времени воспоминания, о себе и о мире, можно будет заказывать в компаниях-держателях вашей базы данных...^{cxxxvi}

Парадоксальным образом спасением от т.н. «Паноптикона» (Фуко и К^о, или, что то же – от «Колпака Мюллера») послужит вам сама эта бездушность дигитального мира. Если вы не *игрок* на каком-либо «поле», то и никому не интересны, база данных останется втуне, и вам не грозит ничего более страшного, чем нудный дождик рекламного спама и уведомления о платежах.^{cxxxvii} Массовая унификация имеет свои позитивные стороны: есть, где спрятаться. Т.е. тебя все равно видно повсюду, но ты ничем не отличаешься от соседей и не вызываешь опасений начальства. Восстания масс тоже не требуются, поскольку масса в целом, как класс, всегда превосходит и бьет индивида. Масса вечна, а деклассированный индивид так и так проиграет. Есть сказочный сюжет, известный в вариациях у всех народов, о состязании в беге; например, лиса соревнуется с ёжиком, но на финише и на каждом этапе ее встречает другой ёжик, неотличимый от прочих. Собственно, очень много фольклорных сюжетов восходит к одному из основных философских концептов – бессилию загордившейся личности перед Космосом. Так что сегодняшняя цифровизация вполне себе логично проистекает из глубинных основ бытия.^{cxxxviii}

Тут я вновь вспоминаю Дара, еще в 60-х годах написавшего свою «надгробную речь», где, среди прочего, он рассуждал о плюсах и минусах цифровизации. Человек, как объяснил герою-автору профессор Бублик,^{cxxxix} создан по образу и подобию дроби. Тем самым, продолжу я, чем больше знаменатель, тем меньше числитель, что и хорошо (когда значение свое черпаешь в мощи знаменателя) и плохо (когда осознаешь ничтожность своего числителя). В первом случае, иронизирует Дар, «я настолько привык считать себя представителем, частью или долей чего-то, что, думая о себе, научился как-то совсем не замечать своего числителя и как бы сливаться со своим знаменателем. И поскольку я принадлежал к человечеству, то иной раз горделиво заявлял: «Мы уже покорили небо», а поскольку принадлежал к сочинителям, то однажды

чуть не сказал: «Мы уже написали “Братьев Карамазовых”». Но уже совершенно всерьез Дар находит в условиях объективной ничтожности числителя необходимость заново построить вселенную, в которой боль и счастье одного человека в кругу его близких превосходит значением весь мир больших чисел... Малое имеет значение...^{cxl}

Сидя один на службе, во двореке, с видом на руины бомбоубежища, которое уже никого ни от чего не сможет спасти, наблюдаю премиально белую петербургскую ночь, слушаю в наушниках джаз-мануш, прихлебывая из фляжки привычный купаж, и тасую в мозгу картинки разновременных воспоминаний. Заглянув в теперешний миг из скоромного молодого далёка, мог бы наверно сдуру и позавидовать, подивившись прогрессу (не ведая о сегодняшней зависти встречной). Но, увы, настроение – чеховское, как у чайки над угрюмым «дядиванинским» портом. До чего ж неуспешно и безалаберно прожита жизнь! Чему научился? Что сделано? Что можно пощупать руками?... Пожалуй, лучше всего я научился *грустить*. Что тоже немало, и даже весьма приятно, особо под вискарь и мануш. Наверчивает «бриллиант» цыганская скрипка и виртуозит гитарное трио. Такая объемная плотная грусть приятнее мимолетных плотских утех. Когда-то мне, шестнадцатилетнему, Дар сказал: «Не грусти раньше времени, успеешь еще и насытиться и пресытиться. Твоя беда в том, что ты, собственно, никому в этом мире не нужен!...». Да, тогда еще впереди были все мои замечательные (пусть и проблемные) друзья и прекраснейшие (пусть и невыносимые временами) подруги. Все те, кого сейчас уже нет. Ни рядом, ни вообще на земле. Так что мой личный космос весьма поредел, сдулся и разрядился.

Однако, под биофиниш, почему б и не покувыркаться по родной ниве словес, литературного мяса наевшись? Некогда Дар писал мне из Иерусалима, что на полном серьезе считает меня своим лучшим произведением, и этим гордится. Я не стану скромнѐхо отнекиваться, раз уж взял на себя весь груз памяти о нем и о круге его. И кое-что все-таки удалось. Другие (ударники) как-то не очень хотели сей груз со мной разделить. А для меня это не скучный долг, а увлекательное занятие. Думаю, Деду бы это понравилось, как нравится мне, уже тоже деду. В письмах из Св. Земли он со свойственным ему юмором предлагал мне еще многое в будущем обсудить, когда нас за наши грехи будут поджаривать на сковородах...^{cxli}

Не удалось, может быть, главное. Он-то все свои годы раздувал «огоньки», а вот мне не пришлось. И поэтому на мне и завершилась эпоха Дара. Так что соседняя с нами «сковородка» осталась пустой, что наверно и к лучшему.

Ну и что останется от тебя? Флешка с файлами, итог прошедшей жизни и творчества: фотки-шуточки-стишки, да пяток старозлободневных нарратий (сюжетов, статей, эссешек) на сайтах. Почувствуй себя,

наконец, вконец оцифрованным! Твои файлы это и ты и не ты, вроде как собрание теней в Аиде гомеровом, жаждущих свежей крови. И может быть на *прекрасной планете будущего* их голографируют, добавят искусственный интеллект и они заживут новой жизнью, и не сшившейся Азимову-Ефремову/Пелевину-Федорову...

Но всего вероятней, что твоя флешка затеряется в куче хлама, а от сайтов останутся только битые ссылки.^{cxlii} Новым поколениям будет уже непонятно и неинтересно то, о чем ты писал, и – в лучшем случае – какой-то фрик и «синий чулок» (тоже забытый термин) откопает останки твоих эскерсисов для своей диссертации.^{cxliii} Причем переверт все безбожно и еще припишет тебе свои прогрессивные мысли. На этом фоне тебя греет лишь тайное чувство злорадства от наблюдения за тем как многие вчерашние мегамедиазвёзды сегодня уже кажутся никому ненужным ветхим дерьмом, топливом для черной дыры...

Тут мой сюжет неожиданно (=ожидаяемо) прерывается возникшими форс-минорными обстоятельствами непреодолимой (морально тоже) силы... (февр. 2022)

Что-то не попало в основной текст:

О девочке из машины времени - из сегодня в 60-е (с пирсингом и татушками-наклочками у классной доски декламирующую «Бородинскую годовщину» или «Умом Россию не понять»). Как бы отреагировал наш тогдашний класс?).

История меняет только костюмы?.. В моей юности – дворовая блатная романтика, Но современные рафинированные школьники могли б растолковать своим «сверстникам»-дворовым хулиганам 50-х-60-х не только нюансы радужных оттенков, но и концептуальную разницу между «сажать *в* "стакан"» и «сажать *на* стакан».

Воспоминание Дара о «братьях Васильевых», которые в реальности совсем не братья (он вспомнил об этом по прочтении главки из моего «Рамана», где я придумал сценку, в которой Некрасов поджидал Тургенева «в парадном подъезде, коротая время с размалеванной вислозадой девицей самого молодецкого вида», о коей сказал – «Что за прелесть эти русские женщины! Вот где скрыт талант народный, не задушенный крепью», как он называл крепостное право). Васильев поджидал Дара в парадной своего дома, коротая время с какой-то бомжихой. Что потом и объяснил ему с точки зрения зрелого эстетизма. Кстати, объяснения Васильева Дару явно перекликались с секс-идеями отца Карамазовых (а полузапрещенного Достоевского читать тогда было привелегией элиты, как в 70-е/80-е – Солженицына). Экзистуха Папы Доста о загадочно широкой русской душе для вип-потребителей.

...О мистике... И Цзин, сны, родственники. (Есть еще что добавить к этой теме, заявленной в Парамемории).

Гальперинщина+лапенковщина... и получилась крутая булгаковщина: Римма сшила брюки (хорошее подспорье в эпоху нищеты и Москвошвее) для молодой актрисы ТЮЗа Марины Старых, игравшей в пьесе Юры Гальперина, и бывшей недолгое время его любовницей. Одновременно Римма еще сшила брюки для юного Васи Филиппова (додурдомовского и достихового периода его жизни). История эта запомнилась, потому, что деньги в последнем случае оплатил за работу Давид Дар, а в первом – денег так и не отдали, хотя Римма тогда была на сносях и материально дела наши обстояли совсем не блестяще. Забавное совпадение: несколько позже Марина сыграла булгаковскую Маргариту в телеспектакле, а я как раз хотел было в качестве долга реквизировать у Юры взятую «для почитать» книгу с этим романом, да наглости не хватило. А долг за Марг... Марину он так и не вернул: «И долг не мой, и она уже не моя. И вообще: никогда ни у кого ничего не просите». И умыл писательские руки...

Хорошо бы было иметь старшего брата и сестру. Но они умерли в раннем детстве и тем самым дали мне шанс родиться (троих бы семья не потянула). Можно ли это назвать везением?..

Несколько слов о прозаике Анатолии Михайлове.

Фигура прелюбопытная. Стилист отменный. Био – на удивление. Отец – разведчик Киновер, расстрелянный Сталиным. Мать, по дев. фам. Михайлова, протеже Ворошилова, почему и не пострадала. Пацан в детстве обыгрывал маршала в бильярд. Повзрослев, стал диссидентом, за что едва не попал в дурдом. Увлёкся бардовской романтикой 60-х, ездил в Сибирь «за туманом и запахом тайги». Писал песни на слова Бродского/Окуджавы и пр. Знакомился – с переменным успехом – со столпами тогдашней культуры: с Бродским/Вознесенским/Кузьминским удачно, с Катаевым – не очень, а Варлам Шаламов, приняв его за стукача, спустил с лестницы. Во время краткой эмиграции жил в ночлежке на Брайтоне, торговал книгами, получил от местных кличку «Солженицын». Характер нервический. В общении груб, хамоват, упёрт как осёл. Печатался как в самиздате, так и в «Новом мире». Если бы не его вторая жена, Леночка, создавшая солнечную атмосферу в их квартире, дружить с ним было бы невозможно (после ее смерти Толян рассорился со всеми)...

* * *

В. Б. ЛАПЕНКОВ
ИСТОРИЯ САМИЗДАТА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**ВОСПОМИНАНИЯ СУМАСБРОДНОЙ
НО
ВСЕ ЖЕ ПРЕКРАСНОЙ ЮНОСТИ**

Вот еще в пандан некоторые отрывки и малые тексты.

В. Лапенков

СОЛОМОН ГОЗИАС, ПОТЕРЯННЫЙ И НАЙДЕННЫЙ.

/Предисловие к книге стихов/

Если у Олеси «ни дня без строчки», у Горбовского – ни дня без вирши, то Соломон (Слава) Гозиас за день, кажется, пол тома-том мог выдать на гора стихов и прозы, или уж, как минимум, авторский лист. А что не писать, особенно когда коротаешь вечность в забытом богом ранчо под космическим Хьюстоном?..

какое горе быть писателем
который на цепи в глуши
где нет читателей карателей
и доброхотов ни души...

И к 80-летнему возрасту он уже, шутя-полушутя, называл себя готовым кандидатом для Св. Книги Гиннеса в плане литературной плодovitости, и, кажется, премудрости...

Но начиналось все это безобразие еще на невыхских берегах. В 50-е – 70-е годы Россия клокотала и бурлила поэзией, и вообще билась в литературной горячке. Ленинград, в отличие от официальной столицы, не мог похвастать стадионами, однако в области лирики, спорящей с метафизикой, столицей был именно он.

Нетрудно, между тем, заметить, что сложившаяся в СССР система «универсального» народного образования, культ прогресса и знаний, а также акцент на воспитательную роль культуры (в частности, художественного слова) с логической неизбежностью привел к возникновению различного рода кружков, студий, объединений, т.е. к совершенно уникальной – на фоне других стран – культурной ситуации.

Из непритязательной лампы просвещения вылетел не спроектированный и своенравный джинн. То, что должно было играть прикладную и вспомогательную роль, «искусство – средство», оправдываемое более широкой, внешней – социально-устроительной – целью, выросло в «искусство – цель», оправдывавшее любые внутренние специфические средства. Искусство само стало социальностью, т.е. бытием, поскольку последнее не способно было стать искусством. В чем заключалась сущность этого «второго» бытия можно спорить, но самими творцами она чаще всего определялась как искомая и полная *свобода*.

Ольга Бешенковская (Нева, 10, 1993): *«свободно дышать, не сковывая себя никакой формой»; «дайте мне речь, а премию – Бродскому»...*^{cxliv}

Тип профессионального маргинала не мог возникнуть сразу и во всей красе, тем более из ничего. Хорошо бы все свалить на тлетворное влияние Запада,^{cxlv} но, увы: язык новой культуры складывался на стыке блатного жаргона, официальных реляций и – взыскующей духовного Эдема – отечественной литературы.

В ЛГУ, Технологическом, Горном (при Глебе Семенове), в ДК Трудовых резервов («Голос юности») уже с 50-х гг. возникали лито и студенческие театры-студии, в поэтических коллективах выращивались индивидуальности. В 60-е подключился Дворец пионеров – клуб «Дерзание» (менталитет эпохи «энтелехийно» проявляется в символах).

По словам очевидца (В. Британишский, «НЛО», №14, 1995), «старшие [из поэтического поколения 50-х] боролись за самое оттепель, за право поэзии и искусства на существование. Младшие могли уже позволить себе просто быть поэзией и искусством...».

Родился новый тип поэта (художника, интеллигента), хотя в нем угадывался и Гаршин, и Рембо, и Аполлон Григорьев, «далее – везде», и – с другой стороны – Фома Опискин, кэп Лебядкин (далее тоже немало). Ср. слова Андрея Арьева о прозе Довлатова («Петрополь» №3): «В рассказах Сергея Довлатова «лишний человек» проснулся после столетней летаргии и явил миру свое заспанное, но симпатичное лицо». Там же у Довлатова (рассказ «Лишний»): «Я выпивал, скандалил, проявлял идеологическую близорукость...». И суть даже не в том, что *этот* «новый русский» действительно был симпатичен и «безопасен», сколько в том, что *ситуация* позволяла ему быть таковым: бытие и сознание взаимоопределяются в «габитусе».

«Метафизика» на стыке разномастных культур наверное была неизбежна: слишком много «физики» было вокруг, в том числе в виде фронтового, блокадного и лагерного опыта. Символизм и романтизм без малейшего когнитивного диссонанса сочетались с блатным шансоном и паремийными жанрами.^{cxlvi} Парадокс, анекдот и оксюморон были естественной «зрелой» формой существующего социализма. Не случайно и Гоэиас выводит себя в одном из романов под именем *Третьяна Скоморохова*.

Метафизики, лирики, формалисты, барды... от державного верлибра до концептуализма, от религиозной поэзии до виртуозной зауми и т.н. «конкретной» поэзии. Все мыслимые и немыслимые варианты творческих поисков и достижений. И в этом эстетическом котле, в самом его центре, находился человек, которого знали все, и который знал всех. Этот человек, Давид Дар, был живым связующим звеном между классиками нашей литературы (тогда еще далеко не полностью признанными, или даже вообще замолчанными, как обэриуты) и талантливой молодежью, всегда окружавшей его и которой он помогал, чем только мог. О его таланте слушателя, о его литературной интуиции, об оригинальности его мысли и всего образа жизни ходили легенды... Здесь будет к месту отрывок из позднего стихотворения Дмитрия Бобышева:

**Нет ни Дара, ни Глеба Семенова...
А мы сами-то, разве мы есть? –
От пасомого стада клейменого
с вольнодумством отдельная смесь.
Нас учили казенные пастыри:
– Деньги-штрих, деньги-деньги, товар.
Нам же – дай своего: хоть опасного,
но живого, не правда ли, Дар?..**

И еще пара цитат.

«Дар был – как Сократ – акушеркой, родовспомогательницей, помогавшей молодому писателю разродиться собой, своей эстетикой, своим мировоззрением». (Владимир Британишский, «Вопросы литературы», IV, 1995).

К.К. Кузьминский о Даре (Антология «Голубая Лагуна»):

«Чтил он – молодых и никому не известных, за что и был нам – больше отца... А хулиган! Подходит к нему стукач, все в том же Союзе-Совписе: "Ну, как, Давид Яковлевич, вам понравилось собрание?" На что Дед, яростно пуская клубы дыма из трубки – пух! пухф! – "Ебал, говорит, я ваше собрание, ваш союз писателей и вашу советскую власть!" Стукач, со сдвинутыми мозгами, уходит и начинает мучительно думать: доносить ежели, то – как? Кто ж в такое поверит?»

Кстати, поэзия с прозой легко уживались, часто в одном лице: мало кто из авторов не пробовал себя в том и другом жанре.^{cxlvii} Бродский, Соснора, Горбовский, Кушнер, Битов и Довлатов, но также – Герман Сабуров, Владимир Алексеев, Валерий Холоденко, Юрий Шигашов, Евгений Феоктистов, Рид Грачев, Владимир Губин, Сергей Вольф, Леонид Агеев, Александр Кондратов. А за ними уже гнались молодые – Олесья Охупкин, Витя Кривулин, Саша Миронов, Леночка Шварц... Кто-

то «выбился в люди», сорвал аплодисменты и кучу премий, кто-то сорвал голос и, образно говоря, забился под диван, впрочем, и оттуда вещая с пронзительно гордым и звучным философским прононсом (как герой одного из рассказов Владимира Алексеева).

опять собрания и прения
и кучи премий нарасхват
мой лай хрипит на поколение
голов болтающих набат...

Разница не только... нет, не в таланте, а в первую голову в *реализации* оного. Да и в привнесенных судьбой обстоятельствах, в удаче и случае, наконец! Конечно, Бродский абсолютно заслуженно обрел своего Нобеля, но не без некоторого все же озорованья со стороны хулиганки-Фортуны. Талант и биография его неразрывны с историческим временем: родился он несколько раньше – сгинул бы в лагерях, как «японский шпион», позже – стал бы лауреатом не «нобелевки», а премии имени Андрея Белого (рубль, яблоко и бутылка водки). Кабы не закон о тунеядстве, не было бы суда, ссылки и отважного ропота творческой интеллигенции. Кстати, благодаря случайной путанице и недогляду службистов, среди прочих прегрешений, инкриминировали Бродскому стихотворение, написанное его другом-соперником, Дмитрием Бобышевым. Я лично верю в популярную теорию, что История все расставляет на свои места, но это становится явным (для верящих) лишь с определенного времени и расстоянья. Сегодня может показаться нонсенсом, что на поэтическом ристалище в «Голосе юности» Бродский проиграл голосованием слушателей Герману Сабурову. Тем не менее, данный факт тоже имел место в истории.

Гозиас написал в Антологии Кузьминского «Голубая Лагуна»: «Я не был в дружбе с Глебом Семеновым, но мы были достаточно хорошо знакомы для частного обмена мнений... Основными педагогическими качествами Глеба Семенова были мягкость, искренность и внимательная требовательность, то есть те качества, каковые хотелось бы чувствовать в рассуждениях о еще неопробованной литературе». В личном письме автору этих строк Гозиас писал также, что литобъединения тех лет были «где угодно, кажется детские сады миновали эту эпидемию... К Дару ушел по просьбе Глеба Семенова, он считал мой уровень годным для ремесленников, что оказалось почти кровным родством... Когда что-то вроде звезды поднималось, тогда узнавали об лито, как с Бродским. Мы его не приняли в Голос, а университетская братия подняла его на щит. Кстати, в Университете держалась другая половина гениев 50-х - Бобышев и... ты их знаешь. Кривулин овеял их славой, сам был оттуда. Считай, что Голос был самым активным в переходе на 60-е, к нам все

флаги в гости – на игры, чтения... Лично ко мне Дар относился с насмешкой, его раздражали мои чистые рубашки и претензии на бескомпромиссность...».

Но даже перечислив еще десяток имен вдобавок к уже упомянутым, мы все равно заденем лишь «вершки», то, что более-менее зацепилось за поверхность, не затерялось в глубинах литературного процесса. А вот что означает преемственность в нашей культуре? Одного только «осеменения» / «опыления» старшими младших (либо «выживания» первых вторыми) недостаточно без реальной, культурно унавоженной почвы. Эта реальная почва, «перегной», «гумус», не только «язык», но и «культурный слой»... правда, слабо отмеченный в биографиях «великих» и выпавший из исторических обзоров для широкой публики, но без которого городская культура была бы совершенно бесплодна. Это уже плохо различимая интеллигентская масса учительниц и библиотечарш, писателей и читателей, доцентов и дворников, хулиганов и паинек, гениев и графоманов. И кто теперь разберется, кто есть кто? Свидетелей почти не осталось.

...могилы не видны глазами
воображенья звери
по строфам партизанят
ай Рейн ой Женья
вот Ося
пример вам для достижений
если надо закосит
не надо идет в сражение
потомки с котомкой вспомнят
правители их обяжут
командой
вперед по коням
или назад на Пряжку...

Молодость выражала себя в алкогольно-бытовых и сексуальных приключениях, в литературном и чисто мужском соперничестве, в бесконечных спорах и интеллектуальных пикировках. Но на уровне, так сказать, экзистенциальном они все были сородичи. Хотя и весьма ершистые. Гоziас говорит о своем поколении как о поколении сирот. Даже те, кто имел родителей, все равно в высшем смысле могли претендовать на такое прозвание в бедной-богатой, матери-мачехе, стране. О Глебе Горбовском, с которым Гоziас был близко знаком и даже учился в одной школе, он написал в свое время нелицеприятные воспоминания, другие однокашники присутствуют в его повестях и романах под разными именами. Сегодня только сам автор может расшифровать их, но, похоже, не слишком торопится это сделать.

я – бутылянин из последних сил
бутылку бренди покупаю ради
чтоб обо мне икалось в Ленинграде
чтоб с неба мелкий дождик моросил...
...мы были ветрены от этого отважны
поллитрами строптивых на беду
залиты были обертоны жажды^{cxlviii}
...кто мог кричал потом кичился криком
а мне молчать хотелось вместо злата
и собутыльников карета и квадрага
усилий бега стоила зарплата
а ныне не с кем золото разрушить
поэтому ни слова и ни вздоха
я бутылянин
и по мне эпоха
торчит ушами и развесит уши.

В эпоху переизбытка информации и мгновенных электронных связей критерии восприятия в очередной раз поменялись, а нерастиражированная культура рукописного слова стала казаться столь же архаичной, как и его индивидуальное голосовое выражение. Где теперь тот Дар, который прочтет с листа, поймет на слух и оценит меру мастерства и уровень личности? Особенно, если личность-то еще в самом зародыше? Где тот Глеб Семенов, который отыщет несхожее в похожем и отделит зерна от плевел?..

Читаю. Вот, вроде бы, что-то промелькнуло в стихах Гоziаса издавна знакомое: да это ж как-будто Соснора!?. А вот нечто фольклорно-игровое – не то Горбовский, не то Уфлянд. Нет, не то, немножко иное. Может быть, сознательное «антибродскианство»? Какие-то отдельные строки и образы кажутся довольно эффектными, «ударными», хотя и с некоторым эллипсисом, стяжением смысла, нарушающим привычные ассоциации слов, и требующим уточнения и подтверждения в дальнейшем. Но автор ни на миг не останавливается, гонит стих вперед (или гонится за ним), и смысл уже не равен сам себе, петляя среди нескончаемых метафор, паронимов и аллитераций. Стихотворная строфа никак не стремится к замкнутому совершенству, не верит в возможность классической самодостаточности, поэтическая мысль кивает на следующую строфу, но и та ведет себя точно также и множится в меняющихся отражениях и переносах, не решаясь на заключительную коду. Это похоже на принцип Большого Взрыва: чем сильнее первоначальное сжатие, тем больше последующее расширение и хаотическое разнообразие.

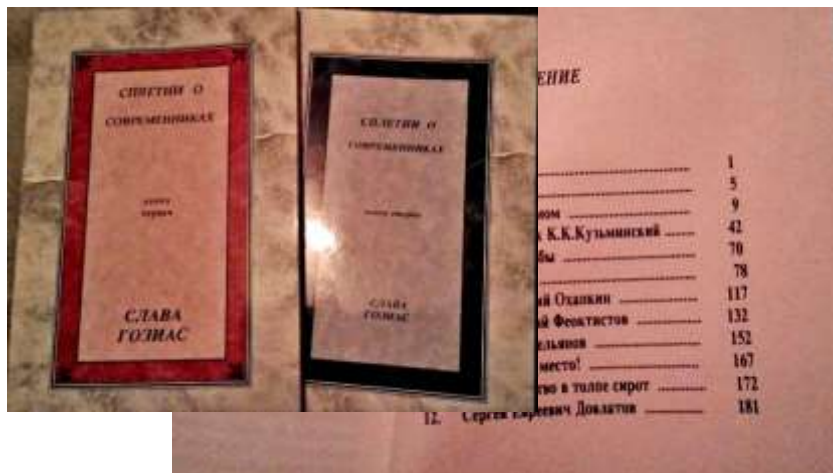
Поэта далеко заводит речь по путям расходящихся словесных тропок (равно и «тропов»). Иногда так далеко, что устаешь за ним следовать.

тянет слово за собой
упираюсь а напрасно
тут в поэзии изгой
поднимается на праздник...

Если современный поэт, избавляясь от архаичной песенности, все чаще говорит специфической прозой, усложняя и уплотняя смысловую суть, то Гоziас, напротив, остается в традиции рифмованной прозы, раешника, частушки и прибаутки, зонга и шванка, некой «сермяжной» песенной речи, временами напоминающей средневековый фольклорный роман, а временами переходящей в иеремиаду и ветхозаветный плач. Но российские корни и послевоенный опыт «юродивого» бытия неизменно превалируют над чисто литературным опытом. Всем известны «шестидесятники», но Гоziаса-Скоморохова и круг его друзей правильно было бы назвать «пятидесятниками», а сами себя они называли представителями *уличной* литературы.

я темно уличный
не шпана и не пижон
у меня на завтрак бублички
чтобы дыркой окружен
я глядел в дыру отечества
сквозь года и океан
но душа висит конечностью
когда слабостью я пьян...
...пусть новой жизни горечь и остуда
останутся как пустоцветы там
где улица вела сдавать посуду
а уводила в посторонний храм
...там бога поминали несуразно
и всеу поднимали плач о том
что каждый день должен быть божий праздник
а не кормежный вид лопата лом
трудиться хорошо для беззаботных
или для тех кто тщится крышей стать
я отношусь к толпе полуголодных
сирот страны – Россия наша мать...

Но все мы временные гости в мире бесконечного расширения и инфляции, и итог всегда один: авторы не догонят речи, о чем и речь. И «часть» ее – от Гоziаса.

...прямых путей от древности не сыщешь
 не только к богу
 но и к черту тоже
 и новым парком названо кладбище
 там хорошо
 там духи не тревожат
 там привидений нет
 но есть укрытия
 там нет любви зато отказу нету
 и нет соблазна
 вовсе не политик
 хочу туда
 карету мне карету.

* * *

Гоziас издал еще два тома мемуаров («Сплетни о современниках»). На деньги супруги, работавшей кассиршей в тeхасском супермаркете. К сожалению, в продажу они не поступали и мало кому известно о самом их существовании. К ним я также написал некоторое предувeдомление в качестве, скорее, не пиара, а в результате рефлексии, формирования собственного к ним отношения.

Пара вводных слов о «Сплетнях...» Гозиаса.

Ну, по-чесноку: трудно быть богом, то бишь, объективным. Им-вам-нам-всем. И честь-меру знать-блости. Но это не значит, что остается лишь обделаться и ничего не делать. Суди и судим будешь, рефлексия еще никто не отменял. Культура живет не по закону, а по понятиям. Гозиас *так* дышет и *так* видит. Пусть и тварь дрожащая, но чем-то дорожащая, и право в своем нраве имеет. Что имел, как сумел, то и ввёл. И я введу, от себя.

Друзья-приятели и конкуренты-субутыльники Славы Гозиаса, Горбовский, Битов, Соснора, Довлатов, при жизни добились публикаций, гонораров и скандальной славы, а скандальный Слава так и остался с бэкграундом сироты, беспризорника и скомороха. Обидно, поскольку в качестве искусства словес он ничуть не уступал своим более удачливым современникам. *А в изоциренной мстительности превзошел многократно.*

Герои его «Сплетен» узнаются мгновенно; да-да, как живые, даже и слишком – какие-то детали их биографии, быта, внешнего вида, манер, голоса, запаха кажутся немножко избыточными. Но, может быть, заслужили? Как знать? В общем, Робин Недобрый против литературных шерифов. Но и с восторгом признательности к уму, талантам и подвигам каждого из них.

И последнее: тонкость злословия это тоже талант. Только знающий близко того, о ком Слава пишет, может обнаружить незаметную мину-растяжку на фоне портрета. В частности, помимо утверждения автора о «лживости» Давида Дара (чего, впрочем, так и не смог доказать), он регулярно акцентирует в его речи (в целом, вполне узнаваемой!) словечко «Чё» (надо еще поломать голову, с какой именно целью). Для меня лично показалось бы более правдоподобным, если бы Дару инкриминировались танцы в стиле Нуриева и вокализы в духе Марии Каллас. Но «чё»?.. Подобные же мелкие трюки (или, если хотите, накладки) я обнаружил и в портретах нескольких других, и основных и мельком упомянутых, героев повествования. Не стану больше заниматься здесь блохоискательством, но полагаю, что и с портретами прочих, гораздо менее знакомых мне персонажей, возможна та же история. Другой вопрос, что характер таланта не продашь и не пропьешь, сам автор убежден в адекватности своего виденья мира, торг неуместен, а спор бессмыслен как и бунт.

Да, все мы не боги, но не все и «горшки»...

* * * *

А еще я «оттоптался» на Гозиасе, написав борхесианский рассказец, где на фоне наших литературно-экзистенциальных реалий (именно они-то и были целью написания) я выдумал два «факта»: пропавший, якобы, рассказ Вен. Ерофеева и столь же мифический рассказ самого Гозиаса.

Пусто место.

сюжет рассказа в пересказе с примечаниями и пояснениями

Слава Гозиас, из-под Хьюстона,^{cxlix} незадолго до своей кончины переслал мне электронной почтой большой компендиум своих литературных сочинений. Помимо романов и стихов там был незаконченный рассказ под названием «Пустое место». Главным героем и рассказчиком в нем являлся я сам под собственным именем. А сюжет представлял собой некий легендарный *дискурс* о том, как в 70-е годы 20-го века Венедикт Ерофеев посетил нашего со Славой общего приятеля, прозаика и непризнанного гения, Юрия Шигашова^{cl} (такой визит *действительно* произошел, насколько я знаю!), и – якобы, согласно сюжету рассказа, – оставил у него некий *опус*, написанный в духе постмодернистской металитературы.

Венедикт – и это факт! – никоим образом не был постмодернистом, но – опять же согласно сюжету С.Г. – разочек изменил старой манере в пользу новомодных веяний. В самом же опусе речь шла о том, как *формальные изыски*, словно мелкие бесы, овладевают мозгом спивающегося *Венички* и диктуют ему (ну прям в него!) некие *извилистые тексты*, описывающие т.н. «*смерть автора*», о чем в те годы беспрестанно талдычили кумиры западной интеллектуальной культуры.

В общем, тематика резиньяции, «нулевого письма», инфошума, интертекстуальности и т.п. была Ерофеевым остроумно утрирована и спародирована, от чего и сам рассказ получил соответствующее название. Более об этом рассказе ничего неизвестно; известно лишь то, что прочтя его Шигашову, и не получив его одобрения, автор оставил листки с текстом на хозяйском диване и навсегда забыл о былом хулиганстве... Далее, как повествует Гозиас, Шигашов рассказал об этом нескольким своим приятелям, включая любителя всяческой авангардной свежатинки, Лапенкова (то бишь меня),^{cli} и Владимира Алексеева, прозаика традиционной школы.^{clii}

После смерти Юрия Шигашова в 2002-м году, Лапенков (по Гозиасу, да и *в реале* тоже! – В.Л.) безуспешно (опять же факт! – В.Л.) пытался получить архив покойного у его сына, ныне солидного психотерапевта и автора ряда научных и художественных книг, для публикации отцовского наследия в интернете. По поводу рассказа Ерофеева сын доложил, что не нашел его в архиве отца, но, по слухам, этот рассказ зачитал и не вернул упомянутый выше В. Алексеев. Соответственно (и естественно!) сам Алексеев в таком, недостойном писателя, поступке не признался, но – со значением! – намекнул, что

рассказ был «зачитан» (а бумажный текст присвоен) Евгением Евтушенко, который в годы соввласти тоже посещал Шигашова. Евтушенке,^{cliii} якобы, весьма понравился момент в рассказе Ерофеева, соотносящий «пустотность» постмодерного Текста-Бытия со знаменитым пожеланием царицы Авдотьи Петербургу: «быть этому месту пусту!».^{cliv} Со временем, как отмечает Гозиас, умер Большой Нарратив коммунизма, постепенно отходят в мир иной и его жертвы. Когда через несколько лет умер Алексеев, Лапенков попытался подобраться и к его архиву, но вдова писателя, Валентина, дала ему (т.е. мне) полнейший отлуп и отказала в общении за какие-то его (мои) старые прегрешения.

На этом рассказ Гозиаса обрывается и судьба оригинального опуса Венички остается непроясненной.

Теперь резюмирую, как умею. Собственно, масса деталей заимствована Гозиасом прямо из нашей тогдашней жизни и человеческих взаимоотношений, придуман им только сам сюжет *рассказа в рассказе*. И, несмотря на незаконченность условного текста и фактического метатекста, а отчасти и благодаря этому, в результате получился чистейший, можно сказать, образец рекуррентности, рефлексивности и автореферентности, т.е. типичная *металитература* взаимных отсылок, аллюзий и иронических самопародий. От французского эталона отличность в том, что здесь задействована вполне драматическая история участников питерской неофициальной словесности, где на «пустом месте» коммунистического Ленинграда-симулякра происходила *реальная* деградация, социальное «обнуление» и смерть непризнанных авторов.^{clv} Но тем самым французская «пустая штучка» наполнилась хоть каким-то весомым содержанием.

Другой вопрос (а в общем-то тот же), что в цифровую эпоху обнулились как «первая», так и «вторая» культура, основы и их подрыватели, бомжи и нобелеаты совместно вылетают в трубу и оседают в нейтральных строчках Википедии.

* * *

И напоследок – отрывок из писем ко мне Славы Гозиаса, где он обрисовал свою литературную ситуацию (копия с авторского оригинала эмейла).

«...у меня несколько иное мнение о редакторе и авторе, думаю, что серьезности тебе не занимать, а мнение твое занимательно в любом разрезе-отрезе-ковыркоте или бостоне. Мне главное твои мысли на приистечение текста похожего на шиз, но сознательно копающего там и тут про нашу цивилизацию, идеологию и власть, и мне кажется (я-то уверен), что всё это одинаково в народах, разве что танцы-шманцы-

обжиманцы разнятся по причине расстояний. Ну на то 21 век, чтобы всё смешалось в доме Облонских, а под паровоз не хочется с Анной или в отдельности. Опять же уповаю на разум (возможный и общественный), который либо уйдет от катастрофы, либо перетянет человечество куда подальше от гибели. Короче - не отступлюсь от тебя, ибо доверяю. Ещё: завтрава или в субботу пошлю код перевода и текст ДНЕЙ.

Про мои творения сложнее - послать для чтения нужно с десятков книг на тысячи две-три страниц, что мне дороговато, а тебе - головная боль. Нечто можно прочесть в компьютере на Яндексе или Гугле, но главное у меня под гузом: трилогия ОКОЛО СЕДЬМОГО НЕБА, где роман МУЗЫКА ПО ОГЛОБЛИНУ, Легенда про Зятюшкова и известный тебе Скоморохов. Мою Деревенскую хронику как бы похвалили в ЛитРоссии, но мне кажется ничего там не вняли. Хитрец Слава на титуле романа написал "чувства и мнение эмигранта", а дело-то в деревне, в её неестественной гибели от государства, и место действия село Остолопово, погибшее от Камской гидры. Сборник повестей с одними героями в каждой, любопытен тем, что это часть не совершенной работы о людях Васильевского острова. Куски были опубликованы в сборнике с Володиёй Алексеевым. Набор романов и повестей равен приблизительно десяти, но особой важности не тянет - это была отработка чувств и память о исключительных людях, будь то царь Давид или русская баба Татьяна (роман о Татьяне) - они мне держались в крови, хоть причины разные: не мог я не писать про них.

На компьютере есть книжка МАЯТНИК, АПОКРИФ и стихи Легенда, сон, апрель, всё это издал Житинский в Геликоне в 2010 г.

А стихи в общей куче занимают около 3000-4000 страниц - это целая история от поры еще живого Глеба до отшельнического жития в Техасе. Тут нужен не ум, а критик, и это в будущем.

Так что, Борисыч, помогай грызть расстегай, а крошки сам поем (может быть поэм?).

весь вот такой разговорчивый Слава Г.»

* * * *

То, что я знал и о чем написал в своих мемуарах о Гере Григорьеве, имело продолжение. Мне удалось-таки вычислить одного из оставшихся в живых приятеля Германа, у которого сохранилась часть авторских рукописей. Кое с чем я поработал и даже опубликовал (пьесу «Головоходы» и сокращенный мемуар «Вышли мы все из Сайгона», в своей редакции) в малочитаемых изданиях («Русский журнал» Василия Чернышева и интернет-альманах Евгения Линова «Квадрига Аполлона»). И тоже дал свое предисловие и последующие комментарии.

ВЛАДИМИР ЛАПЕНКОВ ПРЕДСТАВЛЯЕТ.

Герман (Гера, Георгий, «Герасим») **Григорьев** (13.08.1937, Горловка, Донбасс – 05.02. 2015, ст. Песь, Новг. обл.). Поэт, бард, прозаик, мемуарист, драматург. Самый невостребованный, совершенно забытый и фактически неопубликованный автор. В тоже время – несомненный талант, невероятная биография, парадоксальный характер: богемщик-сайгонщик, русский националист, профессиональный бомж... *Он был лично знаком со всеми представителями ленинградского андеграунда 50-х – 80-х: поэтами и художниками, артистами и музыкантами, фарцовщиками и диссидентами. И удостоился лишь нескольких строк в воспоминаниях двух-трех своих современников в маргинальных изданиях, посвященных «кофейной» культуре эпохи «Сайгона».*

Чуть подробнее: отец погиб в Финской кампании, мать (родом из Мариуполя) была угнана в Германию, детский дом, в котором он находился во время немецкой оккупации, лишь чудом не сожгли фашисты. Закончил ремесленное уч-ще, занимался самообразованием, с 57-го года – в Ленинграде. Под впечатлением чтения летописей писал в 60-е гг. пьесы и поэмы на древнерусские темы: *«Олег, кн. Киевский»*, *«Св. Ольга»*, *«Святослав – иду на Вы»* и др. (И. Бродский, которого Г. жестко критиковал, отзывался о них: «Вполне добротный XIX век»). В 78 и 80 гг. был осужден за тунеядство и бродяжничество (эти события отражены в утраченной автобиографической повести *«Один на льдине»*). Автор блестящей сатирической пьесы *«Головоходы»* (зак. в 1974 г.), посвященной культурному быту ленинградского андеграунда на примере круга К.К. Кузьминского. Также является автором пьес *«Люстра»* (о 1937-м годе), *«Мансарда»* (о неофициальных художниках), *«Катран»*, мюзикла *«Смерть олигарха»* (рукописи пока не найдены), воспоминаний *«Течет портвейн в канале Грибоедова»* (отрывки публикуются).

Переиначив старое клише: Георг – кораб контрастов. Не удивляет его дружба с Горбовским, гумилёвщина и Достоевщина, отрицание эстетики Бродского и формализма Кузьминского, морализаторство, антилиберализм и т.д., недоверие к Довлатову (тот служил в вохре, а Г. на зоне лупили табуретом за невыполненную норму). И одновременно – восхищение Л. Аронзоном и поэзией Елены Шварц, устройство выставок авангардистов и врожденный антитоталитаризм...

Любимые писатели Г.Г. – Гоголь, Гомер и Шекспир, поэтому не столь уже странно, что, считая себя непризнанным гением и истинным патриотом, он мог «манкировать» интересом к нему театральным ежиссером/завлитом и сознательно не печататься ни в официозе, ни в самиздатских журналах (притом, что был близко знаком с их редакторами).

Последние свои годы прожил в одиночестве, в избе с разбитыми окнами, топя печь газетами. На сохранившихся рукописях остались прямые и явные следы болезни, от которой он умер – открытой формы туберкулеза.

Примечания к пьесе «Головоходы».

К пьесе Г. Григорьева, гротескно описывающей эпоху андеграунда 60-70-х, безусловно требуется исторический комментарий, и вряд ли один единственный человек способен его дать, не запутавшись в материале. Хотя остается надежда, что среди читателей этой пьесы найдутся сведущие интересанты. Со своей стороны могу лишь указать на самые очевидные прототипы героев: «Косьминский» – К.К. Кузьминский (в позднем рукописном варианте пьесы он превращается в «Валентина Валентиновича Конькобега»). «Евсей Юпп» – Михаил Евсеевич Смоткин-Юпп (в будущем отмеченный кучей наград, включая медали им. Гёте, Лермонтова, Ломоносова и т.д.). «Кожемякин» – Михаил Шемякин. «Йог» в пьесе (Мерцалов, Гнуев, а в одном из вариантов – Скороходов) это сам автор. «Глеб Вяземский» – Глеб Горбовский. «Сюзанна Хойт» и «мистер Причард» это Сюзанна Масси (на момент написания – в будущем, на момент прочтения – в прошлом: советник Р. Рейгана по русской культуре и куратор Павловского парка) и ее муж, Роберт Масси (автор книги «Николай и Александра»).

Сведения об указанных прототипах можно легко найти в интернете. Сложнее с другими героями. Возможно, что некоторые из них это обобщения сразу нескольких личностей. Мне кажется (с большой долей уверенности), что «Яда Шпаковская» это Юлия Вознесенская (хотя у нее и не было «брата Юлика»). «Степан Землегляд» – здесь в первую очередь напрашиваются имена фотографов

Бориса Смелова или Геннадия Приходько, но дело осложняется тем, что первый из них был тогда весьма молод, да и второй только-только (по времени написания пьесы) вошел в этот круг, а главное, оба они не были одновременно и «скульпторами» (так же как и фотограф, приведший их к Кузьминскому, Борис Кудряков). Т.е. герой этот воплощает сразу несколько прототипов, включая, к примеру, художников – Михнова, Петроченкова, Левитина, Белкина и других. «Юрий Алексеевич Гаркавый» представляется мне образом поэта Виктора Ширали или поэта Юрия Алексеева (или даже их обоих).

Следует учитывать и субъективность авторского отношения к героям: так, в отношении самого непрезентабельного персонажа пьесы, Ерикалова, в тексте присутствует недвусмысленный намек на поэта Охапкина, что для знатоков личности и творчества Олега Охапкина представляется чистейшей воды инсинуацией. С другой стороны, своего любимца, поэта Горбовского, автор наделил еще и профессией астронома. Безусловно, в пьесе могут быть отсылки и к другим персонажам тогдашнего андеграунда, но у автора уже не спросишь. Поэтому всё это слишком гадательно. Например, кто такой «Одарчук»? Андрей Битов? Валерий Молот? Виктор Соснора? Леонид Чертков (кстати, коллекционировал статуэтки Будды)?.. А кто такой «москвич Чернобриссов»? Учитывая драматургическое значение упоминаемого персонажа, скорее, это не Владислав Лён, Владимир Алейников или даже Венечка Ерофеев, а чистый символ.

В общем, серьезные комментарии и возможные споры еще впереди.

* * *

Ниже – мои комментарии к Воспоминаниям Г. Григорьева, которые я в сокращенном виде опубликовал в альманахе Вас. Чернышева «Русский журнал» № 21, 2022, СПб.

Несколько замечаний от редактора-публикатора:

Публикуемые отрывки касаются в первую очередь истории лэн. андеграунда глазами самого глубинного его представителя, оставшегося, в отличие от ряда его друзей, непризнанным и не востребованным до последних дней своей жизни. В значительной части опущены – позднейшие – пространные рассуждения автора на темы духовности русской классики и бездуховности «загнивающего» Запада и эмиграции. Надо сказать, что, несмотря на видимое обилие персонажей, в авторском тексте не упомянуто *не меньшее количество имен*, с которыми так или иначе контактировал Г.Г.

Также нельзя не отметить, что характеристики многих героев не только весьма шаржированы, но и в ряде случаев требуют дополнения и уточнения. В частности, мельком упомянутая на начальных страницах, «Хильда» это Татьяна Горичева со следующих страниц, феминистка, религиозный философ, которая одно время была замужем за В. Кривулиным, вела вместе с последним рел.-фил. семинары (естественно, это были «квартирники») и переписывалась с Хайдеггером. Художник Владлен Гаврильчик был одновременно и автором уникальных стихов. «Беллетрист» Борис Кудряков, не только автор новаторской экзистенциальной прозы (в новые времена – лауреат Тургеневской премии), но, наряду с Борисом Смеловым, родоначальник неофициального авангардного фотоискусства (самый известный его «фотонатюрморт» – горящий том романа Тургенева). Кузьминский – не просто «монстр» и центральный столп питерского андеграунда, но создатель уникального 9-томного собрания неофициальной поэзии «Голубая Лагуна», книги о художнике Василии Ситникове и ряда других произведений. Илья Левин – после перипетий эмиграции, в последние годы был дипломатом (атташе) Госдепартамента в России и в Афганистане. «Конспираторша» Юлия Вознесенская была феминисткой и правозащитницей, за что отсидела срок, а закончила жизнь православной писательницей в Германии. «Некий Борис Иванов» – Борис Иванович Иванов – писатель, один из создателей Клуба 81, рел.-философ. семинаров, ленинградского Народного Фронта, премии им. Андрея Белого, энциклопедии «Самиздат Ленинграда», книги «История Клуба 81», самиздатского журнала «Часы» и др.

И т.д.

* * * *

Наш совместный с КKK проект – эссе 2003 года на сайте *Сетевая словесность*, посвященная вышедшей незадолго до этого *Энциклопедии самиздата*. (в данной публикации опущены фотографии из оригинального издания)

В.Б. Лапенков, К.К. Кузьминский и Другие.

ПЕТЛЯ САМИЗДАТА

// биобиблиотриллер в письмах и документах //

Из письма Лапенкова Кузьминскому:

Дорогой ККК! Дошла ли до Вас вышедшая недавно энциклопедия "Самиздат Ленинграда" (под. ред. Иванова, Долинина, Северюхина)? Польза от нее возможно и возможна... Наверное... Но я уже обнаружил массу неточностей, пропусков и прочих блошек. Так, у меня появился новый псевдоним, "В.Константинов", а из реального псевдонима, "Констаниади", вылетела буква.

Валерий Холоденко превратился - зачем-то - в ученика Сосноры. Не попал в книгу Юрий Шигашов, хотя я напоминал о нем Иванову (а ведь фамилия Шиша имеется в перечислении авторов "Лепрозория-23"). Зато присутствуют такие "великие" писатели как младший Кушнер (Женька) и его друбаны. Есть и другие мелочи.

Не думаю, что лишь я один такой избранный, наверное и прочим досталось? Жалкое впечатление производят фотографии: хорошо видны не только дефекты, кои легко можно было бы исправить, но и дополнительные изъяны, которые появляются при неправильной компьютерной обработке. Профессионалы, блин! Но ладно бы техника, а концептуальный подход? ...что там забыли в андеграунде <.....> и ряд других вполне успешных товарищей? Бог с ним, но что зло вызывает: некто, никому неизвестный, Г. Бревде наличествует в фоторяду, а вот для фото Дара, упоминающегося чуть не на каждой второй странице, места почему-то не нашлось (хотя и я и Трифонов все это заранее предлагали)!

Одним словом, книга под редакцией поручика Кижес и Фомы Опискина.

Статья из ответа Кузьминского Лапенкову (курсивом прим. К.К. к тексту энциклопедии; с сохранением авторского стиля и орфографии):

ПЯТЬ ПЕТЕЛЬ ДЛЯ ЧЕТВЕРЫХ ДЕКАБРИСТОВ

Рецензия на: Самиздат Ленинграда. 1950-е - 1980-е. Литературная энциклопедия. Под общей редакцией Д. Северюхина. Авторы-составители: В. Долинин, Б. Иванов, Б. Останин, Д. Северюхин.

М.: Новое литературное обозрение, 2003. - 624 с., ил. ISBN 5-86793-216-8

В своей работе мы постоянно пользовались консультациями Сергея Дедюлина (Париж), Эдуарда Шнейдермана и Владимира Эря, множество замечаний и предложений которых учтено при подготовке книги.

Книга представляет собой единственную в своем роде энциклопедию ленинградского неофициального литературного движения, история которого охватывает почти сорокалетний период - от первых послесталинских лет до распада СССР. В нее вошли биографии 350 ленинградских поэтов, прозаиков, драматургов, критиков и философов, а также более ста очерков о самиздатских журналах, альманахах и сборниках, о неофициальных литературных кружках и группах, о нелегально действовавших семинарах и конференциях...

Вступительная статья В. Долинина и Д. Северюхина "Преодоление немоты" представляет собой развернутый исторический очерк, посвященный ленинградскому самиздату. В книге имеется раздел "Хроника событий", а также обширный библиографический раздел. Помещена статья Б. Иванова "Литературные поколения в ленинградской неофициальной литературе: 1950-е - 1980-е годы". Публикуются фотопортреты (более 130) авторов самиздата.

.....
В университете и других вузах города оживилась работа литературных объединений (ЛИТО), иногда служивших, по словам одного из их участников, "островками неподконтрольного вольномыслия" и представлявших собой относительно свободные поэтические кружки. Наибольшую известность приобрели ЛИТО Технологического института им. Ленсовета (по выражению* Константина Кузьминского - "технологическая школа": Дмитрий Бобышев, Анатолий Найман, Евгений Рейн), Горного института ("геологическая школа": Леонид Агеев, Андрей Битов, Владимир Британишский, Яков Виньковецкий, Глеб Горбовский, Александр Городницкий, Олег Тарутин) и филологического факультета университета ("филологическая школа": Леонид Виноградов, Михаил Ерёмин, Сергей Кулле, Михаил Красильников, Лев Лифшиц (Лосев), Владимир Уфлянд и др.

** "технологжу" я школой не обзывал, только - филологов и геологов, чтоб как-то разбить по месту принадлежности (кругу); эти 4 гуся (плюс "и примкнувший к ним" Бродский) - идут у меня под маркой "ахматовские сиротки", Ант[ология У Голубой Лагуны], 2Б*

<...> Борис Тайгин и его издательство. К ранним 1960-м относится начало уникальной издательской деятельности Бориса Тайгина (псевдоним Бориса Павлинова), который в 1953 вышел из лагеря, где отбывал срок за "музыкальный самиздат" - подпольное изготовление граммофонных записей "буржуазного" репертуара на использованных рентгеновских снимках (по выражению тех лет - "на ребрах").

Вскоре после возвращения в Ленинград Тайгин стал фанатичным собирателем труднодоступных классических стихотворных текстов (Николая Гумилева, Николая Заболоцкого, Ильи Сельвинского, Марины Цветаевой), а также произведений непубликуемых молодых авторов. Тексты любовно и тщательно перепечатывались на машинке и переплетались в сборники объемом до нескольких десятков стихотворений, снабженные маркой его издательства "Бэ-Та" ("Борис Тайгин"). В 1962-64 были выпущены книги до той поры не издававшихся Геннадия Алексеева, Дмитрия Бобышева, Натальи Горбаневской, Якова Гордина, Михаила Ерёмкина, Евгения Рейна и многих других современных поэтов. Эти сборники не только распространялись среди любителей поэзии, заменяя типографские книги, но в некоторых случаях сыграли заметную роль в литературной судьбе их авторов. Так, сборник стихотворений Николая Рубцова "Волны и скалы", напечатанный Тайгиным с помощью нелегально добытых типографских литер, помог поэту поступить в московский Литературный институт, а первая книга Иосифа Бродского "Стихотворения и поэмы" была переправлена в США и издана там в 1965, когда ее автор находился в ссылке в Архангельской области. В сборниках издательства "Бэ-Та" сохранилась важная часть поэтического наследия Глеба Горбовского, не проходившая в официальную печать.

Многие проекты, в том числе два выпуска поэтического альманаха "Призма" (1961, 1962*), тираж которых удалось довести до 100 экземпляров, и "Антологию советской патологии" (1964) со стихами ленинградских и московских авторов, Борис Тайгин осуществил вместе** с поэтом Константином Кузьминским.

Издательская деятельность Тайгина и Кузьминского положила начало систематическому сбору и хранению литературных текстов, написанных не для официальной печати, и во многом предопределила тот серьезный подход к самиздату, который прочно укоренился в ленинградской неофициальной культурной среде.

* *"призма-62" - не вышедшая (о чём в Ант.) - мои стихи там были; "призму-61" - показывал мне тайгин, поскольку познакомились мы - в 62-м;*

** *в составлении АСП - участвовали со-редакторами Гр.Л.Ковалёв и Виктор Соколов*

обо всём этом - в Ант., см.

Тайгин, ко всему, подкинул ещё и кликуху - Аркадию Северному, пища его "на рёбрах" с Соловейчиком-Рублёвым (но это уже - к "бардам-ашугам-рапсодам-и-менструэлям", по моему выражению; весь этот "кукин-клячкин-слёзки-сироткин-полоскин-нахамкин", опять "по-моему же", из которых я имел несчастье породить, с женой - кошмарного клячкина, зимой 1961-62...)

<.....> Константин Кузьминский. Новый стиль поведения. С 1960-х* двадцатичетырехметровая комната поэта Константина Кузьминского на верхнем этаже флигеля** во дворе между Красной (ныне - Галерной) улицей и бульваром Профсоюзов (ныне - Конногвардейским) превратилась в центр неофициальной культуры, где проводились литературные чтения, вечера, выставки живописи и фоторабот, печатались самиздаты.

К этому времени Кузьминский получил известность как поэт и знаток ленинградской неофициальной культуры, собиратель литературных текстов и пропагандист свободного искусства. Можно сказать, что дом Кузьминского, наряду с мастерской Михаила Шемякина на Загородном проспекте, стал образцом нового богемно-артистического стиля, не без влияния которого в дальнейшем складывался быт многих квартир, где жили литераторы и художники, действовали салоны. По словам Юрия Новикова, "квартира Кузьминского являла собой вавилонскую башню эстетических пристрастий, творческих амбиций, где устанавливались новые знакомства, пересекались информационные потоки "из первых уст". И, безусловно, посещения этого дома просвещали, воспитывали вкус, творческую отвагу. Здесь не оставалось и следа от той подавленности и униженности, что испытывали в обычном окружении инсургенты независимого искусства".

** помянутая комната, окнами во двор (в квартире с женой и матушкой) появилась лишь после кап.ремонта и размена в 1971-м; с 1940 по 1970 мы с матерью жили в 20-метровой кишке (9 м длиной и 2м 10 см шириной), окном на бульвар; поэты в ней случались, и художники тоже, но выставок и чтений я там не устраивал*

*** и это был не "флигель", а 4-й этаж жилого дома №15 (по бульвару), некогда квартира камер-фрейлины её императорского величества 2-жи кульневой (потомка генерала 1812-го года), превращённая в коммуналку, чуть не во всю глубину проходного дома (9 семей, 11 комнат, 28 человек); после ремонта (1965-66) была разбита на отдельные квартирки, где нам с матерью досталась 24-метровая комнатница, в двухкомнатной, с соседкой-парикмахершей в 9-метровой, "на троих" (отдав ей 20-метровую комнату жены в конце староневского, мы оказались в отдельной семейной квартире, с матерью), что и позволило мне безобразничать с поэтами, выпивками и выставками*

Среди постоянных посетителей Кузьминского были десятки художников и поэтов, в том числе Юрий Алексеев, Александр Арефьев, Анатолий Белкин, Василий Бетаки, Дмитрий Бобышев, Тамара Буковская, Анатолий Васильев, Яков Виньковецкий, Юлия Вознесенская, Владлен Гавриличик, Глеб Горбовский, Михаил Ерёмин,

Владимир Кривошеев, Виктор Кривулин, **Сергей Кулле**, Борис Куприянов, *Александр Кушнер*, Валентин Левитин, Олег Лягачев, Валерий Мишин, Александр Морев, Владимир Овчинников, Олег Охапкин, Юрий Петроченков, Евгений Рухин, Виктор Соснора, Сергей Стратановский, *Владимир Уфлянд*, Петр Чейгин, Виктор Ширали, Владимир Эрль, москвичи **Василий Аксенов**, *Александр Величанский*, *Венедикт Ерофеев*, **Юрий Кублановский**, Слава Лён, **Генрих Сапгир**, *Ольга Седакова*.

** курсивом выделены бывшие по одному-два раза, жирным - которых я отродясь и в глаза не видел... кто мне "назвал этих гостей" - ума не приложу.*

Летом 1972* Кузьминский при участии** Бориса Тайгина выпустил сборник стихотворений 14 поэтов "Живое зеркало: Второй этап ленинградской поэзии"*** с предисловием Давида Дара. Этот сборник стал первым опытом поэтической антологии в ленинградском самиздате, выдержал несколько переизданий и имел широкое распространение. В 1975 Кузьминским был подготовлен сборник прозы 23 неофициальных авторов "Лепрозорий-23".

** в феврале 1973, далее, двухтомно, в 74-м*

*** не участвовал никак, но мне для Бореньки не жалко*

**** о "зеркалаx" (коих было - 4, начиная с сюзаннинного, 1972) - надоело и говорить: 5 поэтов, 12 поэтов ("алипиевская антология", 1973) и 2 "возрастных", по 14 (1973-74); 5-е зеркало, "юг" - было составлено, но недосостоялось (нехватало поэта-пианиста и прозаика Б.Фалькова) и было оставлено в доработку ю.вознесенской и н.лесниченко (ими же - и утрачено, справляться - у кошелева-коришунова, в гзбэ)*

В 1973 Кузьминский организовал на психологическом факультете ЛГУ первую "Экспериментальную выставку графики-фото".* Вторая подобная выставка в начале 1974 состоялась у него дома. В течение лета** 1974 в его квартире продолжалась выставка 23 художников-нонконформистов, которую посетило не менее тысячи человек. Экспозиции у Кузьминского, наряду с ранее состоявшейся выставкой в Кустарном переулке в мастерской Владимира Овчинникова (1971), сыграли важную роль в процессе консолидации художников накануне выставочного прорыва в 1974-75.

**выставка именовалась "выставка графики и фотографии" (поскольку вместо забздевших и слинявших В.Левитина и Л.Авидона - мне пришлось бросить в прорыв фотографов), 13 участников, включая 5-летнюю Доротею Шемякину (тогда гениальную)*

*** выставка "23-х" открылась сразу ПОСЛЕ сентябрьской, "бульдозерной", как антитеза; за ней - выставка 13-ти фотографов "под парашютом"; далее - "образ меня в современном искусстве", "однодневная выставка 4-х лидеров (для 3-х с половиной дипломатов)" (рухин, жарких, леонов, овчинников); с сентября по весну - выставки или одна за другой, иных уже и не помню, или - и не было (но ссылаются - тот же валентин-мария тилль, устами в.вальрана)*

Летом 1975 Константин Кузьминский эмигрировал, предварительно нелегально переправив за границу множество рукописей и микрофильмов обширного собрания поэтического самиздата. Это собрание послужило основой для выпущенной им в Ньютонвилле (штат Массачусетс) многотомной (9 томов объемом по 800-900 страниц) антологии новейшей русской поэзии "У Голубой Лагуны", снабженной большим числом сопроводительных текстов, фотографий и репродукций (составителем этой антологии считается* также Григорий Ковалёв - слепой с раннего детства ценитель и собиратель поэзии, прозванный за свою феноменальную память "Ходячим магнитофоном"**. "Голубая Лагуна" стала естественным продолжением самиздатской деятельности Кузьминского, сохранив характерные черты ленинградских машинописных сборников

** не "считается", а намеренно и сознательно указан мною, поскольку с ним мы и начинали всю эту бодягу в начале 60-х (1962-м)*

*** о "памяти" Григория Ковалёва (отсутствовавшей начисто) - см. в томе 1-м моей (нашей) антологии; парашу пустил витюша кривулин (дошло до того, что цитируется-рекомендуется на сайте информатики); "бродячим магнитофоном" назвал я сам себя (или - союзанна масси?), узаконил в заглавии статьи - Миша Трофименков ("Смена", ок. 1988)*

Кузьминский одним из первых осознал значение неофициальной культуры, понял необходимость ее внимательного изучения и сохранения. Его общественная деятельность во многом способствовала установлению тесных связей между художниками и литераторами, что стало важной особенностью неофициальной культуры Ленинграда.

... более примечаний не имею (о себе); об остальных - вероятно, с той же достоверностью. шнейдерман бывал у меня с января 1961, эрль - с 1967-68 (?), дэдюлина (обкарнавшего мою статью о бродском) - нэ знаю*

** сняв вполне невинное примечание: "а на нобелевском фото - бродский похож на собственную бабушку" (эссе "лауреат эрики", "русская мысль", дату не помню - к нобелю)*

АКАДЕМИКОВ - НА ФОНАРЬ!

(24 июня 03, Вторникъ, Свв. 222 новомучениковъ Китайскихъ, убиенныхъ при боксерскомъ возстаніи. Иконъ Божіей Матери Абульскія и "Достойно есть").

Р.С. емельный базар по поводу присланной мне пару лет назад парашной биографии (б.и.ивановым, б.останиным и г.донским) - лень искать, а на сайте НЛО - приводится только вступление к этой энциклопудии

более гг. составители - ничем у меня не поинтересовались, что и привело (вероятно и у в.и.эря - тоже, ограничившись "малой садовой") что характерно

PS (зачем?):

... и, кстати, неизмеримо главную роль в питерском поэт-самиздате - сыграл слепой, Григорий Леонович Ковалёв

Тайгин собирал Горбовского и первоиздавал Рубцова (помимо всякой мелкой шушеры: оскара карасика, в.ловлина-луговского, ю.паркаева, а.базановской, эстер вейнгера и т.д.; и меня, начальню)

Ковалёв же балдел от Сосноры, знал и любил Ходасевича, Оцуна и Поплавского; и осуществлял связь с Москвой (Аликом Гинзбургм), снабжая нас Холиным и Сангиром, Чудаковым и Буричем, Мамоновым, Красовицким и чорт те кем

Бродского, в 1961-62-м мы собирали с ним на пару (по всему Питеру и даже Москве), я имел тексты от самого Иосифа, Гришика - отовсюду, Тайгин же осуществлял техническую часть

попутно, стараниями Тайгина и Ковалёва (менее - меня), были собраны и первоизданы и остальные "сиротки": Рейн, Бобышев, Найман, Шраер-Петров, Гордин и прочая мелочь

такое и трудилась троица - лебедь, рак и щука, но воз в 1962-64-м - был несколько сдвинут с места

/неокончено за бесконечностью, 25 июня 03/

Привлечение от Эря:

"... ну что Вы за бестолочь такая, прости Господи!

Я Вам уже раз пять писал, что познакомились мы весной 1969 года, а Вы всё талдычите, как заведённый: "шнейдерман бывал у меня с января 1961, эрль - с 1967-68 (?)"! Я, кстати сказать, совершенно не помню Вашего первоначального (на бульваре) жилья, хотя, смутно припоминаю, что там бывал; по крайней мере, помню, как мы вместе ходили на Старый Невский (где Вы однажды изволили на моих глазах со страшным рёвом

сверзиться с топчана). Так что относительно постоянным свидетелем я был только с 1970 года.

Файл "Samizdat" я переслал Северюхину, ему пригодится и он будет благодарен. **Кстати, он предоставлял мне полный текст всего словаря, который я тщательно изучил и куда внёс множество разных поправок, оговорок, замечаний и т.д. И, конечно, совсем не "ограничившись "малой садовой"".** Не хочу преувеличивать свою роль, поскольку многого не знаю, но старался как мог.

Кстати, вступительную статью готовят к изданию отдельной книжечкой. Если Вы заметите ещё какие-либо неточности, то пришлите, пожалуйста, возражения (дополнения)! Их обязательно учтут! "

(емеля на вышеприводимое, от 25 июня 03)

... вешать придётся не одного северюхина (и его помянутых в титле декабристов), но и информанта В.И. Эрля

А propos: на период активности Ковалёва/Тайгина (1962-64 гг.) Эрлю было менее 17-ти лет (1947 г.р.), и о роли их он знать никак не мог, разве - post factum

(остальные информанты и со-составители - и паче того знать не могли, и не знали - зная их, утверждаю)

однако же, о "пяти зеркалах" (американское, алипиевское, двухтомное и южное) - полагаю, мне, как составителю и изготовителю (единоличному) - как-то лучше знать

о датах: начиная с истории в школе - имел троечку с натяжкой, за таковые

помню только дату своего рождения, и ещё некоторые, случайные на малой садовой эрль подошёл ко мне (с вопросом о бакинском сектографированном издании хлебникова) - в период моего гражданского брака с н.в.казимировой (осень 1964 - осень 1967), падчерицы н.н.пунина - поскольку вопрос касался именно библиотеки н.н.

позднее я, вместо благожелательного ответа, грубо наорал бы на вопрошающего (быв с бывшей супругой в весьма натянутых отношениях - года до 1969-го)

тогда в.и.эрль, возможно, прав - но так ли это важно?

как было указано, на бульваре профсоюзов, дом 15, кв.7 - поэты/художники бывали эпизодически (по причине строгого ока матушки, заслуженной учительницы) лишь ДО кап.ремонта (1964-65); далее и я там (в кв.21, того же дома), практически, не бывал - до 1967, проживая в 1964-65 у супруги на плехановской, а далее, с 1965-го - на дворцовой наб., в бывшей квартире академика тарле (мемориальная доска висела меж наших двух окон), и только осенью 1967 вернулся в комнату с матерью

летом 1970, по причине брака с э.к.подберёзкой (на свадьбе

зафиксированы на фото в.и.эрль, о.а.охапкин, в дупель пьяный в.а.соснора, ю.ишгаиш, г.чугунов, сюзанна масси, кто ещё - не помню; снимал б.кудряков, он же "гран-борис"), стал жить "на два дома", на староневском и на бульваре, до размена в 72-м

и с 1973-го - началось функционирование квартиры №21, до отъезда летом 1975 - каких-то два с половиной года

то же относится к моей активности в период 1962-64 гг., с б.тайгиным и гр.ковалёвым - опять же, где-то 2 с половиной, всего менее важные (но предваряющие) события:

лето 1959, курилка публички - попытка издать рукописный или на гектографе журнал (участники: валерий марков, марго фролова, а.шашилов; м.пчелинцев, н.завельский, станек киселёв от них), неосуществлённая

декабрь 1959, биофак лгу, стенная газета "зуб" (участники: б.соков, б.безменов, ю.климов, в.молот)

реакция: открытое письмо комсомольской организации матмеха, фельетоны в газетах "ленинградский университет" и "смена" (досталось, в основном, молоту - за его статью об американском кино)

декабрь 1962, кафе "улыбка" в гавани (по рекомендации в.молота): выставка и чтение под моим кураторством (участники: "мухинцы" а.юдин, в.иванов, скульптор-бакинец санан, кто-то ещё; поэты: э.шнейдерман, в.кривулин, в.соколов, е.пазухин?, я)

скандал, из кураторов меня похёрли (а готовились вечера и.бродского и е.клячкина на январь 1963)

моя первая попытка сочленять поэтов с художниками в промежутках, случалось, работал - чорт-те где и чорт-те кем (см. копию трудкнижки, весьма неполную)
(25 июня 2003)

осетровы-севрюгины-белугины - меня как-то спросить не удосужились

они обо мне - писали

источник, похоже, один - АБС (адна баба сказала) - судя по предисловию и двум известным мне "биографиям": моей и молота

ЕЩЁ ОДИН ОТЗЫВ, на вышеписанное-цитированное:

"Костя, я прочитал все. То бишь про тебя и <.....>. Про тебя - написано языком совкового филолога. Читать скука смертная. Ни искры, ничего. О моральном подвиге людей писать тем же языком что и инструкцию для видеомэгнитофона.

Жуть, Костя, советская власть - это стиль, изжить его невозможно."

(емяля от Андрея Загданского, автора фильмов "Толкование сновидений", "Вася" и др.)

и я с ним полностью согласен...

(26 июня 03)

Лапенков Кузьминскому:

"Дорогой КК! Я позволил себе Ваши 5 намыленных петель отослать Б.Иванову для будущего ума. Якобы готовится приложение с исправлениями и дополнениями (т.е. ни хрена, конечно, не готовится, но туманно обещают и потому принимают претензии). Разговор мой с БИИ тяжеловат оказался, как и в случае с выходом в Лимбахе сб. лентпрозы 70-х (не помню уже - отписывал ли Вам о выбрасывании оттуда Дара и Холоденко и замене их женской, хотя и бесполой, и деревенской, то ж достоинствами коротковатой, прозой?). Поначалу БИ пытался оправдываться, мол, юженюхин во всем виноват (литераторов не знал и не хотел), а мы академиев не кончали, зато вдругорядь будет докторам наука (множить "поручики же") и т.п. Но потом совсем обнаглел, каналья: и кто, мол, такой Дар? да так ли уж он крут и не дут, чтобы фото свое заслужить, в отличие от Г. Бревде и прочих важных господ... Короче, реально претензий принимать не желает, хоть стреляйся с ним через платок.

Только тут я окончательно понял (сюда же - из прошлого - когда он не хотел меня и в Клуб принимать - "Лапенков ученик Дара, у него и документы в ОВИРе лежат! под монастырь подведет!" - со слов Кривулина), что злопамятный <.....> ВСЮ ЖИЗНЬ РЕВНОВАЛ К ДАРУ И ВЕСЬ ЕГО КРУГ ДЛЯ НЕГО НЕНАВИСТЕН! Вот и Шиш не попал в святцы, и проза Дара (и Холоденко) уже принятая было моими потугами в Лимбахе, в последний момент выкинута вовсе не по вине какого-то там неизвестного виртуального дяди...

Такие дела. Что до Вашего Анархосвятейшества, то я с интересом полистал бы Ваш опус (в смысле - роман). А про дышалку могу поделиться: ... отказался (по науке) от продуктов, в коих процент жира выше процента белка, а ежели бы еще и курить бросить... Второй жизни не обещаю, разве в ивановской кукло-педии, но кровь разогнать можно. Да Вам и ваши шаманы могли б подсказать. За сим откланиваюсь. В.Л."

Ответ К.К.К.:

... а кто такой - БРЕВДЕ? (всех остальных я как-то знаю)... неведом мне и "темна вода в ихних облацах"...

стреляться же с оной публикой - надобно не "через платок", а - через мешок (предварительно положив в него булжжик), и таковым - по темячку...

(23 сентября 2003)

Приложения от В. Лапенкова:

[(*прим. к фото Шигашова) - Вера Панова назвала его "самым мрачным прозаиком Ленинграда". Ср. у Довлатова в "Соло на ундервуде":

"Шигашов и Горбовский вообще прекратили здороваться. Заспорили - кто из них менее нормальный. "До чего же ты стал нормальный!" - укорял приятеля Шигашов. "Я-то ненормальный, - защищался Горбовский, - абсолютно ненормальный. У меня есть справка из психоневрологического диспансера... А вот ты - не знаю. Не знаю..."]

Некоторые добавления к портрету Д. Дара (не отмеченные в энциклопедии):

О Даре см. - Д. Бобышев, Октябрь, №7, 2002;

О. Бешенковская, Октябрь, №6, 1998; В. Лапенков, Нева, №8, 2001;

В. Губин, Звезда, №8, 2002; а также рассказ С. Довлатова "Последний чудак".

Сюда же:

д-р Лев Щеглов (Санкт-Петербургский курьер, №39, 2001, с 24):

"Один из моих наставников, который очень сильно повлиял на меня, - ...Давид Яковлевич Дар... безумно интересный человек. Поверьте, понятие "учитель" - это великая вещь. И по жизни, и по профессии... Я не представляю, как можно стать личностью без проводника... Я бесконечно благодарен Давиду Яковлевичу, который не только привил любовь к хорошей литературе, но и научил меня тому стилю мышления, когда все подвергается сомнению, ко всему вырабатывается критически-творческое отношение. Поэтому я никогда не поддавался ни на какие омерзительные коллективистские шуточки, типа большевизма..."

Из воспоминаний поэта и переводчика В. Британишского (в Сети):

"...я добрался наконец до Платона, интерес к которому безуспешно пытался пробудить во мне Давид Яковлевич. Тогда-то и пришло мне в голову сравнение Дара с Сократом (единственная моя фраза о нем в антологии ленинградской оттепели). Я еще не знал тогда, что жребий Дара тоже будет горьким. Правда, Сократ предпочел бегству из Афин чашу цикуты, Дар же уехал в изгнание. Но гнев "Афин" на обоих "совратителей юношества", отвращающих юношество от культа принятых богов, был одинаков. Сходство - не только в судьбе. Сходство - в методе их действий. Дар был - как Сократ - акушеркой, родовспомогательницей, помогавшей молодому писателю разродиться собой, своей эстетикой, своим мировоззрением".

Последняя поэма К. Кузьминского:

под окном ручей шумит как терек
за деревьями реки в тумане берег
не приплыл сюда ещё мой беринг
(а за ним попутно уолтер меринг*)

* см. альманах ДАДА

так и плавают и плавают соринки
в противуестественном соитыи
целое семейство ивановых
со севрюгами белугами и иновым

"инов" тот который на процессе
с братьями которые присевши
орошают холмик в сан-микеле
совершая безобразну микву

и парит над ними вова уфлянд
что дубинушка которая не ухнет
ухналёв ухин в ерёминскую бухту
и зело от петербурга пахнет

пахнет не икрою осетровой
не салфеточной не троечной не штучной
пахнет говноядием нешуточно
с башни дэлавэрской смотровой
я гляжу на это дело умилаясь
по утрам отнюдь не умываясь
ехать в петербург помывши руки
кушать в "пиво-пиво" тухлых раки

во пивнушке имени серёжи
наблюдать все эти крашенные рожи
наблевать им в эти краденные враки
приподнявши свой мундир на сраке

в.лапенкову пясть вложивши в лапу
вспомнить духоборческого папу
д.я.дара шигашова холоденку
теребя пардон седую бородёнку

позвонил седой айги из вавилона
он вкушает в оном равиоли
исполняя нерифмованные строчки
в рваном свитере (под оным без сорочки)

магазинники за ним но с диктофоном
"вы да вы" напополам с олигофреном
или с дауном совместно шендерович
гладит юльку по ... но лапкой шерстяною

визг и писк шизофренической пиписки
носорогою проскачет ионеско
и тряся у шевелёвой сиски
шантгаи поёма пьехою в юнеско

столь невнятно непонятно и невместно
на пивных дрожжах стихов вспухает тесто
то голышко-вольфсон в свежем АКТе
умоляет на меня не какайте

африкой ебома куксенайте
на бродвее не присядет в книксен
и орбитой закусивши орбакайте
направляет пять перстов но книзу

а ручей ярится аки терек
половою эскападою истерик
и лежит давно в гробу амальрик
перебрав весьма холестерину

кушай рыбку закуливши мальчик вова
убоясь на ивановых клёва
паче белкиных и палкиных пачули
со другого берега почуяв

потому-то я не еду в город питер
что воняет там не приведите
хоть я к запахам отнюдь не привередлив
там бандита восседает на бандите

лох курёхинский не повелит тем водам
вся промежность смазана тавотом
ангел шпиля там не протрубит гавотом
бронзовеет мёртвое животное

отлитое мишей не под клодтом
а паряще вдругорядь над клотиком
кривошеинским мохнатым клопиком
и бесштаным пьяным сан-кюлотом

монстры петербурга лены лены
у которых узловаты тощие колены
аз дошел до белого каленья
в сарском опадают мои клёны

и летят по парашетам листья листья
и спешит за ними некто листьев
и тебя мой брат касаясь пястью
в этом граде я чужой и лишний

там был сон сменившийся тут явью
горловою с лотосом тувою
и склонились ивы к изголовью
крашенные чёрною сурьюю
(23 сентября 2003)

В.Л.: Ну, а с другой, с третьей, с n + 1-й стороны "баррикады"?..

"И мы пахали!.." Что есть истина? *in vino* пита, *ab ovo* бита?..

Из разговора с Лидией Гладкой (первая жена Горбовского, ред. изд-ва Историческая иллюстрация; в сожженном в эпоху "оттепели" сборнике поэтов Горного ин-та было ее стихотворение, посвященное венгерскому восстанию):

Боря понимает самиздат слишком узко - что не попало в "Часы", того как бы и не было?.. А андеграунд взят слишком формально, вне эстетики. Далеко не все авторы (что с того, что члены Союза?!.) хороших, не публиковавшихся в те годы, произведений попали в его список, зато доморощенных графоманов и стукачей, вроде <.....>, полно под одной обложкой с Горбовским...

[Эт-то тонкий вопросец. С одной стороны, все естественно: колесо-то перевернулось, драконоборец ныне сам всех фильтрует по полной, с другой... да и с другой все то же - "а что ты сделал для фронта?.."]

Вместо послесловия:

Сделаем скидку на то, что личная переписка всегда чревата эмоциональными переклестами. Энциклопедия, несмотря ни на что, все же уникальная вещь, а тот же Борис Иванович - это вам не мелкий гнус, вроде Г. Любомирова, а человек высокой культуры, организаторского таланта и значительного ума. (Ну не *сверх*человеческого, конечно: вознелюбить "*весь* круг Дара" просто физически неуместно. Старик дружил с Зощенко и Пастернаком, воспитал кучу поэтов, от Глеба Горбовского до Васи Филиппова, а, походя, и весь союз писателей Израиля...).

Внутренние разборки и ловля блох это скушно академическое, я бы сказал, стариковское, занятие, а в старом нашем андеграунде, хоть воздуху и было поменьше (а где его было много?), но люди везде те же. Я и сам в юности на дух не переносил занудное филоложество и прочее академство, а К.К.К. и по сю пору не благоволит. Сегодня часто цитируется даровская фраза из записных книжек: "Вот и старость пришла, а где же мудрость?.." Поделюсь более жестким вариантом на ту же тему. Вот, что писал мне Дар в 79 г., за год до смерти, уже полузадушенный астмой: "<...> у меня тут выходит маленькая книжечка... Издательство требует, чтобы я снял эпиграф. А он неплох: "Стариков надо душить пока они еще молодые"... А не пора ли уже душить тебя?.."

В оправдание реальных покусываний (во имя виртуальной справедливости) хочу сказать следующее. Культура по сути вообще архаична: свивать и набрасывать петли, замыкать стежки-дорожки... уж таков *уроборос*, древний змей, пожирающий собственный хвост.

* * * *

В. Лапенков. По прочтению статьи К. Бутырина «Интеллигенция и революция». 2016 г.

Автором верно отмечена тема настроения «духовного большевизма» и максимализма («музыки революции») у, без малого, *всех* известных деятелей культуры начала XX-го века. Но с исторической точки зрения это не является чем-то особенным и специфичным, а свойственно любым временам (и многим народам) в эпоху государственной деспотии (т.е. не «Скифом» единым...). Деятели Серебряного века, конечно, весьма различались в плане личных взглядов, вкусов и темперамента, но недовольны деспотией, полицейщиной и бюрократией были практически все, от явных революционеров до либералов и консерваторов, от левых авангардистов до правых аристократов. Звучит избито, но арифметику не пропѣшь: социальная жизнь имеет (и диктует) свои законы. Свобода лучше, чем несвобода, как говорил Капитан Очевидность.

Существует, увы, железная логика системной эволюции. Поэтому неизбежны параллели и переклички в исторических ситуациях разных эпох, вплоть до самых гротесковых совпадений. «Колокол» и «Континент», Н. Некрасов и А. Твардовский, Корнилов с Крымовым и ГКЧП с Пуго, Савинков – Савенко... (Да до «мышей» можно докопаться! Стакан с водой Жирика в лицо Немцову это просто истерия истории: первенство за Пуришкевичем, кинувшим в Думе стакан в Милокова с криком «Мерзавец!»). И материальная обстановка и качество ситуаций различны, и деятели вполне самобытны, а структура и логика исторического нарратива вновь и вновь повторяются. 60-е годы XIX-го века, Февраль 1917-го, 60-е XX-го и горбачевская перестройка... Такая же

«заморочка» и с противоположной тенденцией – *никалаевщина, сталинщина* (сталинизация с бесконечным чередованием приставок «де-» и «ре-»), и сегодняшний «пир победителей». Сравнения напрашиваются против воли: от общих настроений до конкретных моментов, лозунгов и даже жестов. (Я дал затравку, но каждый способен продолжить данный ряд самостоятельно). Смешно, да не до смеху: повторяются и *ошибки* (грабли награбленные), которые вроде бы уже тысячу раз были обсуждены и *осуждены!*.. Закончу опять же избитой сентенцией, что умного судьба ведёт, а глупого тащит. И никакие *Разумники* ничего с этим не могут поделать!..

* * *

И бонус вдогонку: **Первое впечатление от статьи В. Суркова** («Куда делся хаос?...». Сайт рад-ции *Эхо Москвы* – 20.11.2021).

Конечно, статья еще вызовет (и уже вызвала!) огромное количество критических, и весьма злых, комментариев, но должен отметить, что *в целом* автор не так уж не прав в аспекте понимания социально-исторических закономерностей. И к тому же разбавил академическую (для желающих – «псевдо-») ученость постмодернистской иронией и довольно занозистой терминологией. Браво!

Однако – гладко было на бумаге (с гербом «Идеология»). А с *Реальностью* – загвоздка; плохо лезет в хорошую схему.

Главный авторский вывод («без гнева и пристрастия» и поверх мещанской морали о добре и зле) достаточно объективен и вполне прагматичен: поскольку 2-й закон термодинамики покуда никто не отменял, то административной, ужесточающейся, Имперской Системе, дабы не жахнуть и не утонуть в собственном г..., то бишь в энтропии, нужно иметь *места сброса* отходов (и выхода агрессии), для чего следует по-пацански (т.е. «по-чесноку») договориться о разделе сфер влияния с другими глобальными игроками. «Россия будет расширяться не потому, что это хорошо, и не потому, что это плохо, а потому что это физика». Гегель и Гёдель, Больцман и Пригожин (который Илья, но и прочие тоже) аплодируют стоя.

Аплодировали-аплодировали, кончили аплодировать. Однако – проблемка. И не одна. Во-первых, объективная *физика* здесь (на нашей «датской» почве) имеет весьма дурную *химию*, слишком грубую и тупую *механику*, искаженную *оптику* и чересчур наглых и растленных, самоуверенных, но недограмотных, исполнителей-актеров... Ну хорошо, давайте на минуточку предположим, что в Системе всё идеально и к каждому властному рычажку приставлено по десятку умненьких и проворных сурковых... Сохранится ли на века новая «физическая» картина мира? Сомневаюсь. Уж больно много *вокруг* (мы уже допустили, что внутри *всё путём!*) недоговороспособных, завистливых, злых,

эгоистичных (нет, чтоб наоборот!) людей, стран, институтов и целых народов. И те, кто предназначен на роль жертвы и «места сброса», не согласны в это поверить и иногда умеют довольно больно огрызаться. Примеров – тьма (а будет, поверьте, еще больше!). Это во-вторых, и в пятых, и в седьмых. Все они для себя тоже первые и единственные, а мстить будут до десятого колена. Ну что тут поделаешь: не хотят они ограничиваться ни 2-м законом, ни десятью заповедями! Природа, мать их!..

Но это еще полбеды, даже двадцатая ее часть. Почти несущественная. И плохо даже не то, что законов всяческих, хороших и разных, многовастенько будет, а то, что проклятая квантовая неопределённость сама себе закон и на искомую Теорию Всего пока не подписывалась. А ежели кто-то (кое-где у нас порой) рассчитывает на будущий Искусственный Интеллект, то тоже зря, поскольку что *Он* там (у себя и с нами) порешает, может далеко не всем понравится, и в первую очередь т.н. *местам выброса* в места т.н. вброса...

Здесь наверное следовало бы уже вспомнить и о не менее серьезных угрозах человечеству (ну, а для кого-то – страшилках), типа эволюции глобальных эпидемий, технологических катастроф, глобального потепления, ядерной зимы и т.п., так и об одном из самых объективно противных законов природы – возникновению, говоря простым языком, чего-угодно большого (со всеми вытекающими) из ничтожно малого и случайного, откуда и все наши войны, и все болезни, и всё возникшее и рухнувшее всё-всё-всё... Но на эти темы и так уж столько книг написано, что не станем лишний раз умножать сущности и энтропию без нужды...

* * * *

Расшифровка интервью В.Л. блогеру Артему Баденкову.

Питерский прозаик Владимир Лапенков вспоминает о своём учителе в литературе - писателе Давиде Даре.

Артем Баденков

22 апреля 2019 г.

Питерский прозаик Владимир Лапенков о своём учителе в литературе - писателе Давиде Даре.

Где-то шесть лет тому назад я познакомился с Владимиром Лапенковым.

Ярким представителем подпольной питерской литературы 1970-х - 1980-х годов или как её называют - "второй культуры".

Живёт Лапенков в городе Павловске.

Я люблю его там навещать, когда приезжаю в Санкт-Петербург.

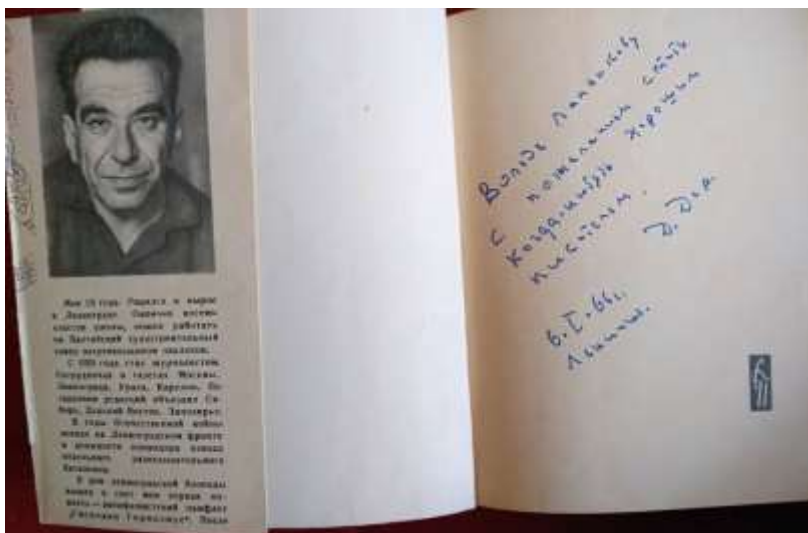
Мы гуляем по знаменитому парку и беседуем с Володей на литературные и прочие темы.

Лапенков в разговорах часто вспоминает питерских писателей, живших там в позднесоветское время.

Он старается, чтобы их имена и тексты не ушли из памяти.

Пишет мемуарные очерки о них.

Я решил записать с ним беседу об этих легендарных людях.

Артём Баденков: Хочу вначале чтобы ты рассказал о твоём литературном и духовном учителе - Давиде Даре.

Владимир Лапенков: Я буду читать отрывки из своих мемуаров о Даре и дополнять их разными "лирическими отступлениями".

Ну, в первую очередь я хотел бы рассказать о своем – и не только моем – учителе и писателе Давиде Даре, который родился в 1910 году и умер в Израиле в 1980 году.

Я о нем писал неоднократно. И вот, пользуясь своими мемуарными записями, хотел бы о нем поговорить...

Дать его краткую биографию.

Человек, конечно, он был исключительно интересный.

И таких вторых, как он, уже, наверное, и не будет никогда.

Интересно, что трудовой стаж свой он начинал на Балтийском судостроительном заводе нагревальщиком заклепок!

С 29-го года он уже журналист, объехал Сибирь, Заполярье, Дальний Восток...

Участвовал в той самой знаменитой поездке советских писателей по Беломорканалу.

В начале 1930-х годов вышла одиозная книга об этом позорном событии, теперь уже раритетная. В этой поездке приняли участие многие известные тогда советские писатели.

А.Б. - А он что там делал? Он ведь не был ещё тогда известным писателем.

В.Л. - А он там присутствовал как рядовой журналист.

А.Б. - Какой-нибудь его текст был напечатан в этой книге?

А.Б. - Нет-нет, он был там как журналист.

И в книге этой знаменитой его текста нет. Он писал про поездку писателей на Беломорканал статьи для какой-то ленинградской газеты.

На пароходе среди писателей, по рассказам Дара, была ежесуточная пьянка. В перерывах между которой они что-то писали. А все остальное уже дописывали за них "редактора из ЧК", как говорится. Тексты их дорабатывали до нужной идеологической кондиции.

Перед самой войной Дар опубликовал антифашистский памфлет «Господин Гориллиус», чем-то напоминающий сатирическую прозу Олдоса Хаксли.

На мой взгляд, этот памфлет на сегодняшний день очень актуален опять.

Во время войны Дар — командир взвода разведывательного батальона в боях за «Невский пятачок», одно из самых кровавых мест Второй мировой войны.

Это под Синявино. Там около 200 000 человек наших солдат погибло.

Дар был ранен разрывной пулей в ногу и чудом выжил. Оказался в госпитале.

"Государственная награда — ранение — госпитали."

Уже раненым, в санитарном поезде он познакомился с начинающей писательницей Верой Пановой.

А.Б. - В санитарном поезде?

В.Л. - Ну насколько я помню. Она уже была несколько раз замужем... Имела детей от первого брака. И от второго.

И собственно, он из нее и сделал по-настоящему писательницу.

(А.Б.-Первый муж Веры Пановой — журналист Арсений Владимирович Старосельский (1904—1953). От него дочь Наталья.

Второй муж — журналист Борис Борисович Вахтин (1907—1938), репрессирован за членство в троцкистской организации, был сослан на строительство Беломоро-Балтийского канала. Дети от него:

старший сын — писатель, переводчик, синолог Вахтин, Борис Борисович (1930—1981). Младший сын — учёный-генетик, академик Вахтин, Юрий Борисович (1932—2006).

Третий муж — писатель-диссидент Дар, Давид Яковлевич (1910—1980).)

Еще о Даре. Так как начинал он как журналист в 1930-е годы, то он даже у самого Циолковского брал интервью. И потом написал о нем две книги. Последняя называлась «Баллада о человеке и его крыльях».

А.Б. - Я где-то я читал, что он проникся идеями Циолковского?

Циолковский же был и своеобразным мыслителем-космистом.

В.Л.- Не-ет, нет-нет-нет.

А.Б. - Это все легенда?

В.Л. - Да. Это красивая легенда.

И вызвана, мне кажется, тем, что Циолковский на него произвел особенно сильное впечатление. Человек глухой, больной, и в то же время живет в мире Космоса. Как бы сейчас сказали – в особом виртуальном мире.

А.Б. - Он вам, своим ученикам, рассказывал про эти встречи?

В.Л. - Да, конечно.

Циолковский его поразил своей внутренней харизмой.

Ну, а помимо Циолковского, когда Дар уже был известным писателем в послевоенном Ленинграде, то вокруг него очень много было знаменитостей, и он со многими людьми был близко знаком.

Очень жаль, что он не оставил мемуаров, потому что он близко знал огромное количество интереснейших людей своего времени.

Как выдающихся людей, хороших, так и полных подлецов типа старшего и младшего Воеводиных.

(А.Б.-Всеволод Петрович Воеводин (5 [18] марта 1907, Санкт-Петербург — 24 августа 1973, Ленинград) — русский советский писатель и поэт, драматург, сценарист.

10 апреля 1928 г., Ленинград. Умер: 14 сентября 1981 г.

Биография Воеводин Евгений Всеволодович - русский советский писатель, сценарист.

Сын Всеволода Воеводина.

Подробнее на livelib.ru:

<https://www.livelib.ru/author/435523-evgenij-voevodin>

В 1964 году Воеводин-старший в качестве секретаря Комиссии по работе с молодыми авторами при Ленинградском отделении Союза писателей СССР выступил свидетелем обвинения на процессе по делу о «тунеядстве» Иосифа Бродского. После этого по стране стала ходить эпиграмма: Дорогая Родина, / Чувствуешь ли зуд? / Двое Воеводиных / По тебе ползут... Авторство приписывается Михаилу Дудину.)

К Дару ходил в гости Федор Абрамов, с ним дружила Лидия Яковлевна Гинзбург, он был знаком со скрипачом Давидом Ойстрахом, с академиком Иоффе, с поэтессой Ольгой Берггольц.

Я у него познакомился с последним "обэриутом", Игорем Бахтеревым.

Он знал лично и Осипа Мандельштама в 1930-е годы, к нему приезжала в гости в 1960-е годы французская писательница (русская по происхождению) Натали Саррот.

Знаменитая семья американских славистов Профферов, которые основали издательство «Ардис» в Америке, тоже бывала у него в гостях.

И многие, многие другие...

А.Б. - А где он жил в Питере? Где находилась квартира Веры Пановой?

В.Л. – Квартира была сначала на Марсовом поле в знаменитом доме Адамини, где жили советские писатели.

Потом на Суворовском проспекте. Позже, после разъезда с Пановой, он жил недалеко от станции метро «Звездная».

Затем поменялся жилплощадью, жил вместе с дочерью и ее мужем (Лора и Слава Паперно) на Шкиперском протоке, а потом уже уехал в Израиль.

Про людей, с которыми он встречался.

С последним "обэриутом" Игорем Бахтеревым очень интересная история.

Когда я с ним познакомился, я подумал, ну что такое Бахтерев?

Друг Хармса, Введенского, о которых он столько рассказывал: «Даня Хармс», «Шура Введенский»...

Или еще - «Идем по Невскому с Колей Заболоцким, вдруг – навстречу Казя».

«Какой такой Казя?»

«Как какой?! **Казимир Малевич!**» (смех).

(Добавление: Тут надо признаться, что у каждого могут быть имена, перед которыми не стыдно, и даже хочется громко щелкнуть каблуками. Кто-то может не знает, а многим и пофиг, что были когда-то титаны, а мне лично при звуке имен типа Платон и Невтон, или, скажем, Малевич, Бахтин и Флоренский, хочется встать по стойке смирно и выкрикнуть: «Рядовой Лапенков к наряду готов!»).

А он меня тогда поразил, Бахтерев: вот вроде бы такой старенький, но курит, пьет вино, рассказывает много...

«Присядьте!» - «Нет-нет-нет, я люблю ходить».

Потом, когда я был у Бахтерева в гостях, меня поразила его супруга, у них детей не было, она держала много собак. И я в разговоре с ней сказал, что у Давида Яковлевича тоже была собака, бульдог, но ему пришлось эту собаку усыпить, потому что он его на прогулках очень сильно дергал, а Дар сердечник, у него было высокое давление, мог случиться инсульт.

«Всё, - сказала супруга Игоря Бахтерева, - Дар для меня больше не существует. Он отдал свою собаку на усыпление!»

То, что Дар рассказывал о Мандельштамах, это может быть больше похоже на анекдот. По-моему, кто-то об этом упоминал уже, чуть ли не Николай Чуковский.

Дар был в гостях у Мандельштамов, когда они были в Ленинграде. Мандельштам в абсолютно пустой комнате, усадив Дара и рядом с ним сев на подоконник, читал ему свои стихи. А единственной мебелью в комнате был какой-то большой сундук. И вдруг из сундука раздался женский голос: «Ося, ты еще такие там стихи не прочитал».

Эрскин Колдуэлл, известный американский писатель, приезжал к Пановой и Дару со своей женой, индеанкой, молоденькой такой женщиной, он очень хвастался, что у него такая молодая красивая жена. Ну вот какие-то такие кусочки вспомнил я.

Еще в 1948-м году он создал знаменитое литературное объединение «Голос юности», откуда вышли, в частности, и Василий Павлович Аксенов, и Виктор Соснора, и Александр Кушнер, и Глеб Горбовский, и Владимир Марамзин, и Игорь Ефимов, и Борис Вахтин, и Дмитрий Бобышев, и Олег Охапкин, и Константин Кузьминский, и Виктор Голявкин и многие, многие другие хорошие писатели. Это не значит, что они туда к нему ходили постоянно и были его учениками, но просто это был такой центр литературный тогда, который притягивал к себе людей. Куда люди приходили почитать свои стихи, пообщаться... И собственно, весь "молодежный андеграунд" Ленинграда ходил к Дару со своими рукописями на поклон.

Еще один интересный эпизод из биографии Дара: он нагонял по тогдашней территории Советского Союза на мотоцикле больше тридцати тысяч километров.

То есть, без всякой иронии, он был в 1960-е годы главным "советским байкером".

Он же первым из немногих выступил в защиту Солженицына, защищал Бродского, Зощенко, Ахматову.

Из-за своей активности в литературной среде он был вытеснен в эмиграцию госбезопасностью. Перед отъездом в 77-м году вернул правительству свои ордена фронтовые и удостоверение члена Союза писателей СССР. Умер в Иерусалиме в 1980-м году.

А.Б. - Недавно о Даре в посте на Фейсбуке вспоминал израильтянин, бывший москвич, поэт Борис Камянов. Который примерно в эти же годы туда репатриировался, что и Дар, и он о нем очень тепло отзывался.

В.Л.- Понятно, понятно...

Вот, кстати, о Даре писал такой писатель, Григорий Свирский. Который тоже репатриировался в Израиль в 1970-е годы.

В своей документальной повести он пишет: «Последний раз я видел Дара и Веру Панову лет тридцать назад в санатории Академии наук СССР.

Какое это было счастье – побыть их соседом, услышать в рискованные хрущевские годы тосты Давида Дара на политические темы...

В 77-м году, когда Панова умерла, Дар прилетел в Израиль.

Говорили, чтоб якобы уйти от родственных споров о наследстве жены. Бессребренник, он сказал и тут: “Без меня обойдетесь!”». Конец цитаты из Свирского.

(А.Б.-Точная цитата из мемуаров Свирского звучит так: «Наум опустился на стул, пригорюнился. Последний раз он видел Дара лет тридцать назад, под Москвой, в санатории Академии Наук, когда Давид Дар и его жена Вера Панова вселились в соседний номер. Какое это было счастье побыть, пусть ненадолго, их соседом, их добрым знакомым, услышать рискованные, в хрущевские годы, тосты Давида, вроде того, памятного: "Подымаю бокал за мечту моей жизни: бескровный распад советской империи..."»

В Израиле Дар не искал поблажек, льгот. А потом из Иерусалима, где произошел неожиданный для властей общественный суд, привезли Науму магнитофонную ленту, которую он не мог слушать без слез (текст снят с магнитофонной ленты - Григорий Свирский)...»)

Еще интересные цитаты про Дара от разных людей.

Сергей Довлатов в статье «Мы начинали в эпоху застоя», из архива издательства «Серебряный век»: «В Доме культуры “Трудовых резервов” вел ЛИТО Давид Яковлевич Дар, который никому из своих воспитанников не помогал пробиваться в печать и, наоборот, внушал им, что литература — занятие подпольное, глубоко личное, требующее от художника особого психического склада. Из всех наших литературных наставников Дар был единственным убежденным модернистом, хотя в конце концов из его объединения вышли не только такие экстравагантные поэты, как Виктор Соснора, но и такие традиционные, как Глеб Горбовский».

Далее у Довлатова тоже интересно: "В качестве мужа Веры Пановой Дар располагал значительными денежными средствами, и его помощь молодым авторам выражалась еще и в самых простых житейских формах: он легко одалживал деньги кому попало, дарил нуждающимся пишущие машинки, а то и брюки, и у него дома всегда стоял коньяк для тех, кому необходимо было в этот день опохмелиться. Когда я спрашивал Дара, что помогает ему в преклонном возрасте сохранять такую неистовую энергию, он, пыхтя изогнутой трубкой, отвечал: «Коньяк и табак»."

А вот что писал о Даре поэт и переводчик Владимир Британишский.

Важная цитата, на мой взгляд, я с ней полностью согласен: «Дар был — как Сократ — акушеркой, родовспомогательницей, помогавшей молодому писателю разродиться собой, своей эстетикой, своим мировоззрением».

Иосиф Бродский в интервью Анне Эппельбаум так сказал: «Я считаю его прозаиком непрочитанным. Для ленинградцев его писательское дарование заслонялось гениальностью его личности».

Сам я могу сказать, что через Дара я познакомился с такими авторами «второй питерской культуры», как Владимир Эрль, Виктор Кривулин, Костя Кузьминский, Юрий Шигашов, Валерий Холоденко, Василий Филиппов, а также с писателями старшего поколения - Геннадием Гором и Игорем Бахтеревым.

Дар писал мне из Израйля, вот цитата из его письма: «Мой милый, вот уже третий год я живу в так называемом свободном мире.

Не верь, что он свободный. Зависимость от честолубия, от материальных благ, от мнения окружающих тебя людей здесь такая же, как и в мире, где живешь ты.

Чем лучше писатель, тем меньше он зарабатывает.

Это дурачки из Советского Союза думают, что где-то существует высокооплачиваемая свобода. Дудки! Нигде в мире за свободу денег не платят. Хочешь быть свободным – так будь нищим. А хочешь посылать друзьям подарки – так изволь продаваться.

Кому угодно – евреям, коммунистам, фашистам, террористам, капиталистам, диссидентам, пролетариям, президентам, проституткам, священникам, республике Чад, гомосексуалистам, королеве (в изгнании) Объединенной империи лесбиянок».

Дар был сложен, даже чересчур, для тех лет: игровой, ироничный, парадоксальный, хулиганствующий.

«Ну и как вам сегодняшнее писательское собрание, Давид Яковлевич?» - спрашивает у него местный писательский "стукачок". А он, попыхивая трубочкой: «А ебал я ваше писательское собрание и всю вашу советскую власть!».

И это всё прошло без последствий! Кто ж поверит, что такое в открытую можно было на самом деле сказать.

Но был Дар и другой: романтический, лиричный в интимных беседах и письмах к друзьям. В одном из писем к своему ученику он весь - просто крик одиночества и неприкаянности.

Но везде он настоящий. Я лично вижу здесь своего рода ренессансный тип личности.

Ведь действительно: как можно находить общий язык и с поэтами, мыслящими в классических, нередко религиозных, категориях, ну как тот же Кривулин? И с отъявленными формалистами, как тот же Эрль, с битниками, рокерами, со старой петербургской профессурой, с диссидентами, психопатами, но и с номенклатурными писателями, с западными славистами.

Или – иные контрасты.

Он признавался мне в неистребимом страхе перед хамами, милиционерами, бюрократами, комендантами.

Комендант общежития – известный персонаж его рассказов.

Но в то же время этот трус, в кавычках, был в войну командиром разведывательного батальона, героем боев на «Невском пятачке».

Интеллигент и эстет, он не побоялся объездить на рубеже 60-х весь Союз на мотоцикле. Вопрос, который он постоянно слышал от местных властей: по чьему поручению вы ездите? Как говорили в царские времена: чьих господ холоп будешь? И никак не могли переварить ответа, что по собственному хотению.

Но самой любопытной историей из области психологической мне лично кажется следующее.

Дар рассказывал мне, что высочайшее счастье в жизни он испытал, когда стоял на трибуне Союза советских писателей и произносил речь в защиту не то Бродского, не то Солженицына, не то Пастернака.

Он вспоминает: «Я стою такой маленький, тщедушный, едва видимый на трибуне. А напротив – озверелая толпа номенклатурных писателей. И эта толпа кричит, чтоб заткнули мне рот, чтоб я немедленно убирался прочь. Они яростно стучали ногами и выкрикивали оскорбления. А я, стоя один против всех, неземное испытывал упоение».

А вот еще один случай, цитирую из статьи журналиста, писателя, критика и эмигранта Владимира Соловьева. Тот, что автор книги о Довлатове, не путать с нынешним тележурналистом Владимиром Соловьевым.

Статья называется «Гласный в эпоху безгласности». «Увы, - пишет Владимир Соловьев, - в кампании против Бориса Пастернака участвовали не только заведомые негодяи, но и такие достойные писатели, как Леонид Мартынов, Сергей Антонов, Илья Сельвинский, Виктор Шкловский, Николай Тихонов... Дар рассказывал мне, как валялся в ногах у своей знаменитой жены, умоляя не ездить из Питера в Москву на антипастернаковский шабаш, но Вера Федоровна Панова свой партийный долг выполнила».

Я добавлю от себя, что Панова все-таки была беспартийной, и к тому же верующей христианкой. Тут, скорее, чувство морального долга лауреатки, не пожелавшей кусать кормящую руку.

В продолжение сюжета вспоминаю рассказ профессора Вячеслава Всеволодовича Иванова в одной из телепередач начала 90-х. Иванов, будучи соседом Пастернака в Переделкино, наблюдал на его даче приезд Дара. Дар буквально бросился на колени перед Пастернаком, вымаливая прощение за поступок жены.

Еще я могу сказать, что Дар, на мой взгляд, был наименее предсказуемым из всех моих знакомых.

Главным свойством его характера я бы назвал "апофатичность". Есть такой религиозный термин. То есть – "ускользаемость от определений".

"Антиучительство" как высший тип учительства. Сравни восточное выражение дзен-буддиста: «Встретишь Будду – убей Будду».

А здесь такой "дзен-русизм" - "Убей в себе писателя и учителя!"

Также известный афоризм Дара: «Вот и старость пришла. А где же мудрость?»

Конечно, в этом плане Дар был отнюдь не единственным. Но просто равные ему находились во времени далеко.

И здесь можно перейти как бы в такое историческое пространство.

Пространство культуры, где исчезают амбиции личности и направлений.

Остаются только концепты и мифологические архетипы.

Здесь Давид Дар, на мой взгляд, соседствует с известными античными мудрецами и безымянными суфийскими дервишами, китайскими даосами и дзен-буддистскими наставниками. И здесь он уже сам концепт и архетип.

Утешительный афоризм и философский парадокс. Сюжет классической притчи. Кстати, излюбленный его жанр. То есть все то, что помогает нам бороться со временем и выживать в нем.

И кстати, закончу тем, что в 2005 году в соавторстве с покойной Асей Львовной Майзель и Константином Кузьминским, тоже ныне покойным, я издал наиболее полную книгу произведений Дара и воспоминаний о нем. Санкт-Петербург, издательство «Петербург — XXI век», 2005 год. Она есть в библиотеке Конгресса США и в Мичиганском университете. Так же я ее посылал в Париж писателю Владимиру Марамзину, и один экземпляр есть в нашей библиотеке Салтыкова-Щедрина. И у меня есть один экземпляр этой книги.

А.Б.- Давай тогда перейдем собственно к интересным писателям из круга Давида Дара.

В.Л. - Да, вот мы много говорили о круге Дара, и здесь сразу всплывает несколько имен. Причем я хотел такое любопытное лично для меня предупреждение сказать.

Интересно вот что.

Было несколько человек, которые считали Дара своим духовным учителем. И было несколько человек, которых сам Дар считал своими любимыми учениками.

И я вдруг подумал, что эти имена не совпадают!

А.Б. - Не совпадают?... Не понял. Еще раз.

В.Л. – Ну, несовпадение между его любимыми учениками и теми, кто считал его своим духовным учителем.

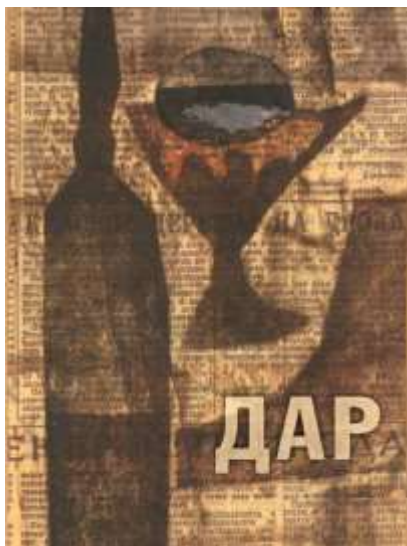
Многие его любимые ученики не считали себя его духовными учениками.

Причем даже третий момент: были люди, которые очень многим ему обязаны – именно как литераторы, – которые его практически сейчас даже не вспоминают.

Я вот лично разговаривал в свое время и с Александром Кушнером, и с Виктором Соснорой, и с покойным Олегом Охапкиным, еще с некоторыми людьми, и они пытались доказать мне (и даже кое-что об этом можно найти в их интервью), что они как бы Дару ничем не обязаны в своём становлении как писателей.

Дескать, они такие вот самостоятельные, самостоятельные. Такие вот самобытные, пресамобытные...

Вот Виктор Соснора отказывается от ученичества у Дара. Он как бы считает, что обязан больше всего самому себе, своей гениальности в своем росте как гениального поэта.

Ну что тут сказать?

Я лично помню, как просто на моих глазах Соснора звонил Дару, это еще были глубокие 70-е годы, как он плакался и жаловался ему на проблемы семейной жизни, и как звонила одна из жен Сосноры Дару и говорила, что я вот сейчас хочу с ним разводиться, он совершенно невыносим. Это было еще до того, как Соснора стал инвалидом. И Дар ей сказал: Разводись!

(Добавление: Она потом отравилась. Или я путаю с женой Горбовского?.. Нет, жена Горбовского, Аня, – повесилась. Точно. А Лида Гладкая, первая жена и последняя подруга Глеба, которая издавала его полное собрание сочинений, как-то сказала мне, что называется, в сердцах: «Ну до чего ж он надоел! Сдох бы уж скорей, что ли?!»)

Но я обожаю этих поэтов. Обоих.).

А.Б. - А Василий Павлович Аксенов когда познакомился с Даром?..

В.Л. - Ой, Василий Аксёнов вообще был один из самых первых его учеников. Это ещё 1950-е годы, когда Аксёнов очень недолго в Ленинграде учился в медицинском.

Аксёнов тоже ходил тогда в ЛИТО Дара "Голос юности". Потом он уехал в Москву... Журнал «Юность», Борис Полевой и так далее и тому подобное.

А начинал он здесь, в Ленинграде, и более того, насколько я знаю, где-то уже в сравнительно недавние годы, в Израиле, была какая-то встреча с читателями у Игоря Губермана и Василия Аксенова одновременно, и Аксенов сказал, что Дар один из его учителей.

А.Б. - А тебе Дар что-нибудь рассказывал про Аксёнова?

В.Л. - Ой, да там была такая история!

Где-то году в 75-м Дар мне сказал (ну это я тоже все в мемуарах описал), Дар говорит: Слушай, сейчас Вася Аксёнов, мой ученик, приехал в Ленинград, сейчас он в гостинице "Европейская" остановился, зовет меня попить коньячку, туда-сюда, я хочу взять тебя с собой, захвати свой роман (тогда еще неопубликованный, позже в парижском журнале «Эхо» у Владимира Марамзина он был опубликован, по-моему, в 79-м году.), говорит, прочтешь ему свой роман, ему понравится.

Ну да, да, пошли, поехали, как говорится! Но, говорит Дар, предупреждаю сразу, он прочтёт и все твои приемы возьмет себе в прозу.

А-а-а, подумал я, блин, это же все-таки печатающийся автор! В отличие от меня. Он украдет мои приемы! Нет, говорю, Давид Яковлевич, не хочу, не пойду.

О чем сейчас жалею до сих пор. Знакомство было бы для меня весьма полезно. Для "андеграундера" с печатающимся известным писателем!.. Да дурак был молодой...

Артем Баденков

23 апреля 2019 г.

Прозаик Владимир Лапенков вспоминает питерского писателя Юрия Шигашова.

А.Б.- Расскажи про прозаика Юрия Шигашова.

В.Л - Вот про Шигашова мало что могу рассказать, к сожалению.

С одной стороны, я о нем написал статью для энциклопедии "Литературный Петербург". О нём очень мало информации, о его жизни.

Он по национальности чуваш, родился в Нижнем Тагиле, в семье сосланных, потом в Чувашской области в Шумерле закончил школу, но

поступил в Ленинграде на инженерно-экономический факультет и работал научным сотрудником института и экономистом.

То есть как бы достаточно интеллигентная работа. Естественно, посещал «Голос юности» Дара.

Первая публикация – 72-й год, альманах «Молодой Ленинград», рассказ «День далекого детства».

В общем, он 41-го года рождения, и поэтому был другом и Гоziаса, и Горбовского, и Сосноры, Кузьминского, хорошо знал его Слава Лен, знал его Венедикт Ерофеев...

А.Б. - В каких-то мемуарах я прочёл о том, что Венедикт Ерофеев, когда приезжал из Москвы в Питер, то сразу шёл в гости к Юрию Шигашову.

В.Л. - Да, да, было такое.

Слава Гоziас писал: «Юрий Шигашов – тайный друг всех знаменитостей Москвы и Ленинграда от Евтушенко до Козырева».

Глеб Горбовский посвятил ему свою песню «Всю ночь собака лаяла надсадно».

Он в юности побывал в колонии для малолетних преступников. У него была эпилепсия. Хотя я лично не видел припадков. Пил по-черному.

Я описал в своих мемуарах его знаменитое присутствие на моей свадьбе.

Я из-за него пропустил всю свою свадьбу.

Нажрался он сильно, в конце концов уложили его на стулья, но он со стульев упал на каменный пол, рассек себе бровь, весь был залитый кровью, и все опять же лез обниматься.

В конце концов, говорят, но надо же его куда-то везти, он тут всех окровавит, люди тут празднуют, а он лезет с обнимашками к ним, а кровяща прет из него.

Короче, его никто не захотел увозить со свадьбы из гостей, я, в конце концов, взял такси, забрал его и поехал к нему домой.

Было недалеко – переехать несколько кварталов по Невскому.

Он жил на Фонтанке.

Но когда я его довел до квартиры, привел домой, он сказал супруге: "Марина, мой друг женился, надо выпить за его здоровье!" (смеется).

Принесли водку, я сказал, ну ладно, все, рюмочку выпью и я побежал, меня свадьба ждет.

"Ну выпей за здоровье моего ребенка, ребенок чуть не умер, у него туберкулез. Ты не хочешь выпить за здоровье моего ребенка?!"

Ладно, выпили. А ребенок – такой белокурый мальчуган прямо из романов Достоевского. Такой невинный ангелочек. После я пьяный еле-еле вышел от него и решил пойти сесть на автобус, но заплутал в Апраксином дворе, а там огромное количество сараев...

И света уже не было, это февральские дни были. В общем, я там заплутал в одном костюмчике, в 15-градусный мороз я в пиджачке бродил, еле-еле добрался до кафе - на свою свадьбу, гости уже разошлись.

Ну что можно сказать?

Тяжелый человек был Шигашов и писал тяжелую прозу.

Не зря его Вера Панова назвала «самым мрачным прозаиком Ленинграда».

Как-то при мне он читал Дару отрывок из своего недописанного романа «Остров», и там были такие "достоевщинки" в тексте...

Он не был человеком ироничным, у него жизнь вот именно как на фотографии, где он рвет рубаху на груди.

И такая же проза.

Но я помню, что Дар прослезился, когда он читал нам отрывки из своего романа.

А вот что пишет в своем самом известном сборнике «Соло на ундервуде» Довлатов: «Шигашов и Горбовский вообще прекратили здороваться. Заспорили - кто из них менее нормальный.

“До чего же ты стал нормальный!” – укорял приятеля Шигашов.

Я-то ненормальный, - защищался Горбовский, - абсолютно ненормальный. У меня есть справка из психоневрологического диспансера... А вот ты - не знаю. Не знаю...”

Ну в принципе, это анекдотично, но так оно и было.

Вот интересно с его прозой. Единственной его публикацией было «Дни далекого детства», и рассказ «Дураки» в «Коллекции: Петербургская проза», этот рассказ уже, в принципе, я дал.

И все! Представляешь?

И сейчас вот в «Царскосельских тетрадах» я опубликовал присланную мне Кузьминским незаконченную новеллу «Крысолов». И это все. В то же время я знаю, что у него были лучшие такие произведения, повести, известны названия только: «Угловая комната», «Три черты», «Жизнь и смерть Адольфа Ильича» и вот этот незаконченный роман «Остров».

Все это – рукописи, машинопись, все это хранится у сына (того самого «ангелочка», ныне – доктора психнаук), и неопубликовано, никому никем не дадено. В общем, полный ужас...

Артем Баденков

22 апреля 2019 г.

Питерский прозаик Владимир Лапенков о писателе Давиде Даре и "его круге":

Владимир Лапенков: Возвращаясь к кругу Дара.

Не все "литературные звезды" стараются не помнить Дара, ведь некоторые все-таки очень сильно с ним были связаны.

Хотя, может быть, и не звезды, а писатели менее известные.

Как я уже говорил, некоторые его не признают, а некоторые считают его своим духовным учителем до сих пор...

Ой, хотя, что значит до сих пор, некоторые уже умерли, увы.

Учениками Дара называли себя покойные ныне Ася Львовна Майзель, Константин Константинович Кузьминский.

И считает себя им ваш покорный слуга - Владимир Лапенков.

Но эти имена не совпадают с теми именами, которые Дар считал своими самыми любимыми учениками. Во всяком случае, последних лет.

Сейчас не буду говорить о самых старых учениках Дара - Алексее Емельянове и Германе Сабурове.

Но вот из своих последних учеников самыми любимыми были у Дара - поэт Олег Охапкин, поэт Василий Филиппов, поэт Алексей Любегин и прозаик Валерий Холоденко.

Ну, пожалуй, и всё. Это те, о ком он говорил в последние годы как о самых любимых своих людях.

К тому же Косте Кузьминскому – из тех, кто называли его своим духовным отцом, – он относился с большей иронией.

Он очень любил Алексея Любегина, любил Василия Филиппова.

Ну с Василием Филипповым особая история.

Этот мальчик был изначально болен, у него была очень нехорошая в этом плане генетика, наследственность, он прожил долгие годы и закончил жизнь в психиатрической клинике.

Филиппов, как я сказал, был болен. Олег Охупкин тоже в последние годы, увы, был не очень здоров в этом плане.

Если говорить о "круге Давида Дара", то была такая Ася Львовна Майзель.

Родившаяся в 1927-м году в городе Слуцк в Белоруссии, умершая в 2013-м году в Царском Селе.

Она, собственно, не была каким-то большим прозаиком или поэтом, но она всю жизнь любила литературу и всю жизнь работала учительницей литературы.

Ей с одной стороны повезло, потому что ее муж, Лев Вольберг, был в сталинское время большим специалистом по вооружениям. Сейчас не вспомню точно, по танкам или по авиации.

В общем, и он выжил, и она жила в весьма комфортных условиях, воспитала двух сыновей. Один из ее сыновей, Александр Вольберг, математик, живет в Америке. Она, будучи в таких достаточно тепличных условиях, я говорю об Асе Львовне, сумела сохранить свою душевную, духовную чистоту и несвязанность с грязью жизни. Несмотря на то что, после того как она познакомилась с Давидом Даром и с его учениками, с кругом Дара, она общалась с людьми достаточно неординарными, экстравагантными, со всякими богемными неприятными привычками.

А.Б - Отличающимися от жизни обычных интеллигентов?

В.Л. - Да-да-да-да. И она воспринимала все эти богомные закидоны талантливых людей очень спокойно и очень чисто.

Я, кстати, узнал про неё одну очень интересную вещь - уже после ее смерти. Совершенно случайно. Она этим не хвасталась никогда.

Она, оказывается, поступила на филфак ЛГУ и закончила его вместе со знаменитым Юрием Лотманом, который потом уже уехал в Тарту.

То есть другой человек на ее месте хвастался бы тем, что "как говорится, да я с Юркой Лотманом, тра-та-та и пятое-десятое".

Ни разу от нее подобного не слышал. Хотя это факт.

Потом она работала школьной учительницей в различных школах, в частности, где-то там с 6-го класса учениками ее были создатели группы «Аквариум» Боря Гребенщиков и Анатолий, он же Джордж, Гуницкий.

Вот цитату приведу, Гуницкий вспоминает: «Стихи сочинять стал еще в школьные годы. Все эти детско-юношеские стихомастурбации были по типу что-то и как-то, а местами даже и где-то, пока русский язык и литературу не стала в школе моей преподавать замечательная Ася Львовна Майзель.

С тех допотопных времен представления о поэзии и литературе радикально изменились в сторону. К тому же, уважаемая Ася Львовна была не только учительницей, но и сама – и тогда, уже и всю свою последующую жизнь создавала очень достойные стихи. После уроков – в классе шестом, что ли? – она стала вести литературный кружок, который с удовольствием посещали и я, и Борис Гребенщиков».

Вот что пишет сама о себе Ася Львовна: «Как литератор я принадлежала и принадлежу к той вселенной, где центром был Давид Яковлевич Дар.

Основной чертой его личности, по моему мнению, являлось абсолютное неумение врать. Это же он воспитывал в своих учениках. Умение добыть свою сущность, свою неповторимость. И для меня он был сивиллой над колыбелью.

Давид Яковлевич показал мне сборник “Живое зеркало”, составителем-редактором которого был Константин Кузьминский».

Позднее ей довелось встретаться с Кузьминским.

И вот она описывает, что «в августе 1991-го года состоялась наша с Кузьминским встреча на Брайтон-Бич. В доме, который он называл “подвал”.

Встреча длилась всего лишь час. Но Кузьминский стал писать мне. Эти письма были мной изданы в 2003 году. Читающий их поразится объему личности Кузьминского. В то же время, несмотря на мое глубочайшее уважение к уму и сердцу ККК [Константин Константинович Кузьминский], было в письмах то, с чем согласиться я не могла:

пренебрежительное отношение к собратьям по перу: Якову Гордину, Михаилу Яснову, Елене Шварц, Борису Лихтенфельду, Анне Ахматовой и многим, многим прочим. Что я объясняю детской запальчивостью, взрывчатостью ККК, но обратная сторона этого – детская доверчивость. Кузьминский – это тот ребенок, который сидит в художнике».

Ну вот после этого она, кстати говоря, издала несколько сборников Кузьминского: «На Галерной», Санкт-Петербург, издательство «Бэ-Та», 1999 год, «Крапленая колода», Петербург, издательство «Бэ-Та», 2000 год.

Издание «Бэ-Та» – это издательство знаменитого Бориса Тайгина, он же Павлинов. Тоже знавший хорошо Асю Майзель и Дара, который первый издал самиздатские книжки и Бродского, и Кузьминского, и который сидел в советское время за так называемую «музыку на ребрах». Об этом даже был снят документальный фильм.

Потом еще сборник она издала «По обе стороны океана» в 2009 году.

Стихи Кузьминского, но сборник посвящен памяти Тайгина, хранителя творчества многих шестидесятников XX столетия.

Кстати, у Дара же Майзель познакомилась с Васей Филипповым.

И когда в 84-м году Вася Филиппов вышел из психиатрической больницы на Арсенальной, она начала собирать его стихи, а позднее издала их –

«Стихотворения Василия Филиппова», 2000 год.

Сборник получил премию Андрея Белого в следующем году.

Кстати, по мнению, услышанному мной от Виктора Кривулина, не будет ничего удивительного, если через сто лет от всей так называемой «второй питерской культуры» останется только это имя – Васи Филиппова.

С этим мнением я согласен. А вот что писал Вася Филиппов, уже будучи сумасшедшим, про Асю Львовну, скажем.

Вот кусочек из его стихов:

...Ася Львовна сшила мне костюм из крылышек стрекозы,

В котором я могу показаться в обществе,

И ушла, завернув белую розу лица в сиреневый целлофан платья.

Ее любимый поэт – Бродский,
Архиепископ ленинградский и новгородский
Поэтов. Охапкин, конечно... Его нравственная позиция.
Другие поэты, у которых слова, словно
Шахматные фигурки у Карпова.
Потом Ася Львовна начала перечислять
Достоинства общих знакомых
И недостатки
Их – украдкой.
По ее понятиям, никто не идеален.
А потом я проводил Асю Львовну до автобусной остановки,
Попрощался неловко
И стал возвращаться домой.
Лил дождь неземной.
И вот я дома. И нет ее.
Исчез воздушный шар голоса,
Который висел на ниточке шевелящихся губ.
Исчезли из комнаты лишние зеркала.
Пальцы сшила в ладонь мартышка-игла.
Кажется, Ася Львовна позвала...
Почудилось. Лежу.
Слежу,
Как дождь льет прохожим за воротники.
От собак в комнатах остаются сквозняки.
Пора пойти выпить пива,
Где стоят столбняком люди,
И ощерилась пена улыбкой в посуде.
Ася Львовна исчезла.
Исчез разговор.
Бабушкина тела тесто
Просачивается в комнату со словами:
"Ужинать".

В 2005 году Ася Львовна, я и Костя Кузьминский издали книгу памяти Давида Дара, где и оригинальные произведения Дара, и письма его, в том числе 21 письмо к Асе Львовне, эссе Кузьминского «Дар – попытка портрета» и приложение, куда входят зарисовки, воспоминания и размышления о личности Дара, в том числе повесть Аси Львовны «Женщина и художник», о себе и о Даре.

Она же автор книг «Откровения» и «Пишущая».

Жила в Пушкине с 91-го года, умерла в 2013-м. В ее архиве сохранился целый чемодан литературных дневников в тетрадах.

Она одна из немногих, кто переписывался с Даром, когда он уехал в Израиль.

Я сам несколько писем написал всего лишь Дару в Израиль – боялся.

А Ася Львовна писала ему регулярно. И он отвечал ей регулярно. Она посылала ему свои произведения, Дар ей ответил.

Вот такая цитата: «Ваши художественные произведения, - написал Дар Асе Львовне, - и само письмо, будто бы выгравированы тонким пером, похожи на легкую изящную гравюру».

А вот когда она опубликовала книгу здесь и послала ее Кузьминскому, Кузьминский написал: «Когда книжка похожа на автора, это хорошо, ежели автор человек хороший. Автор и должен быть похожим на свое произведение. Что бы ни рисовал художник: натюрморт, голую бабу, пейзаж, он рисует автопортрет. Вот и у вас, Ася, он получился. От желтых одуванчиков еврейских до немецких детей».

А вот что написал поэт Геннадий Трифонов после того, как мы опубликовали с Асей Львовной книгу «Дар», в первую очередь, конечно, благодаря ей. Прочту стихотворение целиком. На мой взгляд, это лучшее произведение Геннадия Трифонова:

...Усталость. Вы знаете цену ее. Вы вполне
жизнь вашей любви оправдали изданием книги,
страницы которой бегут по горячей волне,
и пенятся в ней, и кричат, и срывают вериги.
В цепях невозможно, я помню, дышать, говорить,
И даже страдать, потому как страдание длится,
Пока в вышине мы способны парить
И тем, кто нас любит, причудливым облаком сниться.
Свободы нам надобно. Тонкий ее голосок,
Ее волосок, рассекающий тьму городскую,
Я нежно целую вас в ваш побелевший висок
И к вашей свободе свою несвободу ревную.
От ревности плачу в чулане и в чуждом саду,
И стрелки часов поднимая со дна циферблата,
От зависти к вам, и целую подругу-судьбу
За то, что мы плакали, плакали вместе когда-то...

Геннадий Трифонов сидел в лагере в советские годы. Он-то знал, что такое несвобода.

А.Б. - У него же статья есть - «Дар и Холоденко».

В.Л. - Да-да.

Я с большой иронией отношусь к тому, что Гена Трифонов публиковал о Даре, о Холоденко и тому подобное. Он был в этом плане в первую очередь несвободный человек от собственных, на мой взгляд, как

бы мифов, которые он создал сам для себя. То есть он считал, что о людях нужно говорить так, как бы это звучало, скажем так, в его собственном понимании звучания. И то, что он говорил о Даре и Холоденко, это, в принципе, больше придумано им самим.

Но я не зря прочитал это стихотворение. В нём он абсолютно искренен и абсолютно ничего не придумал.

Очень сложная судьба была у Геннадия Трифонова. Но это действительно судьба.

Вот несколько слов, которые я написал о нем в своих мемуарах: «Суициды и лагерь. Отбитые почки. Перо урки или объятия ментуры не раз могли прервать его одинокое вальжное вальсирование по жизни. Но не прервали». Тут еще такой момент. Я очень хорошо знал Геннадия Трифонова. Он жил не самой лучшей жизнью и в социальном плане, и в психологическом плане, он строил из себя героя Оскара Уайльда - лорда Генри.

А.Б. - Не являясь им...

В.Л. - Не являясь им, но тем не менее, он в то же время являлся им.

Потому что он его в себе чувствовал. Он себя им представлял.

Он разговаривал как уайльдовский лорд Генри. И он действительно был достаточно остроумным, у него был очень живой ум, он

был великолепен в плане речевого потока, и он свою не очень красивую и чистую жизнь перебарывал вот этой виртуальной жизнью, которая становилась, в принципе, материальной.

Потому что он действительно был этим самым лордом Генри воочию. Что он жил и думал как он. И говорил как он. Но не цитируя героя Уайльда, а острил, блистая остроумием собственным.

А вот что написал Дар в предисловии к самиздатовскому сборнику стихов Трифонова, который был издан на Западе еще в советские годы: «Этот трагизм неприменимости, практической бесполезности, невозможности достигнуть полной любовной реальности, роднит его

однополюю любовь с бескорыстным и чистым искусством. Ведь это чистая игра чувств, столь же извращенная, как и противоестественное желание человека говорить в рифму или извлекать из музыкальных инструментов звуки, которых не существует в природе».

Дальше – что я пишу о Геннадии: «Все же с ним ну очень все непросто. Дост (Достоевский - А.Б.) и Пруст психически отдыхают. В "гламурном" (синоним) журнале он тиснул свою статью о Даре, где густо использовал цитаты из нашей с Асей книги без каких-либо ссылок на источник.

Да что-то еще красиво приврал от себя. О себе же любимом. В ответ на наше с Асей возмущение этим, заявил: “Ненавижу я вашу правду!”

“А я ненавижу твою ложь!” – сказал я.

“Ну и сиди со своей правдой в говне и нищете, - ответил он. – А мне "гламурные" издания платят зелеными”».

Ну, закончим о Трифонове на том, что пепел его был захоронен в любимом его Павловском парке - в реке Славянка.

Вот мы упомянули поэта Василия Филипова, Царствие ему Небесное, которого курировала последние годы, когда он уже обитал в дурдоме, Ася Львовна Майзель. Он тоже был учеником Дара, пока еще не был в дурдоме. В общем, эти люди связаны.

У меня даже есть фотография: я и Вася Филиппов перед Новым 2006 годом в гостях у Аси Львовны. Вот с Васей, талантливым поэтом, о котором Виктор Кривулин сказал, что, может быть, после нас никто не останется, кроме Васи как поэта.

В свое время отец от него отказался, мачеха добилась выписки его из квартиры, и получилось, что, при всем «гуманизме» сограждан в белых халатах, отдать было Васю некуда.

Нашлись люди, которые ему помогали, это как раз Ася Майзель и Кирилл Козырев, из рода тех самых Козыревых, кстати говоря. Родители – диссидентская богема, а брат отца – знаменитый астроном Козырев, репрессированный, и автор идеи машины времени. Но это другая история.

Я, повидав тогда Васю у Аси Львовны, был поражен.

Я довольно долго его не видел и понимал, что не в Куршавеле бедняга провел столько времени, но я помнил пессию Дара нежным задумчивым юношей. На фотографиях в интернете можно увидеть прекрасного, красивого юношу, Васю Филиппова, и вдруг, а таких фотографий тоже много, - маленький, страшный, помятый юродивый!..

Меня он, естественно, при встрече не узнал, а даже принял за знакомого священника, и упорно называл Николаем Пантеличем и все время пытался ручку облобызать. Тяжелый случай. Поэтому книга, изданная Асей Львовной, и премия Андрея Белого за эту книгу, - слабая компенсация за казенную преисподнюю с лошадиной дозой аминазина с галоперидолом...

И вот последнее, что я хочу сказать об Асе Львовне, как бы уже в общем плане, не столько о ней, сколько о таких, как она.

Что означает преемственность в нашей культуре?

Ведь одного только осеменения, опыления старшими младших, недостаточно без реальной культурно унавоженной почвы. А ведь реальная почва, перегной этот, гумус, это не только язык, но и культурный слой, без которого наша городская культура была бы совершенно бесплодна.

А что это за культура?

Это плохо различимая интеллигентская масса учительниц, библиотекарей, доцентов и дворников, гениев и графоманов, и кто здесь кто, еще история покажет. Неизвестное имя может стать известным, а известное – кстати, известное в самом плохом смысле слова, так что лучше он был бы и неизвестен в то время...

Писатель Владимир Лапенков о прозаике Валерии Холоденко из круга Давида Дара.

А.Б - Ну хорошо, хорошо, про Холоденко расскажи немного, Володя.

В.Л. - Про Холоденко сказать можно многое, но и, как говорится, многое не скажешь.

Потому что, в принципе, это один из самых "сокровенных" и малоизвестных авторов, о котором трудно что-либо сказать как раз много.

Или как раз наоборот, можно сказать сильно много.

Есть, собственно говоря, в Википедии о нём статья.

У Холоденко при жизни было всего две публикации.

Первая публикация – в 1972-м году в альманахе «Молодой Ленинград».

Там был опубликован очень интересный текст.

Дайджест из его большой повести, которая называлась «Законы молитв», которая была закончена в 69-ом году.

Она вышла под названием «Мир для двоих».

Или «на двоих», сейчас не помню.

У меня, кстати, есть этот номер, «Молодой Ленинград», альманах, 1972-го года.

Тогда этот альманах выходил якобы для молодых писателей несколько лет, достаточно уже раритетное издание.

Кстати, в этом же альманахе печатались, публиковались достаточно интересные имена, которые потом в 1970-1980-е годы за рубежом стали известны, сейчас их не буду перечислять. Но можно позднее перечислить.

Там опубликовали небольшой текст – выжимку, как я сейчас вспоминаю, из этой его повести, законченной в 1969-м году. В 1972-м году напечатали как «Мир на двоих». Это была повесть, в принципе, о любви.

О любви мужчины к женщине.

Для тех лет эта повесть, я сейчас имею в виду не официальную публикацию, а именно машинопись, она была достаточно новаторской.

К тому времени, это было советское время, начало 70-х годов. А что у нас в советское время печаталось на эротическую тему?

Ну как мы знаем известную цитату "в СССР секса не было". Помним эту знаменитую передачу с Владимиром Познером, где одна из её участниц сказала: «В СССР секса нет».

И поэтому расхваливавшаяся по рукам тогда, еще до публикации в «Молодом Ленинграде» повесть Холоденко «Законы молитв», в кругу Давида Дара и вообще, в кругу ленинградских литераторов, официальных и неофициальных, была очень популярна.

Те же Сергей Довлатов, Андрей Битов её читали и, в общем, насколько я знаю из устных источников, на них проза Холоденко повлияла, потому что Холоденко – первый, кто написал красиво на русском языке об эротике, о сексе как таковом, в современной русской прозе.

Хотя, в принципе, у него были какие-то предтечи в этом плане, он уже, благодаря Дару, читал «Политу» Набокова, в экземпляре, жутко сфотографированном с американского издания в переводе на русский язык.

Я сам потом читал этот же конкретный фотографический текст.

Это - ужас, ужас, ужас!

И, может быть, на русском языке ещё можно было прочесть перевод с немецкого, советская власть об этом не очень думала, но "антифашист" Томас Манн у нас был опубликован, его знаменитая повесть «Смерть в Венеции».

Потом экранизированная Лукино Висконти.

Многие в СССР, естественно, этого фильма не видели и даже не знали о его существовании.

Но Холоденко даже не зависел от этих классиков. От Набокова и Томаса Манна. Потому что, в принципе, он в этом плане был самобытен поневоле.

Как все мы в те годы были самобытны поневоле.

Потому что это сейчас любой человек в интернете может найти любую литературу, получит ответ на любой свой вопрос... ему будет все известно... интернет даст тебе любую информацию.

В эпоху железного занавеса, в 60-е – начало 70-х годов, мы могли читать только редкие какие-то машинописные книги.

Ну из биографии Холоденко могу сказать, что он учился в Художественном училище имени Серова на отделении художественного оформления, где создал джаз-оркестр и где играл на барабанах.

Он также посещал литобъединение «Голос юности» при Даре.

Там познакомился с Горбовским, Охупкиным, Соснорой.

И я уже упоминал альманах 72-го года «Молодой Ленинград», где помимо него, публиковались Елена Игнатова, Юрий Шигапов, Геннадий Алексеев, Владимир Алексеев, Герман Сабуров, Матюшкин-Герке, Михаил Мишин, Александр Житинский и другие.

И кстати, Дар писал по поводу его повести «Законы молитв»: «Ты не мой ученик, - писал Дар, - ты явный блестящий ученик Томаса Манна и Владимира Набокова. Единственный их ученик в советской литературе. Спасибо тебе за то, что ты научил меня писать о сексе».

Хотя это был даже не секс.

Это была, собственно говоря, такая эротика, которую сегодня даже смешно назвать эротикой. Но тогда для советской литературы это было что-то, конечно, невообразимое...

Это была фактически неопубликованная вещь, потому что то, что было опубликовано, в том же «Молодом Ленинграде», абсолютно было кастрировано.

Но люди, которые крутились вокруг издательств и «Молодого Ленинграда», типа Битова, Житинского, Сосноры, Горбовского и другие, они все это знали, они все это читали в оригинале, в "некастрированном виде".

Холоденко у них шел как новый Томас Манн или новый Набоков. Начинаящий, естественно.

Гонор, собственно, поднял его, и он начал пить достаточно сильно, поскольку тогда вообще был момент такой хемингуэйевский у писателей в СССР, как говорится, «писатель должен пить!».

Все мы - фицджеральды, хемингуэи, фолкнеры и так далее и тому подобное.

И даже Довлатов в своем «Соло на ундервуде» упоминает такой вот анекдот: «Пьяный Холоденко шумел. “Ну и жук этот Фолкнер! Украл, паскуда, мой сюжет!...”».

В то же время, когда Дар эмигрировал в Израиль (уже он переписывался с Довлатовым), Довлатов написал документальный рассказ «Последний чудак» о Даре, и там, в частности, Дар в своем письме Довлатову упоминал и Холоденко.

И кстати, обижался тогда на Довлатова: «Что за панибратское отношение к вашим же несчастным современникам! Я обиделся, - пишет Дар, - за Володю Губина, Юрия Шигашова, Валеру Холоденко, Володю Алексева и других весьма талантливых, на мой взгляд, писателей, которые, в отличие от вас, не обладают могучей исполинской фигурой (понятно, да, что о Довлатове? – В.Л.), атомной энергией и вашей армяно-еврейской жизнеспособностью. Подтрунивать можно над победителями: Львом Толстым, Владимиром Набоковым Андреем Битовым, Сергеем Довлатовым.

Но подтрунивать над спившимися припадочными, несчастными, всеми оплеванными, честными, мужественными жертвами литературы, на мой взгляд, непорядочно. Ни Губин, ни Шигашов, ни Холоденко не бежали с поля боя, как, допустим, Воскобойников или Горбовский.

И поэтому они заслуживают уважения.

А вы, пишет он Довлатову, - о Вере Федоровне пишете с уважением, и даже обо мне. А о Володе Губине без должного уважения. За это следует бить морду! Любому!»

Это цитирует сам Довлатов в своем рассказе «Последний чудак».

И об этом же анекдот гулял в интернете, что Дар распространял призывы: дескать, набейте морду Довлатову.

Следующей публикации после 1972 года Холоденко пришлось ждать 20 лет.

В 92-м году наконец-то был опубликован, написанный в 69-м году (потом он, правда, немножко правился), его рассказ «Ловец. Из книги моих преступлений», журнал Нева», № 10, и с небольшими изменениями в «Вестнике новой литературы» Михаила Берга и Михаила Шейнкера.

Но тогда уже писатель был безнадежно болен и в 1993 году он умер.

То, что опубликовано из прозы Холоденко, лишь надводная часть айсберга из его творческого наследия. Остальные рукописи лежат в столе и у дочери его, и у меня.

Ну что еще рассказать?

А.Б.- Шейнкер мне говорил, что он хотел тогда в "ВНЛ" опубликовать ещё и другие тексты Холоденко. Но с ними нужно было много работать, редактировать их тщательно.

В.Л. - Да, ну еще была публикация, рассказ «Мост» (отрывок из повести). Сначала она была в самиздатовском журнале, потом была опубликована в третьем номере «Коллекции ленинградской прозы», 2004 год.

Ну это, можно сказать, я с помощью Бориса Ивановича Иванова и Ирины Кравцовой опубликовал в издательстве Ивана Лимбаха.

Есть такая проблема. По поводу его прозы...

Текстов Холоденко осталось сравнительно много, но они плохо отформатированы, что называется, требуют некоторой редакторской работы.

Потом еще был такой, ну совершенно неизвестный альманах «Русская проза» – номера «А», «Б», «В», несколько было изданий.

Вот в номере «В» был опубликован его рассказ «Рисовальщик», написанный где-то в 74-м, и исправленный в 90-м году.

Вот там цитата из предисловия к этой публикации: «Кредо Холоденко как в творчестве, так и в жизни – любовь ко всему живому. В повести «Рисовальщик» есть такие слова: “Он влюблялся во всё красивое без страха: будь то женщина или мужчина, цветок или зверь, он не скрывал своей нежности”. Отсюда, от этой нежности, от перевода любой мысли или внешнего события в чувства — обилие внутренних монологов-признаний, многоточий; его лирические герои (которые всегда автобиографичны) целуются, обнимаются, плачут (множество разновидностей слез, в том числе и мужских, в том числе и пьяных), смеются. По сути, это следствие его слияния с окружением, с природой, с другими людьми; “соединения”, как любил повторять сам автор, В. Холоденко».

Тут еще один момент. У многих произведений Холоденко был такой подзаголовок: «Из книги моих преступлений».

Где-то несколько лет тому назад со мной связалась по интернету Джорджия Гуэрра, девушка-славистка из Италии, которая написала дипломную работу по прозе Валерия Холоденко.

Вот что интересно. В России многих хороших писателей забыли, никто их не знает, а в Италии пишут дипломные работы о Валерии Холоденко, о Юрии Шигапове, об Аркадии Бартове и других питерских неофициальных писателях советского времени.

«Ну сколько можно писать о Достоевском?» - сказала мне та же Джорджия Гуэрра.

Потом есть ещё итальянка Наоми Албанези, которая написала недавно о прозаике Борисе Кудрякове дипломную работу.

У Джорджии Гуэрра возник ко мне такой вопрос: Что значит «Из книги моих преступлений». О каких преступлениях идет речь?

И это довольно тонкий момент, потому что я сам его не сразу понял.

Потом уже, оглядываясь опосля, я увидел, что в принципе это практически фрейдистская история.

Но не просто фрейдистская, а исключительно принадлежащая советскому периоду. Именно советскому брежневскому периоду.

С той ситуацией, которая царила в нашей литературе именно тогда, в 60-е или даже, точнее, в 70-е годы.

Вот это, с одной стороны – ханжество, с другой стороны – такой комсомольский псевдозадор, который существовал в официальной литературе и которая вытесняла всех прочих авторов, чтоб писать в стол или в самиздат, или в тамиздат.

И сам факт написания чего-то живого – он уже был криминалом...

Самоцензура тогда тоже существовала, и авторы преодолевали цензуру, которая лилась из всех источников, из «Комсомольской правды», двух или трех каналов телевидения. Все тогда было комсомольским, если не было партийным. Ну разве что октябрятским.

Но с другой стороны в этом была и своя прелесть, потому что как бы каждый знал свою нишу...

Каждый солдат знал свое место, каждый солдат знал свой прием.

То есть не было такого постмодернистского состояния, которое сегодня существует. Когда один человек может быть одновременно везде на всех фронтах, быть и геем, и олигархом, и чиновником, и, я не знаю, ну и так далее и тому подобное. То есть всем одновременно. И это никого не удивляет. Патриотом, предателем, фашистом, коммунистом, усатым, безбородым, кем угодно.

То есть нынешний, так сказать, постмодернистский век нас уже ничему не удивляет.

А в советское время все было и проще, и легче, и как бы никто не путался, где он находится.

То есть когда мы говорили тогда «двоемыслие», это был изумительный простой момент. То есть двоемыслие было на самом деле полное одномыслие, единомыслие.

То есть мы понимали что где. Что налево, что направо. Вот это было двоемыслие.

А сейчас сегодня одно, а через секунду другое.

Сегодня мы уничтожаем весь мир, а через секунду мы его любим и спасаем. Сегодня, в эту секунду, мы воинственны, а в следующую секунду мы мирные. Ну и так далее и тому подобное. То есть сейчас, сегодня за меня скажет это любой, лучше, чем я. Войдите в интернет, посмотрите телевизор, и вы увидите, что все возможное существует в единую секунду одновременно.

В этом плане советское время было абсолютно другим. Оно было действительно не шизофреническим.

То есть шизофрения – это тоже, в принципе, двоемыслие.

Сейчас же – многомыслие.

Поэтому шизофрения до сегодняшнего времени никак не достигает.

Параноия – это тоже, как говорится, единомыслие. В принципе. Только особенное.

Для нынешнего времени еще нет своего Фрейда, Бехтерева, Ганнушкина, которые сегодняшнее время обозначили бы. Мы еще ждем новых бехтеревых и щегловых, которые нам объяснят, какими сумасшедшими были мы. Или водители нашего времени.

Советская эпоха недаром сегодня является ностальгией для всех ныне живущих. От и до. От самого верха до самого низа.

Потому что тогда было все ясно. И тогдашнее двоемыслие - это на сегодняшний день просто какой-то школьный катехизис, в котором совершенно все понятно.

И вот Холоденко, о котором мы говорили, жил в этом советском катехизисе, и его эротизм был очень характерным нарушением для того времени.

И сегодняшнему времени это понять невозможно.

Но тогда все писатели того же круга, круга Дара, понимали, что Холоденко был на переднем краю, если можно так выразиться, эротического самовыражения. Ну вот сохранилась эта проза: «Законы молитв», но она не опубликована. До сих пор. Хотя мной оцифрована может быть, не в очень хорошем состоянии, но она существует. Ну вот, собственно говоря, о Холоденко вкратце.

=====

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ⁱ «Пара меморий». СПб., изд-во XXI век, 2011 г.; переиздано вместе с ранней прозой в изд-ве Юлукка: «Буквоборцы», СПб., 1915. (В названии отражен как факт двухчастности текста, так и паранормальность авторского подхода к жанру). Впрочем, вездливый Боря Лихтенфельд отыскал несколько блошек: фотограф Окулов был мною назван Акуловым (был среди моих знакомых писатель-философ и с такой фамилией), прозаик Петряков стал «Петраковым», а Славе Долинину я приписал «ночь длинных граффити» с росписью антисоветских лозунгов на стене Петропавловки, к чему Долинин на самом деле ни ухом, ни рылом... Вот, что бывает, когда стараешься, чтоб буквам-блошкам было тесно, а концептам-рецептам просторно. А вот моей дочери мемуарий очень даже понравился, о чем она сообщила на своей странице «В Контакте». Ну еще бы, ведь я там ни слова не сказал, как она выжила меня из квартиры, а внучке запретила с дедом общаться...

ⁱⁱ На мой взгляд, несмотря на литературные регалии, писатель он слегка пресноватый, за исключением м.б. своей первой, автобиографической, повести «Мост через Лету». Из нее мне запомнилась сцена, где материализовавшиеся герои авторской пьесы о пионерах-партизанах, поставленной в ТЮЗе («Шел мальчишке 15-й год»), подкараулили творца в подворотне и – в отместку за фашистские пытки и пули – отпиздили за милую душу. Искусство – в жизнь!

ⁱⁱⁱ Так что «не только Бродский» (вспоминая историю о том, как нобелеат «замочил» в свое время аксеновский «Ожог»). Обыкновенная история обломов и обрывов! А про «борисиваньчей» см. ниже.

^{iv} Можно сказать и так, в порядке самокритики, что деградировал лапенковский геном. А то! Поползав червячком в сетевых документах, открыл для себя боярина «Лапу» Кутуза, чей сын Андрей Лапёнок был послан в Турции, в 1500-м году убитый в Диком Поле казаками Угу-Черкесом и Карабаем (см. у В. Татищева и ак. С.Б. Веселовского). Будущие графья Кутузовы-Лапенковы происходили родом от некоего Прокши, а уже его предок – тысяцкий Ратша (варианты – Радша, Гатуша), пришедший, согласно государевой Бархатной книге, «из немец»; вариант – «из прус»). Меч его (по версии Карамзина) хранился в соборе Св. Софии и был вручен посадницей Марфой Борецкой воеводе Мирославу для борьбы с Иваном III. Это о Ратше (гипокористика от Ратмир или Ратибор?) писал в Родословной наш главный пнит: «Мой предок Рача мышцей бранной Святому Невскому служил...». Возможно, здесь Шурик слегка обмишулился, поскольку современный историк полагает, что сам прадед Гаврилы Олексича и предок Григория Пушки, жил веком ранее. Есть еще ряд гипотез с упоминанием тысяцкого Ратибора, богатыря Ратмира, летописных Ретешки и Гаврилы Кыяниновича, киевского тиуна Ратши, Радши из Сербии, ободритских князей, немецких герцогов из рода Грифичей (не от Кривайтисов-Кривичей ли?) и т.д. Впрочем, судя по Гугл-поиску, не все из Лапенковых уж так деградировали, и на мне род не закончился.

^v Здесь наверно уже пристало сознаться в стыдном грешке пубертатного «пиндосизма». Ну что тут попишешь, американская литература – лучшая в мире литература для подростков и переростков (от Купера и Твена до Сэлинджера, Фолкнера и далее по списку), а если еще прибавить к этому рок, блюз и прочую семитохамитскую джазофрению... то, боюсь, уже намного потянет, господа пристяжные председатели!..

^{vi} «Дело – табак!», как говорили в свое время (в обратном переводе: «Ситуация становится опасной, сэр!»). Опять же, в семье не без урода, но в целом мое поколение – дети фронтовиков, поэтому без папироски в зубах современника-сверстника представить трудно.

^{vii} А первый, после азбуки, прочитанный мною текст оказался не книжкой, а боди-артом: сын хозяина дачи, недавно освободившийся, заснул во дворе на скамейке в одних подштанниках, по случаю сильной жары и крепкого самогона; я подошел и вслух начал читать странные, но интересные, выражения на его разрисованном теле, до тех пор, пока он не проснулся и не надавал мне подзатыльников.

^{viii} В своих воспоминаниях поэт Владимир Алейников (не путать с репрессированным Николаем!) пишет, что однажды все-таки видел Эрля «настоящим», без хармсовской маски. Мне тоже в молодости, когда мы дружили, подобное доводилось видеть, но с годами маска приросла к лицу: г-н Горбунов не говорил, а вещал только афоризмами-апофтегмами, довольно язвительными, и рисовался не Хармсом даже, а, пожалуй уже, Заратустрою. Что, кстати, не слишком-то нравилось реальному обэриуту, И.В. Бахтереву (см. Парамеморий).

^{ix} Не стану унижать читателя лекцией о природе социально-культурных девиаций.

^x Правда, эта удача в игре на выживание потом скомпенсировалась бес-конечными стрессами и картинками мучительной и долгой агонии самых близких людей (матери и жены), да распрями с дочерью и безразличием внуки.

^{xi} Псевдоним Аркадия Шейнבלата, который был выбит на его надгробии в Комарово.

^{xii} Позднейшая рефлексия: как-то на литвечеринке, по прочтении данного текста, я выслушал инвективу Бори Останина, указавшего мне на маргинальность этого термина. Это москвичи говорили «андерграунд», а ленинградцы предпочитали выражение «вторая культура». Американизм, мол, здесь, как и «торг», неуместен и свидетельствует лишь о моем собственном положении в данной культуре. Формально Борис прав (и в «предпочтении» и в «положении»). Но не потому, что мой термин вовсе не употреблялся, а потому, что *не котируется* в кругу Бориса Иванова или Кривулина. Однако я позволю себе эту вольность аутсайдера. От слов «2-я культура» неизбежно веет эстетической вторичностью, «второй свежестью». Правильнее было бы говорить о *неофициальной* культуре и *самиздате*. (А м.б. – «теневой», как «теневое правительство»?.) Но и это определение звучит неуклюже и логически неточно, ибо в противопоставлении «неофициальному» здесь оказывается не только «голимый» официоз, но и вся прочая культура.* Выражение «самиздат» исторически локально, с неустранимой отсылкой к технике производства. «Андеграунд» (без «ера», акцентирующего иноязычность) термин довольно абстрактный (типа «капитал», «либерал»), он подчеркивает некую социальную маргинальность, но сам по себе в меру пластичен и «надпартийен». Формально его можно сравнить с латинскими классификациями флоры-фауны, но по-русски он более легко выговаривается. Другой вопрос: кому это сейчас интересно?.. Старинный спор «древлян» между собою. Миазмы неизменных «измов». И с места они не сойдут. Аргументы маргиналий на полях прошедших сражений. Игривые классики аплодируют лёжа. Во гробах.

* *Прим. к прим.:* А реальная жизнь сочнее и пузыристей терминологических заклинаний. Представим себе условного советского автора, произведение которого не вышло в свет по причине излишне «смелого» новаторства. Позже оно ушло в

самиздат и в тамиздат, а сам автор эмигрировал (или посажен), но после очередной смены вех вернулся («откинулся») и заново опубликовал давнишний шедевр, показавшийся, однако, по новым временам, «слишком» традиционным и зауридным (а по «сверхновым» еще и «руссофобским»). Ну и попробуйте теперь классифицировать данного чувака одним словом!..

^{xiii} Сравнение с Кафкой, конечно, довольно условное, но стиль Б.Д. тоже был особенным: каждое его, отдельно взятое, предложение выглядело простым и обычным, но в составе *абзаца* фразы начинали вдруг взаимно интонировать и создавали новый самостоятельный образ.

^{xiv} Почему именно *они*? Да просто вспомнилось: концептуальные статьи Уайлда «Упадок лжи» и «Критик как художник» (из подаренного мне Геннадием собр. соч. мэтра в приложении к дореволюционной «Ниве») и революционные лозунги леваков 68-го – «Запрещено запрещать!», «Воображение у власти!» и «Будьте реалистами – требуйте невозможного!». Для вчерашнего хипаря вполне знаковые точки.

^{xv} Злословие помогало бороться с фрейдистскими комплексами. Так, я любил иногда сунуть какого-нибудь начинающего гения носом в его малограмотность. Если же передо мной находился автор явно превосходящий меня в многоочении, я выбирал другую стратегию: «Да чего стоит эта ваша буржуазная культура!?. То ли дело – секс, наркотики и рок-н-ролл!».

^{xvi} Любопытно, что в «Большой книге интервью» Бродского (изд. В. Полухиной), поэт отвечает на вопрос корреспондента «Обсервера» о свободе, что «свобода существует затем, чтобы ходить в библиотеку». (Хотя, конечно, самиздат, тамиздат и черный рынок в «совке» еще более важны). В другом месте он отмечал, что личность человека есть результат его чтения. (Ну, тут сразу виден хвост Дара!). Из моего текста понятно, что я до сих пор не простил емилины подлянки, но теперь хотя бы могу уже объяснить его психологию. Ну в самом-то деле! Ты годами совершенствовал свое «кунфу», нарабатывал авторитет, за тобой следуют адепты, а тут является с улицы какой-то волосатик на кривой кобыле и в пять минут рушит на глазах у всех твою харизму (см. Парамеморий). Да я и сам бы захотел убить на месте такого мерзавца...

^{xvii} «А ведь мое исключение это же ваш брак в работе!» – по-иезуитски посетовал я, думая, что уж припечатал, так припечатал. Но завуч ничуть не смутился и ответил с нескрываемым ядом в голосе: «Ничего, нам положен определенный процент на *отходы*».

^{xviii} Ну «характер», что тут скажешь! Похоже на то, как в детстве я ходил в гости к соседям по коммуналке: когда всем уже окончательно надоел – меня выставляли, а я, поскучав немного в темном коридоре, заявлялся к ним снова, и так по несколько раз. Через много лет как-то сказал своей внучке: «Будешь еще хулиганить – засуну в мусорное ведро!». «А я и оттуда буду высказывать и хулиганить!» – не смущаясь, отвечала она.

^{xix} Мне это не удалось ни в коей мере; как раз напротив, Холоденко приучил меня к креплѐным портвейнам, хотя я раньше ничего кроме белых болгарских «сухих» в рот не брал. А водке-спирту-самогону я обучился уже позже, в узком профессиональном кругу советских трубочистов. О пьянстве я еще скажу потом несколько слов.

^{xx} После ряда, в разной степени неудачных, попыток Геннадий прошел через

отечественный концлагерь, зарубежные лекционные турне и дожил таки до заслуженных седин и инвалидной трости. Свой прах он завещал развеять над речкой Славянкой в Павловском парке, что и было сделано, и даже зафиксировано на видеокамеру его немецким другом, Андреасом Штрофельдом. (Кстати, думаю, что об этом небезынтересно было б узнать Сюзанне Масси, которая взяла шефство над парком в ельцинское время). Потом, гуляя по парку, я указывал своим друзьям, в частности, С. Стратановскому, на то место, где, судя по кинокадрам, это произошло. «А ты в прошлый раз указывал на другое место!» – с укоризной заметил мне Стратановский. У поэтов весьма цепкая память...

^{xxi} Бродский сказал в одном из своих интервью, что как писатель Дар недооценен. Собственно, мало кто не только читал, но хотя бы слышал о даровских философских притчах и афоризмах. Мы с Асей Майзель и ККК выпустили книгу о нем с его текстами («ДАР». СПб.: «Петербург-XXI в.». 2005), но в магазинах ее искать бесполезно: она есть (файлом) только на сайте Голубая Лагуна (пока еще) и в двух библиотеках, в нашей «Щедринке» и в б-ке Конгресса США.

^{xxii} Еще в школьные годы я как-то пожаловался ему на притеснения со стороны родного отца. «Устрой мне с ним встречу, я ему всё разьясню». «Да он не станет вас слушать!» «Ничего. Я поговорю с ним *как фронтовик с фронтовиком!*» Я невольно бросил взгляд на его трость, вспомнил об осколках в ноге и тут же прикинул шансы: мой-то на голову выше и кг на 15 потяжелее... В общем, спустил я это дело «на тормозах» и не выполнил просьбы... Но сегодня, доживши до такого же возраста, с опозданием разумею весь психобгаж собственного родителя: сын «врага народа», заработавший туберкулёз на войне, потерявший брата и двух малолетних детей, но не спившийся, а экстерном закончивший «Бонча», мужик на все сто и мастер на все руки... А няня-сынок не в него. И вот недавно нашел на сайте «Память народа» рассекреченный приказ о наградах: среди прочих медалей, орден Славы получил он за то, что «в бою за ст. Весербах с группой в 6 автоматчиков проявил себя смелым и отважным, трижды отбивал контратаки немцев за важный рубеж, перевязал и вынес с поля боя раненого товарища под сильным огнем бронетранспортера противника».

^{xxiii} У Дара главная задача и жизненная радость: «раздуть огонёк» личности в молодом человеке. Но нет добра без диалектического худа: «раздувается» всё скопом, включая и самомнение. М.б. для Емельянова, Любегина (и еще кой-кого) это было лишним. Меньшие претензии и большая объективность избавила бы их от чрезмерной зависти и подлости, от предательства и от желания «пасти народы». А в итоге Емельянов, учителю в противоход, только *гасил* «огоньки», да и Любегин не выглядел бы пред публикой уж столь позорно, когда на сцене филармонии бубнил в лицо Горбовскому гугнявые морали (в день юбилея) за его «Фонарики ночные». С другой стороны – возможно ль удержаться на тонкой золотой серёдке? Ну, будь *порациональнее* Соснора, Холоденко, Шигапов... тогда что? Меньше бы бухали? Да, но меньше б и писали, верней – скучнее, а еще вернее – и пить бы завязали и в «нетленку», в «гениальность», играть, а делали б *нормальную карьеру* и стригли бы купоны...

^{xxiv} Вот еще к месту цитата из воспоминаний Игоря Ефимова: «Давид Яковлевич был смутян со стажем».

^{xxv} Здесь, у Деда, сочувственно-человеческое явно превалировало над концептуально-литературным, хотя бывало, увы, и наоборот.

^{xxvi} А перед этим им еще было сказано: «Не случайно Давида Дара удостоили своей привязанности и дружбы Анна Ахматова и Михаил Зощенко... Много чего говорили о нем. А он был (и слава Богу – есть) – *настоящий писатель*. Этого достаточно». Дар сообщил мне (В.Л.) незадолго до смерти, что сейчас пишет *лучшее* свое произведение из всего того, что когда-то писал. Я в последние годы провел рекогносцировку через знакомых по Св. Земле, но увы – никто, ничего, ни хрена... Хотя, думаю (и даже уверен), что последние его письма – мне, Косте Кузьминскому и Асе Майзель – черновик этой прозы.

^{xxvii} Типично феминная ошибка при внешней оценке масштабов: некоторые «плюгавые» вполне могли переплунуть «титанов» в аспекте скрытых свойств, параметров и атрибутов.

^{xxviii} Признаюсь, что черный юмор Олега Григорьева об «электрике Петрове», или Владлена Гаврильчика о Пушкине, для меня не менее ценны, чем сам А.С. или горькая смерть девушки Фауста.

^{xxix} Опыт старших имеет значение только в обществе и мире, которые изменяются *медленно*, т.е. чем быстрее, тем меньшее значение имеет опыт, и наоборот (но совсем наоборот уже не будет: внуки учат стариков как обращаться с новой техникой!). Та же история и с ценностями культуры, литературы, с моралью, наконец. А что же конкретно с ними происходит? Они становятся *специфичными*, экзотическими, маргинальными, в лучшем случае – сохраняющимися в тренде как *культура ретро*. Что-то будет забыто, что-то пропадет навсегда, а что-то обязательно будет понято неправильно. Да и понято кем? Редкими любителями старины и экзотики. Т.е. факультативно. Наподобие темы *Набоков и бабочки*. Хотя с эпохой цифровизации и алгоритмов искусственного интеллекта ценность самой личности («гениев» романтической эпохи XX века) сходит на нет, функционализируется и абстрагируется. А типичные «набоковы» уже будут представлять собой тех самых редких экзотических «бабочек» («искусство для искусства», или фрики для фриков), интересных лишь постольку-поскольку... Да, тема измен-изменений это вечная тема!..

^{xxx} Вот ведь интересная фигура! Как если бы Мармеладов, Лебядкин, Башмакин и прочие горе-гаврильчики, отчаявшись дожидаться, когда их равноценно выразят достоевские-гоголи, стали писать и философствовать *сами*. Вова наш – чистая категория маленького человека, Чарли-Шарло. Уютно разместившись под «шконкой» (под кроватью в комнате коммуналки), надежно спрятавшись от строгой (хоть временами неверной) жены и вечно злобной соседки, грезит и медитирует, рассуждая о формах добра и зла и об устройстве бесконечного бездушного Космоса. А его альтер-эго, герои повестей и рассказов, это такие же неуклюжие и беспомощные природные буддисты, тревожно будящие какую-то затаенную душевную струнку в заскорузлом сердце читателя.

^{xxxi} См. «Краткий исторический очерк райсийской культуры для карманной энциклопедии». Газ. «Гуманитарный фонд», № 51, М.: 1991 г.

^{xxxii} Первый переводчик и комментатор – Щуцкий.

^{xxxiii} Друзья не верят ряду моих рассказов (вроде истории двукратного знакомства с Кириллом Бутыриным; см. Парамеморий) – слишком, мол, литературно. Но выдумывать мне никогда не было интересно. Просто в *Реале* слишком много случается символических рифм-перекличек. Мистике я и сам не доверяю, но все же целый пучок мистических совпадений не могу не отметить...

^{xxxiv} Сютки сютками, но безусловно есть такая штукаёвина как пси-поле, волна захватывающей взрывной эмпатии, куда можно попасть и без особых медитаций и без треска кастанед. Какие-то реперные коммуникативные точки появляются вдруг в окружающей атмосфере, мы невольно подключаемся к некоему ретранслятору и ощущаем реально виртуальный эффект... Наверное каждый может вспомнить что-то подобное из своей биографии. Маэстра хоть и гений, а малость недопёр, что пси-поле не случайно возникает в атмосфере-ауре, где permanently создаются «сингулярные», «нейронные», «структуральные», «фрактальные», «нанофональные», «ноосферные» и «гиперреальные» импронеофонии.

^{xxxv} Надо ль давать ссылку на сих философов? Если да, то уж нет.

^{xxxvi} Еще чуток поностальгирую. До замужества нежная девушка только и умела, что поджарить яичницу, но с годами проявила массу талантов помимо кулинарных способностей: портниха, модистка, работавшая с дорогими мехами; валила со мной деревья в лесу и настилала в доме полы, на мой юбилей сплела макраме в полстены – Танцующий Шива; проверяя флейтовые уроки дочери, забиралась в тонкости, мне, меломану, уже недоступные; а под конец жизни вообще стала духовным гуру, когда решение любых серьезных вопросов родственники и друзья начинали с того, что «надо бы у Риммы спросить», «а что Римма скажет?». А погибла она как в античной трагедии, или в мифологической сказке, от собственной силы: стальная воля, которой она обладала, винушила ей, что сможет преодолеть одной силой духа наследственную онкологию...

^{xxxvii} Лично я поэта *Распаионку* не читал, но осуждаю – за костюмчики...

^{xxxviii} Чисто эмоциональный выбор песни за четкий ритм и мужественный драйв, однако попадание оказалось необыкновенно точным. И у родственников, ожидавших традиционный вальсок, отпадали челюсти. Уже в эпоху интернета я узнал, что изначально это был блюз 30-х годов негра-бродяги Роберта Джонсона (рано умершего от палёного виски), а рок-группа Cream исполнила его кавер в Ултиме Туле, далекой мекке хиппистской, граде Св. Франциска, со своим британским «самоваром» горячего 68-го года. Конечно, живой саунд «Санкт-Петербурга» это вам не шипение примитивной пленки «Свема» тех лет, особенно при звучании хита нашего поколения, «Сердце камня», посвященного рано умершему от передоза, «Стоунзу» Брайану Джонсу, и особенно при участии электроскрипки Никиты Зайцева (тож рано умершего от передоза). Видимо, задолго до создания Мировой Паутины существовал поверх наших нестриженных забубенных голов некий виртуальный мир проникновенных символов и грустных перекличек. Зато сегодня в нравственном и эстетическом плане всё зашибись: услужливый Ютуб удовлетворяет любые изыски старых и новых, и я, под парами вроде не слишком палёного виски, слушаю высококачественный блюз и рассматриваю старые фотки, в частности, плохо поддающийся фоташопу снимок нашего танца и вполне приемлемый современный (из Сети), где ратуют за ЗОЖ Володя Рекшан и Эрик Клэптон, только что перед тем посадившие дерево где-то под Санкт-Петербургом...

^{xxxix} См. мемуары В. Катаняна (мл.) «Прикосновение к идолам», 1997. Кстати, самый первый докфильм о Бродском в Венеции это работа Н. Федоровского. Когда в начале 2000-х (т.е. уже после самоубийства Натана) его вдова, Галья, заехала в Питер, тогдашний минкультуры Швыдкой устроил ее день рождения в

Мраморном дворце, где самолично играл на рояле («Я с детства мечтал стать тапёром!» – признался министр).

^{xi} А м.б. я зря грешу только на телефонное пиздаболство, поскольку Натан, чей телефон квартирный постоянно был на прослушке, спулся ко мне в котельный подвал, чтобы сделать важный звонок? А вот неожиданными свидетелями оглашения телеграммы от псевдоСолжа стала пара довольно мутных «товарищей», которых притащил с собой на свадьбу Гена Трифонов, и которых я в его кругу ни раньше, ни после не видел.

^{xii} Возьмем, хотя бы, концерт Эмерсон, Лейк & Палмер в Цюрихе 1970-го года. Если бы мы, их советские ровесники, могли тогда это не только *слушать* в подпольном «магнитиздате» на шипящих лентах, а наблюдать воочию... Это и была настоящая революция (выхлоп 68-го). Молодые безумцы-красавцы, виртуозы новейшего креатива, где сплелись классика и рок, зрелое мастерство и юношеская сексапильность, синхронность звучания и веселое хулиганство, интеллигентность и скрытая ранимость... Стало понятно, почему эта новая волна едва не задавила Джиз, всегда олицетворявший свободу. Но зато, с другой стороны, «железный занавес» хорошо тренировал воображение.

^{xlii} Наташка, хоть и была моложе меня, но многоопытней,* и весьма меня избаловала, поэтому носить на спине кровавые следы страсти от ногтей новой подружки мне не очень понравилось.

* У меня до нее была всего одна девчонка, такая же дурочка как и я, А когда она поумнела и потребовала штампа в паспорте, я, не избыв еще страсть к приключениям и рок-тусовкам, испугался скучных взрослых обязанностей и связь прервалась.

^{xliii} Тотальная гибридная система: есть всё – полицейское государство, авторитарная диктатура, империализм, капиталистическая конкуренция, эксплуатация (социально-политическая и экономическая), олигархат, жульничество и фальсификация *всего* (от продуктов и лекарств до выборов и дем-институтов), тотальность запретов для масс и оппозиции с беспределом чиновников и силовиков. Плюс хамство, ханжество и лицемерие в СМИ с воинственной пропагандой-«постправдой» в интерпретации событий. Т.е. взято всё плохое из всех политических систем, но с применительной адаптацией в пользу правящего класса.

^{xliv} Другое дело – расейских гениев в младенчестве тушить. Потому как старые прокопчённые гении вкус уже потеряли.

^{xlvi} Вспоминается еще эпоха викингов, готских королей и раннефеодальных государств – известное из эпоса и исторических хроник показательное потребление и расточительство с последующим неизбежным историческим переходом от исторического периода накопления к абсолютистской монархии.

^{xlii} До сих пор либералы поминают ностальгически Горби. Кстати, мне запомнилась первая ласточка перестройки (она же *ката-*, по Ал. Зиновьеву): речь руководителя кинематографа (сцена достойная острого пера – в бок и в бук – Шекспира-Мольера и Гоголя-Сорокина), когда он по писаному стандарту облизывая имя-отчество генсека, вдруг получил отлуп от него, но, речь свою продолжая, вновь и вновь наткнулся в тексте на сакральную формулу, и наконец прервался в полной растерянности, уже едва не заплакав... И все-таки сама личность михалсергеича не соответствовала серьезности событий (о чем также

писал Зиновьев в книге «Желтый дом»), и Горби не дал нам свободу, а *выронил* ее. Как по этому поводу выразился Стас Белковский, он дал палец, а откусили всю руководящую руку. (Ныне таких ошибок не повторяют: теперь палица вместо пальца, кусай – не хочу).

^{xlvii} Вот как корёжит бедных ущербных и закомплексованных юношей нежданная власть и геополитика! А ведь начинал Йозеф Геббельс как социалист и романтик, искренний поклонник России, Ленина и Достоевского... Его пример другим наука.

^{xlviii} Но это вовсе не было конечным торжеством бюрократии: она также была побеждена авторитарной «вертикалью», сталинским (задолго до маоистских левачеств) «ударом по штабам».

^{xlix} «Советский», или же «Российский», *Человек* это сами по себе идеи-образы, конечно, любопытные, но все-таки мертворожденные. В двух, «гречких», словах это своего рода еретическое павликианство: мол, *нет русского и чужака*, или – *нет русского и чечена*... Кабы да, так нет! (В смысле, конечно же, превратно-обратном).

ⁱ Лектика лектике – рознь, что тож диалектика. Есть в ней и концептуальная хрень центробежная (читай: глобализм), а есть центростремительная (столь же быстрая) – когда все языки обособляются по «квартирам». И тотальная война всех против всех. Где общий, верхний, «лектон» нижние дискурсы разделяет (вплоть до плотной плотской резни) и поэтому властвует. Говоря по-простому, обычный-привычный «базар» (=лексика) вашей (=нашей) тусовки в другом месте могут, как минимум, правильно не понять, а по максимуму... Ну, вы всё уже правильно поняли.

ⁱⁱ Схем м.б. множество. Например, фрейдовскую схему можно распределить на 5 (и даже более) уровней: 1. Бессознательное, 2. Подсознание, 3. Сознание-эго, 4. Супер-эго и 5. Супер-супер-эго в духе Кена Уилбера. Причем, все уровни взаимосвязаны: Бессознательное «питает» Подсознание биоинстинктами, Сознание регулярно «отдыхает», ныряя в нижний уровень и подчиняясь его рефлексам, а нижний и верхний уровни получают от Сознания материал, дрессуру и памятки для дальнейшего усвоения. Ну а «Супер-пупер» это уже пространство медитативно-трансперсонального откровения и инсайта. (Можно еще вспомнить *контуры* Т. Лири/К. Уилсона или *спиральную динамику* К. Грейвза и C° с ее цветной эволюцией от мрачных красок примитивного человечества до светлых тонов продвинутых мастеров).

ⁱⁱⁱ Ментальность и идентичность вещи темные и скользкие, как рыба в пруду. Определяют их обычно писатели и публицисты, ссылаясь друг на дружку по кругу. Но поскольку это делается постоянно, то при известной зависимости бытия от сознания что-то такое входит в наши привычки (и в их оправдания) в реальном качестве. Что-то неизбежно меняется – и технологии, и социум, и психология. Когда-то почтальоны разносили телеграммы в каждую квартиру под роспись. И был свободный проход в каждый дом к каждой квартире. И к тем, у кого не было квартирного телефона, знакомые ходили в гости без предупреждения, нередко приводя с собой и незнакомых (и только в экстренных случаях, вроде смерти или заразной болезни, гостей могли не впустить). Тут же мог начаться пир на коммунальной кухне. И вполне мог закончиться драчкой (а драчки были весьма частой картиной тех лет – возраст, пол, образование, социальное положение, число участников никакой роли здесь не играли).

^{liii} Старорежимные (мое поколение) были весьма и до смешного невежественны: особо в науке продуктов, лекарств и в прочих тонкостях.; ну совсем первобытные! У Гугла, ведь, не спросишь, как ныне. Даже странно, что выжили-дожили. С другой стороны, сегодняшнее поколение «знатоков», с *умной думкой* в руке, тож не всевластно, а даже во многом бессильно перед дигитальными технологиями, которые уже каждый шаг-чих контролируют, а вскоре займутся и мыслями. В общем, никак не устаревает древний китайский афоризм: «Когда рождается великий мудрец, тогда же рождается и великий разбойник». В сравнении с годами 50-80-ми интеллигенция столько уже «гнозиса» засосало, что «мама не горюй!», однако и верхи правят уже не «по-старому», так что впору опять Экклезиаста цитировать о безнадежности и тщете подлунного мироустройства.

^{liv} Намек на рассказ Аркадия Бартова «В гостях у советской литературы».

^{lv} Позже стало известно, что это была пропагандистская, хорошо разрекламированная, утка. Однако не все так просто: ноги всегда из чего-то растут. Часто миф несправедлив, но никогда не случаен. Если б на место амеров прописали немцев, турок, китайцев, то веры было бы меньше, а сомнений побольше. *Из глубины веки* вечно торчат. Ежели русский – ни разу без газу, франк – щёголь и франт, бритт – был отбрит и ушел по-английски, а амер-маринер, покуда не умер – на кушетке у Юнга.

^{lvi} Бессмысленно меряться мемами: чья правда длиннее. Вот прочел в одном мемуаре о «бульдозерной выставке»... в *Ленинграде*. Ну, бывает, не «википедии» мы, а «тулупы». Однако от энтропии-то не загородишься. Завтра «выставку» эту кто-то поймет как выставку дорожной техники. А послезавтра уже речь пойдет о танковой битве на «Куршской Губе» между подпольщиками-либералами и коллекторами-коммунаками из коммунальных спецслужб. Почему – сразу «нет»? Еще и кибер-игру на тему вселенских платёжек придумают...

^{lvii} Сегодня (2019) вышло монументальное 2-е издание сб-ка «Сумерки Сайгона» (где и мои полстранички начала 70-х), вполне ностальгический по настроению труд. Однако, как помню, при всей богемной притягательности этого места, я чувствовал себя там неуютно и стрёмно. Всюду виделись лишь наглые высокомерные физиономии и нечистоплотные личности, среди которых, по слухам, каждый второй был стукачом (включая и знаменитого Витю «Колесо», всех там знавшего, негабаритного и неопрятного хромца и профессионального нищего, прославившегося среди местных дам размерами своего члена).

^{lviii} Хотя мозги набекрень, но *оперативная* память тогда была на ура, не то, что теперь. Смешно сказать, но чуть позже мне даже дали возможность вернуться (и туда и туда); но как же: мы же гордые, блудного сына играть не заставите, у нас и без вас сплошной распрекрас! И хоть бит я, не раз, был в жизни изрядно (без капель в нос до сих пор не заснуть), но, к великому сожалению, не за то, не за дело. Но, рассуждая абстрактно-практически: что есть *ум*? Остроумие, опыт, смётка, образование могут быть непомерными, но внутри любого *чужого* сценария запросто окажешься беспомощным идиотом (или стоеросовой дурой). Мудрость это прежде всего выстраданная толерантность и к чужой и к собственной глупости. Нелегко быть мудрым и толерантным: сейчас поунтерофицерски высек бы себя тогдашнего за то, что думал лишь о себе ненаглядном, вместо того, чтобы наблюдать и общаться, да вытянуть из Дара (и Гора и Бахтерева) уникальные сведения о деятелях и деяниях того времени.

^{lix} Будучи уже преподом в техасском Остине, Монас пригласил в универ Костю Кузьминского (правда, недолго он там продержался). Как и принято в Штатах, Монас был типичный левак; помню его фразу, сказанную после первой встречи Никсона с Брежневым: «Фашист фашиста видит издалека».

^{lx} Его младшая сестра, красавица Ира Паперно, позже стала экспертом по Набокову и Чернышевскому в американском универе. Могу пояснить, почему. Мы тогда одновременно прочли роман Набокова «Дар» (в самопальном фотоскане с забугорного издания), где особенно интересной показалась нам саркастическая глава о Николае Гаврилыче. Между прочим, красавица была вполне рациональной девушкой, хипарь из коммуналки никак не мог ее заинтересовать, а на случай непроизвольной активности с моей стороны (когда мы оставались вдвоем) всегда присутствовал третий огромный хозяйский дог.

^{lxi} О темпоральных парадоксах, скоростях и замедлениях, можно кое-что добавить. Помню, как я с невестой своей, Риммой, и с малолетней племянницей на руках, летели (отнюдь не символически!) в такси через кювет. Тряслись словно горох в жестянке, но я успел заметить, как в замедленном кино, детали полета: вот автомобиль задевает правым бортом березу и теряет ручку дверцы, вот машина – «рапидом» – отлетает влево и теряет другую ручку о противоположную березу... Еще эффектней, пару лет спустя, произошло столкновение автобусов: в бок *нашему* на полной скорости врезался другой по гололеду. Я сидел на левой стороне и – под восходящий кверху женский визг в стиле нежного глассандо джазовой трубы Рознера и Харри Джеймса – успел увидеть как с пассажиров правой стороны салона слетели – вперед и влево – шапки. В последующий миг и сами пассажиры вылетели с кресел туда же. Затем на нас посыпалась мелкая крошка оконных стекол. А еще через мгновение – колючая дождевая волна стекол со второго автобуса. Но самая разительная картина нарисовалась далее: пустые сиденья начали по-пластунски *медленно ползти вперед*, одно из них шагнуло ко мне и ударило железным краем в колено... Вся сцена длилась не дольше секунды, но я успел ею несколько раз удивиться (не успев пошевелиться). Когда я выбрался наружу, природа-мать физпроцессов преподнесла еще бонус для окончательного изумленья: вынув перчатки из бокового кармана пальто, я обнаружил на дне кармана густой слой стеклянной крошки...

^{lxii} Конечно, какое быть может сравнение старых книжечек-с-картинками и нынешних видеоигр! Однако *воображение* навряд ли здесь уступало: помню, что какие-то страницы я даже боялся читать, п.ч. они казались слишком пугающими, а другие мог перечитывать сотню раз с неослабевающим наслаждением. А вот иллюстрации книжные никогда мне не нравились, поскольку в мозгу уже сложились *свои* образы любимых героев.

^{lxiii} К этому нужно бы еще добавить последовавший «разбор полетов» с предками. «А чё это вы пожары устраиваете?». «Так это же только дым!». «А дыма без огня не бывает!». «Нет правила без исключения!». Где-то спор заканчивался теоремой Гёделя, а где-то кожаным ремнем со звездой на пряжке.

^{lxiv} Почему акцент на этих именах? Не из-за громкости оных, а потому что – Читатели, а не конкуренты. Как раз мнение «гениев» наименее объективно. Не говоря уже о представителях какого-либо культурного клана.

^{lxv} Писано до 2020 года.

^{lxvi} Я вывел его под именем Философа в конце повести «Фук-книга» 77-го года (См. «Буквоборцы», СПб., 2015).

^{lxvii} В повести другого нашего приятеля, Володи Дюкова («Питерские фантазии», 2010), он представлен в забавном образе активного и шумного «бухарика», по имени *Лев Грохотов*. В прошлом «Мемории» я дал совет, вполне риторический, возможным будущим издателям андеграунда напечатать и Дюкова наконец, когда уж всех прочих, не по делу неизданных, опубликуют. Но бессмысленно жить в виртуальных надеждах на доброго дядю: Вова опубликовал себя сам за свой счет (понятно, что для самого узкого круга), а я, как только появилась техническая возможность, скинул тексты товарища в широкую Сеть.

^{lxviii} Они оба были родом из белорусской Речице. Саша Исачев рано умер, и неясно, как бы могло в дальнейшем развиваться его творчество. Но в те годы его гламурно-мистический, квазибиблейский стиль вызывал и восторги и неприятие в равной мере, хотя в природном таланте рисовальщика отказать ему невозможно. Меня тогда весьма впечатлила его манера в создании живого контраста между идеально-ледяной красотой женских образов и выражением пламенных духовных страданий в ликах пророков.

^{lxix} «Ты меня оттолкнул. / Уходя – уходил... Ты меня не любил / не любил / не любил».

^{lxx} Почему б еще не поплакаться в виртуальный жилет? Всё к одному. «Лир и дети» – сценарий тоже не благостный (подробности опушу), плюс старые болячки, «синяки»-соседи и паучина Петроэлектросбыт, чьи сношения с должниками весьма показательны для уяснения формы отношения начальства к населению в целом. А старушка-пластунка Жукова, как Григорий Замза, и я, подсудимый Йозеф К., это уже чистейший Кафка!..

^{lxxi} По теме «жизнь удалась»: кому б позавидовать? «Биг Боссу»? Улюлюкающий Сечин и посечённый Улюкаев? Сегодня ты всем батькам батька, а завтра... ох, рифма нехорошая напрашивается... Да ну ее! Удачливый писатель, медиазвезда?.. Скорей, я позавидую профессору, окруженному восторженными учениками. Хотя и здесь не без оврагов: есть грустные примеры. Наилучшую картину жизненного успеха я наблюдал на двенадцатом празднике в просторной трапезной маленькой церквушки в районе Автово. Во главе огромного П-образного стола восседал отец Иринарх, окормляя паству: «У всех ли у вас, детушки, есть выпить и покушать, не уйдет ли кто из-за стола голодным?». И паства (где – помимо иереев – и местный прокурор, и цыганский барон, и популярный актер, и скандальёзный депутат) благоговейно внимала рассказам иерарха о монашеской юности, о забавных случаях и персонажах вроде его тогдашнего сокурсника, «Вовочки Гундяева»... Иерарх, он же – жрец... это звучит гордо! Здесь, с моей стороны, на сто грамм иронии и на сто пудов белой зависти. Но завидуем молча: ведь не каждому дано. Это все равно, что откосившему от армии спросить у Судьбы: «Где тут у вас в Наполеоны записывают?..».

^{lxxii} Вот это по-божески. А с *ближними* отношения могут быть весьма дальними. Зять и дочка покойного залудили в Википедии страничку В.Х. Я добавил к ней ссылки на мои публикации одного и на мои мемуары с текстом о нем же. Через некоторое время захожу на страницу, вижу – ссылки на сами публикации сохранились (еще бы!), а всякое упоминание о мемуарах исчезло. Я повторил. Но и они повторили. Тогда не поленился заглянуть в кеш статьи и заметил, что

родственнички заходят для ее обновления несколько раз в год, по сути ничего не меняя, т.е. исключительно для отсекаания моей персоны. Такая вот мелкая «мстят» на семейной почве. Было бы не так обидно, если б они сами публиковали его произведения. Но что есть, то есть. Да мы и не от такого умывались!..

^{lxxiii} Хотя с другой стороны здесь можно увидеть и некую иллюстрацию преддверия к появившейся много позже «потенциологии» Мих. Эпштейна, или «философии возможного».

^{lxxiv} Были и другие схожие случаи. Так, обосновавшись, думая, что это уже навсегда, в уютной вечности соцстаоя, я лет десять потратил на собирание материалов по 60-70-м годам XIX века, мечтая создать из них некий пупер-авангардный док-роман с антисоветским уклоном. И работа над ним была действительно интересной в плане перехода от незнания к знанию: интриги 3-го Отделения вокруг Герцена, цинизм и русофобия Маркса, холуйско-доносительские письма к последнему Утина и т.д. и т.п. И вдруг, откуда ни возьмись, появился... ну, в общем, горбоельцинский перестрой. И понеслось: просветительно-антисоветский пафос стал трюизмом, моя пост«Метрополь»ская «Галера» разбилась и пошла ко дну (см. Парамеморий), и наконец, я с нескрываемой завистью посмотрел (на тв) многочасовой спектакль по пьесе Тома Стоппарда «Берег утопии» (похоже, что он все эти годы у меня за спиной стоял и использовал цитаты из писем и мемуаров, занявшие у меня несколько амбарных книг, для реплик наших героев!)... После чего я закрыл вопрос окончательно: порвал, сжег и утопил свои исторические списки-выписки в клозете.

^{lxxv} Напрашивается вопрос о главбесах, но тут все обычно проще «воровства». «Простой как Ленин», еще попроще – Сталин, куда уж проще чурки пузатый Хрущ, бровасто-брежневастый и вовсе символ снящегося нам «покою»... В украденной стране по «волосам» (не американский мюзикл, а мелкий русский *тыр*) не плачут.

^{lxxvi} Когда мы с Асей Львовной работали над книгой о Даре, я осмелился слегка отцензурировать Костины тексты, убрав часть обценных выражений и наименований. Шо тут началось!.. Электронная переписка дает слишком блеклое представление о фейерверке возмущений мэтра. В общем, пришлось мне пойти опять на попятную и восстановить всё буквально до буквы.

^{lxxvii} В скобках: а «вдовице»-то вполне могло бы понравиться, что через много лет после кончины за нее еще вызывали друг друга на дуэль, как Дмитрий Васильич Константин Константиныча. Тогда, впрочем, дело закончилось постановочным фото.

^{lxxviii} Современнику на заметку: звонил я из уличного автомата, поскольку в нашей коммуналке не было аппарата и даже на очередь по его установке мы прав не имели.

^{lxxix} «Махно» это его самопогоняло, хотя психоэстетически ему ближе был бы Михаил Бакунин.

^{lxxx} «...Боевое прошлое боевым прошлым, но выходящее из-под твоего пера-машинки-компьютера представляется мне относящимся менее к литературе, чем к патологии. Я не берусь ставить диагноз, Константин, хочу только тебе напомнить, что писанина и литература – не одно и то же. На меня писания твои производят впечатление секречии, обильного выделения разнообразных плазм... То, что ты имеешь на это право – несомненно, и то, что под эти выделения можно подобрать

философию, тоже. Но у меня есть право сторониться того, что мне чуждо... Я знаю, что за всем этим многословным бредом, который ты городил и городишь, стоит нормальный, несчастный, отзывчивый и неуверенный в себе, не желающий никому зла человек, способный хорошо относиться даже ко мне. Но стена, которую ты возвел, то мутное море слов, которое ее окружает, их не перешагнуть, не раздрав промежность. Я не девушка, и пусть все останется, как есть, хотя это и не к лучшему. Твой Иосиф».

^{lxxxii} И далее: «В Ленинграде я Вас еще не понимал. Я иронически относился к тому, что Вы почти всех своих сверстников считали своими учениками... Оказывается, Вы и сами себя не понимали. У ВАС БЫЛА НЕ ШКОЛА, А ЧРЕВО. ВЫ НЕ УЧИЛИ СВЕРСТНИКОВ, А ВСКАРМЛИВАЛИ ИХ, И ЭТО БЫЛ ПРОЦЕСС ЧИСТО ТВОРЧЕСКИЙ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ИБО – ЧУВСТВЕННЫЙ... Особенно в наше время: когда вокруг – клоака, все тонет в дерьме, когда над всем торжествует физическая сила, и все борются со всеми, и все борются против всего – единственное, что сейчас может делать нравственный человек, это ВЫПАСТЬ ИЗ СОЦИАЛЬНОГО, выпасть... в НЕСОЦИАЛЬНОЕ ИСКУССТВО, тогда и в этом мрачном, свинцовом одуряюще-гнетущем СОЦИАЛЬНОМ возникает прекрасное – свободное, яркое, праздничное пространство, в котором МОЖНО ЖИТЬ. Такое пространство Вы создавали вокруг себя в Ленинграде. По-видимому, то же происходит с Вами и в Америке. Ваши письма – это письма не из Америки, не из штата Техас, не из вонючего городишки Остин. Они – из того прекрасного пространства, с той цирковой арены, из того цветущего сада, где птицы свистят, трещат, орут, поют... радостно совокупляются, приплясывают, а лягушки пьют водку, охотятся за зайцами и сочиняют стихи, а посредине возлежит эдакий козлоногий Пан /или Сатир/, и своей флейтой щекочет скучных и унылых гениев, которые мрачны, злобны, истеричны, озабоченные своей прижизненной или хотя бы посмертной славой».*

* Вдогонку: из *сегодняшнего* (1921 г.) думка о прошлом прошедшем и о скором – в момент написания – *будущем*, которое тоже скоро пройдет (*уже* прошло для читателя). В марте 1922-го ожидается (= «ожидалась», а для будущего читателя моего и забыта давно) научная конференция о ККК (в Фонтанном Ахматовском доме). И ведь что здесь интересно (= парадоксально): *формализация* (= объективация), посмертная, *антиформального* (по жизни и сути) формалиста. Некогда – в «золотой» (золой зело позолоченный) брежневский (а для нас – Даровский) век – поэты-формалисты (либо уличённые в подобном грешке) были дрожжами анархичной *свободы* в скучном и ссученном, заорганизованном, но по-своему сказочном, сосуде былой кафкианской системы. Чуть позже (тоже давно, хотя до сих пор современно) поэтика-этика и горячее личное отношение ККК к литераторам – в патологически-беспардонной 9-томной «Лагуне» – стало считаться экспертами за моветон и маргиналию. Но вот помер, наконец, Константин и формализм (= музейфикация в формалине), филоложество неубиваемое, опять с ним... Что ж, от судьбы не уйдёшь.

^{lxxxiii} Это имя у меня становится почти нарицательным. И отца моего так звали, и Дышленко здесь, покойный, и Смелов, и Тайгин, и опять же – Б.И. Иванов.

^{lxxxiii} Ой-вэй-азохенвей! Как же так, маэстро? Что за *партияство*.. Клан ты мой, кудрявый... (блин обляденелый!). *Наш* – значит «княш», а *вашизм* не пройдет!..

^{lxxxiv} Клубится дым от дум-вспоминаний!.. Как я отметил в упомянутой выше

статье, «самая-читающая-страна-в-мире» не могла не породить внутри себя разнообразнейших дериваций классической игры в «казаки-разбойники», не могла не сыграть и в более специфические формальные игры, такие как «андеграунд и власть» (или, что то же – «сукины отцы и дети»)… общая форма социально-художественного бытия создавалась андеграундом и его антиподом *совместно*, в диалектическом со- и противодействии... Клуб-81... сразу начал активно дифференцироваться и раздуваться: появились секции критики, поэзии, прозы, театральная и музыкальная студии, «Регулярные ведомости» – орган правления клуба, «Предлог» – издание секции переводчиков, плюс журнал для детей и журнал сатиры («Красный щедринец»). Социум не пропешь! И в тюрьме – как на воле; и в зеркальном подполье всегда есть ведущие, ведомые и изгои. Я сам, к примеру, был андеграундом в андеграунде: левее только стенка, подпольней только магма. Позднее, в Фейсбуке, я написал о том, что круг журнала «Часы», при всем его значимости для нашей культуры, все же чем-то напоминал, зеркально, ЦК, Политбюро и Совпис. Тут же проснулись бывшие члены и наехали на меня по полной; а ты сам-то *что* сделал для «фронта»? Ну а что может сделать рядовой, морально репрессированный, «коммунист» из левой оппозиции?..

^{lxxxv} Для тех, кто в башне не из кузьминской «кости», уточню: в 60-х возникла в Питере оригинальная литературная группа – Б. Вахтин, В. Губин, И. Ефимов, В. Марамзин; к ним были близки Борис Парамонов, Рид Грачев и Довлатов, а предисловие к их неопубликованному сборнику Давид Дар написал. Сегодня на аукционе не на малую сумму бы потянул; думаю, что тот – виртуальный – бомж на помойке, который мог его сохранить, давно уже помер и сборник пошел на растопку костра для соборного супчика. Позже, к счастью, оказалось, что мой экземпляр все же не самый последний: я это узнал, когда приехавшая в Питер очередная итальянка-славистка нашла раритет в Пушкинском Доме. Эх, чтобы мы делали без добрых самаритян!?. *Левит* не помог (Лука 10:32) – от ивановых помощи тем более не дождешься.

^{lxxxvi} Заранее согласен с возможным упреком в языческом фетишизме. Конечно, искусство вечно, носители только меняются. Однако трудно враз распрощаться с материальными артефактами, от коих столько кайфа душевного заглотил (Питерсон и Грапелли, ди Меола и ди Лусия, всех не перечислишь), особенно после контрастной работы в грязюке и общений со смурными и хмурыми мужиками, будь то литераторы, трубочисты или просто соседи по «шарику» (иногда это одни и те же мужики).

^{lxxxvii} Ну, первые блины всегда комом. Заглянул я в княжеско-боярские списки допетровского времени, и что там увидел? Откуда благородные ноги у элиты растут? Ники вполне показательные: Хромой, Кривой, Сухой, Немой, Косой, Иван Глупой, Андрей Дурной, Иван Чорт, Данило Собака, Семен Харя, Иван Залупа, Иван Иванович Бородатый Дурак и даже Иван Романович Неблагословенный Свистун. (См. Кобрин В.Б. РГГУ. М.: 1995).

^{lxxxviii} Не стоит, конечно, слишком всерьез воспринимать градус накала этих эмоций. В медиа трудятся настоящие профи-многоостаночники – они и пламенные патриоты, и плакальщики по всем униженным-оскорбленным (особо от врагов режима), и хладнокровные бизнесмены с правильными вложениями по всему миру.

^{lxxxix} «Лондонские туманы не существовали, пока их не избобрело искусство». И т.п.

^{xc} Когда абсурд становится бытом, меняется и психология. Перефразируя старую советскую поговорку про армию, можно сказать «Кто в нашей Раше жил, тот в цирке не смеется».

^{xc1} Стоит отметить следующее «ноу-хау», неизвестное предыдущим режимам: административный отбор из результатов отрицательной социальной селекции с соответствующим матподкреплением. По всем необходимым параметрам: наемники для гибридных войн, провокаторы-«титутки» на уличных протестах и для преследования оппозиции, интернет-тролли для очернения виртуальных пространств.

^{xcii} Одним из лучших примеров ПМ до ПМ является, вестимо, победа красных над белыми. В первую очередь – в гибком обращении с Логосом. Эти, вроде бы кондово заидеологизированные пацаны, когда нужно, умели легко обходить собственные догматы и запреты себе же на пользу. Чем, кстати, и сами основоположники не раз грешили. А вот упёртые, не читавшие Маркса-Ленина, доброармейцы «в белых ризах» никак не могли себе позволить переступить через идею «Единой-и-Неделимой», из-за чего и не получилось у них реальных союзов ни с кем из противников красных.

^{xciii} Ну, скажут, нашел умника! Нассим Талеб для бедных. Согласен: темный, двуличный, нарыл гору словес*, а смысла на копушку. Всё так, и тем не менее: если даже *такой* товарищ скажет, что «дважды два – четыре», то я не смогу возразить. С другой стороны, любимый интеллигентским народом (и мною), Дима Быков, *большая* – по всем параметрам – умница и продвинутый «люден»... Но когда он прилюдно валяет ваньку, и, воротя нос от Гессе-Борхеса-Пруста, пиарит второразрядных писунов и дружанов, так и хочется «размазать его печень по асфальту» (согласно кремлёвской цитате. Нелюбовь к потенциальным конкурентам болезнь не только писательская). А в принципе понятно, что всё на свете всяко относительно, сиречь диалектично, и я бы выучил «феню» только за то, что на ней разговаривал Кремль... (*Ср.: «стрессогенный», «криптосталинизм», «кейс кризиса», «дискретная корпоративность», «подрывной фьюжн», «идеологический шредер», «травмопункт власти» и тому подобную прогрессивную терминологию).

^{xciv} Супротив природы не поперешь. А «бляшки» и рады: мир – море-марево, и нет ничего, дружок, на что можно опереться, поэтому слушай старших по болоту, они выведут, и не «под корень», а куда надо.

^{xcv} Хотя, конечно, митрофанушки сейчас это тоже своего рода леонарды да винчи в плане заявленной универсальности своей индивидуальности. Пусть и на нулевом уровне таланта и знаний, да кто ж докажет!..

^{xcvi} Как-то само собой написалось: Сегодня он играет джаз / и метит в уберменши, / а завтра он «козёл продажный», / не больше и не меньше.

^{xcvii} Некоторое уточнение: это *Запад* преобразует архаику в цифру, а *Восток* действует, скорей, «по понятиям» – тут сама архаика овладевает новейшими технологиями.

^{xcviii} Особенно интересно то, что язычество, как оказалось, просто неубиваемо. В христианство оно встроилось так удачно, и расположилось столь удобно, что хорошо еще, что хоть внешняя форма христианства до сих пор сохранилась. Внутреннее язычество базируется на трех ортодоксальных «китах»: 1 – народность, 2 – *народность*, и 3 – Народность. Т.е.: 1 – этноцентризм (специфика

местечковой конфессиональности), 2 – ритуализм (превалирование понятной и строгой формы над трудноуловимым духом и подозрительной интеллигенцией, в латинском смысле термина), и, производно из последнего, 3 – контагиозная магия (поклонение разного рода мощам и прочим вещным атрибутам, а также знаковым именам, в надежде обретения «сальвации»). Не говоря уже о том, что «кое-где у нас порой» сами духовные лидеры счастливо претворяют дух-порывы в личный мат-достаток. Тут давеча как-то по «телеку» услышал я в проповеди первосвященника проникновенное слово о том, что «деньги» это же «хорошо». И трудно с ним не согласиться: ведь речь явно шла о «хороших» деньгах, а не о пенсиях и прожиточном минимуме. Так что архаика с цифрой совокупаются ныне совсем не по-детски.

^{xcix} И абсолютно естественно, что простые «пиндосские» массы проголосовали в 2016-м за «недальнего» Трампа-ра-рам-па: это в *делении* они сложны и сложены индивидно, а в *сложенности* – просты, и тяжело замучены навязанной сверху неволей буль-муль-толерантности.

^c Конечно же, не всё сразу. И ничто неизвестно заранее. Хотя, приставив растопыренные пальцы к носу, со временем можно было бы догадаться, что упираться рогом, доказывая свою невъебенную крутость, окажется себе дороже. Ну трудно ли кинуть символический пряник для окормления недовольных болотниковых? Иль увеселить бряцаньем медалей скопичных-шуйских? Но главное, не допустить, чтоб местные трубецкие-шаховские и примкнувшие к ним филареты, истрадавшие от инфляций и санкций, пришли к мысли, что *царевич-то* скорее жив, чем мертв...

^{ci} Так и с нашей стороны уже иные идут ветродуи. Раньше-то поддерживали разнообразный левняк, пушистых анжел из города ангелов, да местечковых красноармейцев, а сегодня – трампированную консерваторию, травмированную инферно-интерно-толерант-националом, да грандами-умниками вроде наумов хомских и толпами бездумных бездомных на грантах.

^{cii} Говоря *по науке*, «парадокс» и «естественность», «закон» и «случайность» дополняют друг друга. Процесс всегда идет по нарастающей: по принципу максимума взаимной информации (усиление обратных связей) и экстремальному (он же оптимальный, хоть и вариационный) принципу – *изживает* внутренние (рамочные) возможности ситуации, доводя тенденцию до логического конца, до абсурда и срыва, из-за чего конечный результат вполне способен отрицать и дезавуировать собственное начало. Однако, если данная катастрофа это всего лишь часть глобального исторического процесса, то здесь можно говорить о «теории волн», в том числе в плане свободы/несвободы. Образно: как кот играет с мышкой, тиран с оппозицией (схватит в когти – отпустит), а «Русский Бог» с Россией.

^{ciii} Моральная причина падения элементарна как Ватсон: система «потлача», повышения ставок, игра в «пальцы всером». И кто б это ни был, не важно: Гудвин, Великий и Ужасный, или Нашталинсегодняя (а Ленин-Танин послезавтра), да обычный вчерашний гопник и Ванька-Каин во веки веков... Чтоб далеко не ходить (по вселенной), напомним о теории современных ученых, объясняющей отсутствие разумных сигналов из космоса. Предполагается, что цивилизации, достигшие сходного с нашей технологического уровня, просто не удержались на нём и развеялись «ядерным пеплом».

^{civ} Ну, конечно, академики здесь могут встрять со ссылками на законы Евгения Седова и Ильи Пригожина о структурах, хаотизирующих внешнюю среду, и о высших ячейках системы, черпающих свою силу и сложность за счет упрощения и деградации нижних ячеек.

^{cv} Ср. известный постулат современной социологии: *Приватизация доходов* (= пироги-и-пышки) и *национализация расходов* (= синяки-и-шишки). А кто не в *ренге*, тот и виноват.

^{cvi} На третейском виртуальном суде я бы мог оправдаться тем, что не мыслю жизни без джаза и блюза, но, как известно, чужая (а значит – чуждая) мысль, как и ее обладатель, не всегда и не для всех «имеет значение»...

^{cvi} Конечно, специфика все равно потребует суверенного креатива: эгалитэ нам не хотэ, а дурить и придуриваться, сидя на скрепной шее у мужичка, тоже надо с фантазией! А то еще укусит за кашеёво яйцо раньше, чем эликсир вечной жизни изобретут!

^{cvi} Да хрен со стишатами! Меня больше тогда поразила их полная самодостаточность при некоторой маловменяемости. Пришли, стало быть, погудеть-побазарить за Коку с Витюхой, а выяснилось мимоходом, что даже сайт Антология новейшей русской поэзии У ГОЛУБОЙ ЛАГУНЫ многим из них практически неизвестен. Ау! По клавишам бить вроде бы все научились, «а толку?!» (как любил выражаться сам ККК). Что уж тут говорить о понимании современности! Спроси их о том, *кто* смотрит мульт «Заповедник», читает ЕЖа, или даже Пелевина, вряд ли бы больше двух рук поднялось...

^{cix} А может и к лучшему: держава и корона давят такой авторитарностью, что враз превращают Ланселота в дракона.

^{cx} С Соснорой всё, конечно, сложнее: там и мандельштамовский навык вымарывать лишнее, и хлебниковско-цветаевский порох, и рембо-вийоновский запал, и внутренняя свобода импровизаций без малейших следов плебейского ressentimentа.

^{cx} В каком-то смысле его можно даже считать неким провозвестником современного *рэпа*, «протогнойным» Оксимироном-Хаски, как в свое время А.К. Толстой был протоХармсом.

^{cxii} Хотя бывает и хуже (ср. описанную мной историю Геры Григорьева).

^{cxiii} Вот два слова о Беспалько, раз уж не написал о нем раньше: как поэт-лирик он, м.б., *не самый большой*, даже *камерный*, но зато – *настоящий*. Никому не завидующий и совершенно не конкурентный, а живущий как птица небесная, и в этой своей маленькой «камере» весьма мощный, потому что всамделишный и натуральный.

^{cxiv} Где оказалась, кстати, оригинальная версия романа Белого «Петербург».

^{cxv} Навскидку: на левом «блине» штанги – «Люблю Россию», на правом – «но странно любовью». Или – «Не забуду Рашу-Мать!», а на другой стороне нечто в рифму.

^{cxvi} Такое бывает: не в то время, не в том месте; им бы с Борисиванчем (в одно слово) в стратегические штабы, советниками президента, экспертами спецслужб и кураторами методичек..., а пришлось гуманитаркой заведовать в заведомо кривозеркальном королевстве... Но социальные законы везде одинаковы. С другой стороны – а найдите-ка на сегодня второго подобного автора нескольких книг

философских афоризмов!.. Хотя, с третьей стороны, не все афоризмы там одинаково съедобны, иногда хотелось воскликнуть: Да не гнался б элитист за популизмом!..

^{cxvii} Побужу еще в примечании: да это просто бред герменевта, да подотритесь вы своей справкой, ну пора бы уж русскому человеку научиться отличать твердый шанкр от мягкого, как говорил незабвенный Веничка, а вялотекущую шизофрению от маниакально-депрессивного психоза!..

^{cxviii} Нет, скажу и хорошее: * ни разу Останин не нацик (он со всеми суров; так, *критик справа*), по мелочам («слишком человеческим» и сугубо политическим) не разменивается, он выше сидит и глубже копает: противопоставил, к примеру, «духовно здорового» Пастернака «изломанному» Мандельштаму. Однако любая подобная позиция «над схваткой» неустойчива: все равно верх возьмут стереотипы массовой идеологии. Здесь не нужна звезда Давида, когда по роже его видно; достаточно очков и бороды. Архетипическому мировому «совку» для пущей науки нужно не под фонарем искать мирового врага, а самому напаялить хиджаб и плевать из-за забора в молодых израильских красоток с автоматами. Так-то релевантнее будет!

*В прошлом мемуаре уже я рассказывал, как встретил Борю в метро, не узнав, но офигев: мужик в ушанке и в валенках читает Дерриду в оригинале!.. Не с чем сравнить. Парижский клошар с томиком Бердяева в руке не годится (тут повсюдная эмигрантщина, клошар мог даже лично с Бердяевым встречаться). Вот если б ковбой, охраняя коровье стадо, покачиваясь на лошади, и закрываясь стетоскопом от техасского солнца, почитывал бы оригинальное издание «Проблем поэтики Достоевского», делая пометки в особо интересных местах... вот тогда да.... Но сие в разы невероятней, чем пришествие уэллсовских марсиан.. Разве что есть примеры попроще: вот техасский славист и препод Сидни Монас подрабатывал между семестрами машинистом на паровозе!..

^{cxix} Любопытно, что ранний философский трактат Борисиваныча был посвящен противопоставлению двух типов общества и культуры – открытому, неформальному и прогрессивному, и закрытому, консервативному, бюрократическому. Несомненно, что себя самого автор числил по первому из них. Что ж, Марат, Робеспьер, Бонапарт, Джугашвили и кой-какие имамы тоже начинали как друзья народной свободы.

^{cxx} В ответ на возникшую нервную полемику (и подзуживанье Останина), я на стр. Берга в ФБ отделался примиряющей фразой: «Эх, хотел уже было снять со стены ржавое ружжо с узорчатым прикладом и кривую казацкую саблю, чтоб порубать всю правду-матку, но подумалось, что правда-то полифоничненькая получается (у каждого своя!), а наверху – одна посправда...». Однако, при всем уважении к Михаилу, я с трудом воспринимаю его квазиобъективную теорию резкого противопоставления кривулинского ж. «37» и «Часов», как якобы «прогрессивного постмодернистского» издания в сравнении с «архаично модернистским». И все ссылки на различия культурной политики московских концептуалистов, будто бы близкой глубоко религиозной редакции ж. «37», с политикой «Часов» (публиковавших тексты Пригова и К°, но как будто бы *без всякого удовольствия*) и субъективны, и недоказуемы, и схоластичны, да и никому уже теперь не интересны.

^{сxxi} Куратор от гебни и проповедник ЗОЖ, автор книжки «Республика Самбо». Скорее всего именно он и имелся в виду в рассекреченном ныне спец-сб-ке как «наш человек во главе Клуба».

^{сxxii} Я, конечно, свечу не держал и ни на чем не настаиваю, но когда-то Гран-Борис (в данном аспекте немного перестраховщик, конечно) поделился со мной критическим мнением по поводу факта открытых и частых связей Аркадия с иностранцами без какого-либо преследования со стороны Большого Брата из Большого Дома. Такая вот гностика-агностика и прочая говнистика...

^{сxxiii} Чтоб к этому уже не возвращаться, скажем о том, что наваяло столь образным выражением. Пример гегелевской триады: тезис – прогрессивно-романтические (на деле – клишированные до оскомины) лозунги-инсигнии для «гегемона», на который последним был дан в ответ естественный антитезис – «дураки», а далее эволюционный синтез от «молодой либерастии» тех дней: «ударники»=битники, «наставники» – дзена, йоги, карате, «энтузиасты» – джаз-рока, «дури» и бухла. Спираль эволюции Духа («колесо сансары») не перестает раскручиваться: вот уже предыдущий синтез становится тезисом победившей «либерастии», на что бывлой «гегемон», превратившийся в «быдло», отвечает антитезисом неосталинизма, ностальгии по колбасе за 2.20 и простоте соц-отношений, и тогда ему предлагается новый, цинически постмодерный, синтез из архаических духовных «скреп» и имперско-полицейских реалий. Трудно впереди разглядеть очередной поворот: что это может быть – антитезис из поджогов и разбитых витрин и совсем уже непредставимый в привычных образах синтез?..

^{сxxiv} Напомню, что это была эпоха *милиции* и *Ленинграда*!

^{сxxv} Хотя, и сегодня можно кое-что добавить: 15 лет спустя после смерти БК (жарким летом 2021 года) «Мордокнига» (либеральный Фейсбук) надолго *удалила*, *как спам*, все ссылки на сайт с фотоотчетом о вечере в честь 75-летия Грана и всю галерею его фоторабот...

^{сxxvi} О подвиге ее перевода «Дон Жуана» в тюремной камере написано уже многими и много, поэтому не стану здесь распространяться, хотя не упомянуть об этом тоже нельзя.

^{сxxvii} Позднее стал местным чиновником, а в постсоветское время аж бизнесменом (ему принадлежал бильярдный клуб в к/т «Авангард»). Впрочем, стихописания все же не бросил. «Что найду – потеряю/ В Царскосельском Саду/ Чей-то путь повторяю,/ По аллее иду».

^{сxxviii} Ни малейшего гротеска с моей стороны! См. его собственные откровенные воспоминания «Снова Казанова. Ме...!МУУ-У...!А?РРРЫ!!!». Вагриус, 2009 г. (Правда, о том, что очерк Дара о Сосноре, он издал в парижском «Континенте» под своей фамилией, Бетаки скромно умолчал).

^{сxxix} Кто б мог подумать, до чего она докатилась! 90-летней «вишенкой на торте» в год разгрома российской оппозиции. Впрочем, в таком возрасте каждый имеет законное право на то, чтоб выжить из ума.

^{сxxx} Мое, как и у прочих, к нему отношение всегда было двойственным, скорей, даже тройственным. С одной стороны – обозленное (за непрестанное вранье и клептоманию), с другой – юморное (не забывали поздравить его с международным днем имени Клары Цеткин и Розы Люксембург, на что он, как умный человек, не обижался), ну и напору таланта, остроречия, артистизма противостоять было практически невозможно.

^{сxxxі} Готической формы руина работы А. Менеласа. Фигура Христа, стоявшая некогда внутри Шapelи, теперь в Эрмитаже. А фигуры двух полупьяных придурков на фоне граффити советского периода (ныне очищенных) сохранились в моем фотоархиве.

^{сxxxіі} Ныне – профессор, искатель подземных и подводных сокровищ на всех континентах. Правда, особенно много не отыскал и переключился на поиск российских нефтегазовых месторождений. Вена, Рома – Неверморел!..

^{сxxxііі} В прошлой жизни я был наверное *буком* и не могу спокойно наблюдать как пият живые деревья. Хотя и сам повалил энную меру стволов, но валил я исключительно сухостой, научившись это *правильно* делать от ныне покойной тещи с ее гулаговским опытом времен ленинградской блокады и русско-германской мясорубки.

^{сxxxіv} Из семьи старообрядцев-беспоповцев (по легенде, потомок Саввы Мамонтова, на которого и внешне похож, и откуда его литпсевдоним), ребенком во время оккупации оказался в фашистском концлагере. Критик, поэт, диссидент, фанат футбола, барокко и символизма, автор статей о русской интеллигенции, исследователь почвеннического направления русской мысли и авангардной поэзии, но человек совершенно не ангажированный и до безобразия честный. С одной стороны было в нем что-то от Белинского/Писарева, но еще больше – от Хомякова/К. Леонтьева с примесью Канта. «*Право-левое* сознание, – говорил он, – имеет право на существование». Широкий человек! Федор Михалыч бы «сузил». А, может, и правильно? Если руками-то не размахивать направо-налево, то выявляется Центр, не Восток и не Запад, но – *Хартленд*. Не зря Кирилл благосклонен был к Дугину в последние годы, и Федору Михалычу они бы оба понравились.

^{сxxxv} По темпу эволюции вирус нас уже опережает, но все мы не умрем (как Пушкин. Да уж точно не как Пушкин!), а изменимся (как собака Павлова) – кто-то в киборги с ИИ, а остальные пройдут через т.н. «бутылочное горлышко» (термин популяционной генетики, а не популярной винотеки!) и выжившие будут не слабее звероящеров.

^{сxxxvi} Когда-нибудь (и это время не за горами) о Набокове и Бахе скажут, что они сочиняли *не хуже*, чем программы искусственного интеллекта.

^{сxxxvii} Плюс и минус гасят друг дружку. Агрессивной англизации дискурса сопротивляется скрепная духовка с «мокроступами» в голове. Наш «Великий-Могучий» тоже изменяется: куда подевались все «ништяки»? Ушли в небытие вместе с пейджерами и калошами? И не маркетингом единым полнится речь: мы тоже обогащаем вселенную. Вот теперь Запад узнал новое слово – *siloviki*, а для внутреннего употребления есть уже неологизм – *ссыкловики* (пятеро «космонавтов» хомутают одну школьницу). А ведь когда-то можно было прожить жизнь, ни разу не столкнувшись с судом и с судебными приставами, не зная, кто такие коллекторы и кибер-мошенники, не заморачиваясь бесконечными регистрациями, паролями и шифрами, в меру удовлетворившись дефицитной книжкой (за сданную макулатуру) и кассетой с ритмами зарубежной эстрады. С одной стороны, ты полностью открытый объект манипуляций, а с другой, как субъект, ты можешь годами продвигать свои труды и идеи, но останешься стат-погрешностью. Попугайчик, котик или голая жопа, в отличие от тебя, наберут миллионы просмотров и лайков. Да сегодня Гегель и Кант провалились бы со

своими «стартапами» в нуль, так что им повезло с эпохой, хотя, кто знает, м.б. сегодня они стали бы Джобсом и Цукербергом?.. Впрочем, отдадим должное Прогрессу: заграница сегодня это уже не «Тот Свет», как писал в письмах Дар: я (всё еще) могу звякнуть стаканом, по Скайпу, с ганноверским Ромой Ароном или с Женей Линовым, осевшим в израильской Хайфе...

^{сxxxviii} Конечно, постмудёрое руководство вполне способно создавать на отдельных спецверофермах новый русский орднунг, но на всей осьмушке суши оруэллизм не пройдет. Великий Русский Бардак это первейшая скрепа и последняя наша надежда!

^{сxxxix} Профессор, пишет Дар, человек «который, как вам известно, знает все на свете, вернее, знает, как все было, как все есть и как все будет, не зная только, почему и зачем все было, все есть и все будет. И от этого его обстоятельные и весьма убедительные знания располагались как бы по периферии, по окружности, оставляя посередине зияющую дырку, которую нельзя ни доказать, ни опровергнуть». («Маленькие завещания». – «Речь, которую я хотел бы произнести у своего гроба». Цит. по «ДАР». СПб.: «Петербург-XXI в.». 2005. С.29 и сл.).

^{cxl} Тут ведь какая выходит заковыка? Если ты продашь душу искусственному «мефистофелю», то потеряешь свою волю и природное Я, т.е. перестанешь быть самим собой и человеком в классическом смысле. А если самость по-прежнему будет верховодить, то и ИИ не даст ничего особенного сверх уже привычных девайсов. Ну выиграешь в оперативности, в скорости, а проиграешь в чем-то ином, уже на биоуровне. Как-то так.

^{cxli} Знаю заранее, что среди прочего он указал бы на то, что слишком уж мраморно-бронзовым получился в моем омемурировании; «А я совсем не такой: недостатки преступные пёрли из каждой дыры и прорехи!..». Ладно, сочтемся непрухами...

^{cxlii} Нет, каждому мертвяку по персональному ИИ конечно же не достанется; либо мертвая ссылка – засохшей мухой – в Мировой Паутине, либо сухое *dosye* в национальном компьютере (одна нация – один фюрер-комп!), которое позже сотрут за ненадобностью.

^{cxliii} Куда подевалась культура комментария? Если даже взять за образец универ-энциклопедию «Литературный Санкт-Петербург XX век», то после первого издания (куда, по причине необоримого разгильдяйства составителей, не попали такие местные мастодонты как Дм. Лихачев и Лидия Гинзбург, зато проник москвич Евгений Попов, недолгое время проучившийся в ленинградском техникуме), вышло еще два, «исправленных», а потом, когда закончились донаты и тугрики, словарь перебрался на сетевые «рельсы»... Но и там я обнаружил нелепые «ляпы», вроде аватара Сергея Стратановского в статье о Кирилле Бутырине. Можно только позавидовать западной школе комментария, в истоке которой и древний злой Зоил и добрый прапрадедушка Прокл. Конечно, и тут не без проблем, особо учитывая зависимость западных славистов от филологов-эмигрантов, которым весьма свойственны определенные идиосинкразии, подчас очень даже крээзные

ПРИМЕЧАНИЯ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ

^{cxliv} Не поэтому ли Гозиас, наряду с Кузьминским, объявил войну пунктуации, как удавке свободному течению речи?..

^{cxlv} Ну разве в самой малости – через опосредованное влияние «потерянных поколений», от эпохи «проклятых поэтов» до времен Хемингуэя, Ремарка и Керуака.

^{cxlvi} Конкретный пример? Да их сотни. Ну хотя бы такой: в Царском Селе будущие поэты-новаторы занимались на переводческом семинаре у Татьяны Гнедич, переведшей по памяти байроновского «Дон Жуана» в камере предварительного заключения сталинской тюрьмы. Вы, нынешние, нут-ка!..

^{cxlvii} Как говорил один из героев романа Гозиаса «Потерянное поколение», «каждый дурак в Ленинграде пишет стихи... Разрешите мне совершить непристойность и занять место между двух мнений, оставаясь прозаиком в поэзии и поэтом в прозе, потому что не вижу разницы между прозой и поэзией».

^{cxlviii} Пьянство поэтов имело среди прочего и чисто литературные основания. Вот несколько слов о пьянстве из того же романа Гозиаса: «Виктор Соснора стал алкашом только потому, что все известные ему гениальные поэты были алкоголиками. Нет ничего зазорного, если гении перенимают друг у друга привычки или пристрастия – им это обязательно, как подметил Аристотель, ибо основа творчества подражательна».

^{cxlix} Слава (Соломон) Гозиас – 1935 (Невель) – 2018 (Хьюстон) – внук (по матери) *ребё* Гирша Кляцкина (местечко Романово, после революции – Ленино*), биологический отец неизвестен, фамилия по отчиму.** Пережил блокаду и эвакуацию, сам относил себя к «уличному поколению сирот». К литературе приучил его Глеб Горбовский, он же в 1955 году привел его сначала в Лито Глеба Семенова в Горном институте, а затем в Лито «Голос Юности», где Гозиас познакомился с Давидом Даром, Виктором Соснорой, Юрием Шигашовым, Владимиром Алексеевым, Олегом Охапкиным, Валерием Холоденко, Константином Кузьминским, Андреем Битовым, Александром Кушнером, Сергеем Довлатовым, Владимиром Губиным, Евгением Феоктистовым, Сергеем Вольфом, Натальей Галкиной (ставшей его первой супругой) и с другими литераторами, о которых позже написал нелицеприятные воспоминания в двух томах, «Сплетни о современниках» (Morris Publishing, Kearney, 2004). Автор ряда неопубликованных романов, повестей и рассказов (иногда под псевдонимом «Третьян Скоморохов») и 4000 стихотворных страниц. Эмигрировал в США в 1979 году.

* Есть село с таким же названием в Липецкой области, но в нашем случае это Слуцкая обл. в Беларуси.

** Эта редкая фамилия встречается в реестре переписи времен Иоанна Грозного и в списках новгородского купечества XVIII-го века.

^{cl} Несмотря на то, что от Шигашова вечно несло душной достоинщиной, я все же воспринимал его, скорей, как трагикомическую фигуру: о его характере, о роли, которую он сыграл на моей свадьбе, о его несостоявшейся нобелевке по литературе и т.п. см. (по возможности) в моих мемуарах «Пара меморий» (СПб., 2011) или в сб-ке «Буквоборцы» (СПб., Юолукка, 2015). С гозиасовскими «Сплетнями» мои книжки роднит ситуация «иммунитета» от библиотечных полок и изоляции от сетевых джунглей *Амазона*. Если продукты «премудрости Соломона» нашли место вечного упокоения тиража в гараже, то мои путаются под ногами в квартире главреда изд-ва Юолукка (фин. «Голубика»), Олега Дмитриева («Вечно синяки на ногах об вас набиваю!», жаловался он).

^{cli} В тексте также упоминается один из моих псевдонимов, «Владимир Константиади», который вероятнее всего взят Гозиасом из рижского журнала «Родник» перестроечной эпохи, где мною было опубликовано эссе, посвященное питерскому прозаику Аркадию Бартову (наст. фамилия – Шейнблат), «Аркадий Бартов глазами Хорхе Борхеса». Бартов едва ли не единственный представитель концептуализма в нашем городе, известный в среде ценителей авангарда такими классическими текстами как «В гостях у советской литературы», «Клип-романы», «Описания» и цикл рассказов «Мухиниада».

^{clii} Владимир Алексеев (позывной – «Вова Толстый»; в прозе Гозиаса отмечен под псевдонимом «Вольдемар Фефилов» и «Мытарев»), в отличие от выдуманных героев («маленьких людей» Гоголя, Достоевского или Чарли Чаплина), реальный представитель подпольной культуры, размышляющий под кроватью, в условиях питерской коммуналки, о мировых проблемах (см., опять же по возможности, его «Исповедь сына города», СПб., 2012). Не первый, разумеется, представитель: достаточно вспомнить рассказ Льва Николаевича Гумилева о том, что все основные идеи по теории этногенеза пришли ему на ум тогда, когда он прятался под шконкой в многонациональной КПЗ эпохи сталинского ГУЛАГА 30-х годов. И, судя по приметам дня сегодняшнего, Алексеев не станет последним в этом историко-культурном ряду.

^{cliii} С Евтушенко, как и с самим Венедиктом, Шигапова познакомил, конечно же, московский поэт Слава Лён, будущий президент (наряду с Соснорой и Бродским) Академии Русского Стиха (АРС), славный приятель – ныне и присно – всех мало-мальски известных писателей и художников Российской Федерации. Общее отношение к Евтушенко в нашем кругу было неизменно юмористическим, в духе образа поэта «Распашонки» из философского романа Ал. Зиновьева «Зияющие высоты». Хорошим комментарием к образу самого Лёна может служить историческая фотография на его страничке в Фейсбуке, где он сидит на скамеечке вместе с Венедиктом Ерофеевым, Александром Зиновьевым и Георгием Владимовым.

^{cliv} Царица Авдотья, или «царица Дуня» – Евдокия Фёдоровна Лопухина (при рождении Прасковья Илларионовна, в иночестве Елена (1669 – 1731) – первая жена [Петра I](#) (1689 – 1698), мать царевича [Алексея](#), последняя русская царица и официальная иноземная супруга русского монарха.

А вот мне больше понравилась поговорка, которую приписал мне в рассказе Гоziас: «Кому и кобыла невеста», где под «кобылой» имелась в виду Литература, противопоставленная, как Культура, Религии. Здесь он меня довольно тонко поддел, но глубже не пошел, поскольку я мог бы добавить, что в отличие от людей рассчитывающих на продолжение своей жизни в виртуальной реальности («трансцендентальности»), я, по-пегасовски-гозиасовски, скорее в чаяньи виртуального бытия в будущем реальном мире.

^{clv} Известны (и покуда еще популярны среди пишущих алкоголиков в качестве ритуальных мест для спир(и)туальных тризн и причащений) могилы поэтов Горбовского, Кривулина, Охупкина, Лены Шварц, Васи Филиппова, а вот могилы лучшего питерского поэта, Виктора Сосноры, не существует, его прах был развеян над водами в истоке Невы* перед крепостью Орешек (в которой, кстати, помимо прочих исторических персонажей находились в заключении и царица Авдотья и Иван VI – Иоанн Антонович, – о драме которого некогда написал Соснора в повести о Мееровиче.

* Впрочем, можно еще вспомнить камерного поэта и представителя ЛГБТ, Геннадия Трифонова, чей прах был развеян над речкой Славянской в Павловском парке.

На правах пробного оттиска

29 апреля 2025 года

Издатель-редактор В.Чернышев

ПРИМЕЧАНИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ